

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
М.Э. Часноўскі

Намеснік галоўнага рэдактара:
У.В. Здановіч

Міжнародны савет
М.М. Громаў (Расія)
А.М. Круглашоў (Украіна)
Эдвард Ярмох (Польшча)

Рэдакцыйная калегія:

Г.І. Займіст
(адказны рэдактар)
П.А. Вадап'янаў
В.М. Ватыль
А.М. Грыгаровіч
Ч.С. Кірвель
П.П. Крусь
А.І. Лысюк
Б.М. Ляпешка
С.В. Рашэтнікаў
Д.Г. Ротман
Я.У. Скакун
В.А. Сцепановіч
Т.І. Якавук
Я.С. Яскевіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1335 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224665, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 1

ФІЛАСОФІЯ

ПАЛІТАЛОГІЯ

САЦЫЯЛОГІЯ

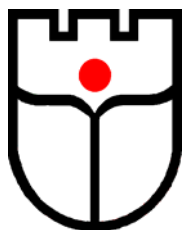
НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

№ 1 / 2012

У адпаведнасці з Загадам Старшыні Вышэйшай атэстацыйнай камісіі
Рэспублікі Беларусь № 21 ад 01.02.2012 г. часопіс «Веснік
Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія»
ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
па філасофскіх, палітычных і сацыялагічных навуках

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:
M.E. Chasnovski

Deputy Editor-in-chief:
V.V. Zdanovich

International Board:
M.M. Gromov (Russia)
A.N. Kryglashov (Ukraine)
Edvard Yarmokch (Poland)

Editorial Board:
G.I. Zaimist
(managing editor)
P.A. Vadapyanav
V.M. Vatyl
A.N. Grigorovich
C.S. Kirvel
P.P. Krus
A.I. Lysyuk
B.M. Lyapeshka
S.V. Reshetnikov
D.G. Rotman
E.Y. Skakun
V.A. Stepanovich
T.I. Yakavuk
Y.S. Yaskevich

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1335 from April 28, 2010

Editorial Office:
224665, Brest,
Boulevard Cosmonauts, 21
tel.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 1

PHILOSOPHY

POLITOLOGY

SOCIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

Founder – Educational institution
«Brest state university named after A.S. Pushkin»

№ 1 / 2012

According to the order of Chairman of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus № 21 from February 01, 2012, the journal «Vesnik of Brest University. Series 1. Philosophy. Politology. Sociology» was included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in philosophical political and social sciences

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ

Лепешко Б.М. Идеи Петра Чаадаева в контексте развития белорусского национального самосознания ...	5
Крыштофик-Гоголь Э. Измерения религиозности как детерминанты религиозной идентичности.....	14
Беляева Е.В. Историческая динамика нравственности как нелинейный процесс.....	22
Люкевіч У.П. Дэвіянтныя паводзіны ў спорце: філасофія, сутнасць і небяспека футбольнага фанатызму.....	28
Барановская Т.Г. Содержательный аспект музыки и его трансформация в историко-стилевом контексте.....	37
Левко О.А. Построение идентичности субъекта со своим временем.....	50
Макаренко И.М. Идентификация личности в культуре постмодерна: проблемы и пути их разрешения.....	56

ПАЛІТАЛОГІЯ

Земляков Л.Е., Северин Э.Н. Конституционно-правовые основы свободы совести граждан в Республике Беларусь.....	62
Пушкін І.А. Заканадаўчыя асновы міжнацыянальных адносін у Рэспубліцы Беларусь (1991–2010 гг.) ...	70
Мельников А.П. Политическая культура Китая.....	80
Ротар Н.Ю. Политическое участие в эпоху второго модерна: в поисках адекватной модели.....	89
Кузьмин А.Д. Общая характеристика положения чиновничества Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв.	96

САЦЫЯЛОГІЯ

Яковук Т.И. Социологический подход к пониманию туристического движения.....	104
Грибов Г.М., Лысюк А.И., Соколовская М.Г. Агротуризм в представлениях белорусских экспертов: социологический анализ.....	111
Лашук И.В. Концепт «культура» в современной социологии.....	121
Бубнов Ю.М. Социологический очерк потенциальной этнической нетерпимости в белорусском обществе.....	129
Бабосова Е.С. Досуг в системе социокультурных ориентаций белорусской молодежи.....	139
Сухотский Н.Н. Особенности отношений общеобразовательных учреждений и Белорусской православной церкви в сфере воспитания молодежи: социологический аспект.....	146
Рыбчак С.В. Дебюрократизация госаппарата в устойчивом развитии белорусского общества.....	153
Ананьев В.Л. Специальная школа для детей с нарушениями зрения в условиях реформирования системы специального образования Республики Беларусь.....	160
Звесткі аб аўтарах	169

CONTENTS

PHILOSOPHY

Lepeshko B.M. The Ideas of Peter Chaadaev in the Context of Development of Belarusian National Identity.....	5
Krishtophic-Gogol E. The Scope of Religiousness as Determinants of Religious Identity	14
Belyaeva E.V. Historical Dynamics of Morality as Nonlinear Process.....	22
Lukievič U. Deviational Behaviour in Sports: Philosophy, Essence and Danger of Football Fanaticism	28
Baranovskaya T.G. Substantial Aspect of Music and its Transformation in the Historical-style Context	37
Levko O.A. Construction of Identity Subject With His Time	50
Makarenko I.M. Identification of the Person in Postmodern Culture: Problems and Their Resolution	56

POLITOLOGY

Zemlyakov L.E., Severin E.N. Constitutional and Legal Bases of the Liberty of Conscience in the Republic of Belarus.....	62
Pushkin I.A. The Legal Basis of Relations Between Nationalities in the Republic of Belarus (1991–2010).....	70
Melnikov A.P. Political culture of China	80
Rotar N.Y. Political Participation in the Era of the Second Modern: in Search of an Adequate Model.....	89
Kuzmin A. General characteristic of position of officials of Belarus in the second half of the XIX-th – the beginning of the XX-th centuries.....	96

SOCIOLOGY

Yakovuk T.I. Sociological Approach to the Conception of Tourist Movement	104
Lysiuk A.I., Gribov G.M., Sokolovskaya M.G. Agroecotourism in the Perception of Belarussian Experts: Sociological Analysis	111
Lashuk I.V. Concept «Culture» in Modern Sociology.....	121
Bubnov Y.M. Sociological Outline about Potential Ethnic Intolerance in Belarusian Society.....	129
Babosova E.S. The Role of Leisure in Social and Cultural Orientations of Belarusian Youth.....	139
Sukhotski N.N. Features Relations Secondary School and Belarusian Orthodox Church in Education of Young People: Sociological Aspect.....	146
Rybhak S. The Deburocratization of the State Machinery in Steady Development of the Belarus Society: Sociological Analysis	153
Ananiev V.L. Special School for Children with Visual Impairment in the Condition of Reforming of Special Education System in the Republic of Belarus.....	160
Information about the authors	169

УДК 316.75(476) + 1(470)(091)

Б.М. Лепешко

ИДЕИ ПЕТРА ЧААДАЕВА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

В статье проанализированы те идеи Петра Чаадаева, которые имеют прямое отношение к процессу формирования национального самосознания в нашей стране. Среди них – критическое отношение к собственной истории, выстраивание на основе такого рода критики концептуальных методологических положений. Обращено внимание на соответствующий белорусский контекст. Высказанная русским мыслителем концепция носит методологический характер и может быть востребована в рамках современного общественного сознания. Обоснована важность тех идей мыслителя, которые он полагал универсальными.

Любовь к истине важнее любви к родине
Пётр Чаадаев

Закономерно недоумение: какое отношение русский кавалергард начала XIX века, друг А. Пушкина, автор «Философических писем» и «Апологии сумасшедшего» имеет к становлению, развитию белорусского самосознания? Уж не перепутал ли автор омегу и Онегу, Конта и Канта, Сартра и Шартр? Нет, не перепутал. Да, прямо, непосредственно Пётр Чаадаев вряд ли может быть причислен к белорусским интеллектуалам, деятелям белорусского культурного возрождения. Он лично (как интеллектуал, мыслитель) не стоял у наших философских, культурных, мировоззренческих истоков. Но филиация, развитие идей часто идёт, движется столь запутанными, извилистыми тропами, что до сих пор удивляются, почему у нас столь известен, например, один мыслитель, одни доктрины, идеи и совершенно забыт, не изучается и не популярен иной. Можно объяснить, почему популярен Владимир Соловьёв, но сложно сказать, в связи с чем столь мало обращаются к наследию Константина Леонтьева. Удачно аргументируют актуальность идей Иммануила Канта, но сложно объяснить непопулярность философских, философско-исторических реминисценций Фридриха Шиллера. А ведь идеи Петра Чаадаева – это и наши идеи, в том смысле, что мы в тот период жили в рамках одной страны – Российской империи. У нас было одно культурное пространство. В том смысле, что его мысли – это мысли, имеющие прямое отношение к становлению славянского, восточнославянского самосознания. Причём единство определяется не только национальными границами и заклинаниями о суверенитете, есть и единство традиций, единство истории, единство государственное (в прошлом), единство ментальное и мировоззренческое, единство крови, наконец. Что и сегодня (об это будет говориться ниже) его размышления прямо влияют на развитие не только русского, но и белорусского, украинского самосознания.

Констатация филиации идей, подчёркивание глобальной связи доктрин, высказанных мыслей, текстов («рукописи не горят»), конечно же, не самоцель. Представляется важным, интересным вычленив, выделить те идеи великого русского мыслителя, которые имеют прямое отношение к становлению и развитию белорусского национального самосознания, те мысли, которые можно использовать в качестве методологического инструментария. Именно посредством их мы можем прийти к выводам принципиально иного качества. Основную проблему можно сформулировать так: какие конкретно идеи П. Чаадаева сегодня остро актуальны в процессе формирования белорусского национального самосознания и чем отличаются подходы русского мыслителя

в данном вопросе от тех, которыми оперируем сегодня мы? И первый вопрос прозвучит так: в чём смысл жёсткой критической оценки прошлого России в контексте наших национальных проблем? Оговоримся, что собственно цитирования работ Петра Чаадаева мы будем по возможности избегать – по причине их широкой известности.

1

Нет смысла повторять те известные критические оценки исторического прошлого России, которые были высказаны, главным образом, в первом «Философическом письме» мыслителя (1836). Они широко известны, их цитировали многократно. Но отметим иное: сколь рознится оценка этих резких замечаний в трудах авторов как прошлых веков, так и века нынешнего. И причина этих полярных оценок очевидна: отношение к высказанным Петром Чаадаевым идеям носит концептуальный, методологический характер. В зависимости от той или иной оценки выстраивается собственное понимание философско-исторической проблематики, да и истории страны в целом.

Приведём некоторые показательные примеры. Георгий Флоровский: «Чаадаев идеолог, а не церковник» [1, с. 287], его идеи нельзя рассматривать с точки зрения науки. Отсталость России тоже провиденциальна, но здесь есть «тайна», эта тайна заключается в том, что задача России – «дать разрешение всем вопросам, возбуждающим споры в Европе». Таким образом, Россия призвана к «всечеловеческому делу». Г. Флоровский «выводит» П. Чаадаева за пределы религиозной философии, традиций религиозного мышления в России, отводя ему роль досужего публициста, идеолога.

Николай Бердяев: «Русское самосознание должно было пройти через это горькое самоотрицание, это был диалектический момент в развитии русской идеи» [2, с. 73]. «Мысли Чаадаева о русской истории, о прошлом России выражены с глубокой болью, это крик отчаяния человека, любящего свою Родину». Для Чаадаева любовь к родине – замечательная вещь, но гораздо важнее любовь к истине. Выдающийся русский философ совершенно верно поставил на первое место в своей оценке идей П. Чаадаева мысль об «отрицании» (диалектике), а также оперировал понятиями «крик», «боль».

Историк философии Николай Лосский обращает внимание на то, что бесплодность исторического прошлого России для Чаадаева была благом: «Русский народ, не будучи скованным окаменелыми формами жизни, обладает свободой духа для выполнения великих задач грядущего» [3, с. 54]. В этом аспекте идеи Петра Чаадаева сближаются с основными постулатами славянофильских теорий при всём известном «западничестве» мыслителя.

А вот уже Василий Розанов, с его привычным балансированием между глубоким провидением сути вещей и эпатажностью: «Чаадаев прав с его отрицанием России, которая умеет только пускать соплю на ту дудку, которую держит во рту» [4, с. 446]. Здесь имеет смысл, вспомнить похожее признание самого Розанова: «Где же наш оригинальный труд в истории? В истории Россия всегда обнаруживалась слабою нацией, как бы слабо отпечатанное на космическом печатном станке. Что за странная жизнь – жизнь «впечатлениями», жизнь подражаниями». Между тем от «призвания князей» и до «социал-демократии» мы прожили именно так. В объём подражательности и ряда подражательности умещается объём всей русской истории. Мы – слабо оригинальная страна, не выразительная» [4, с. 463].

Интересна марксистская трактовка критического пафоса идей Петра Чаадаева. В частности, Г.В. Плеханов полагает, что причиной столь жёсткой критики была «тогдашняя действительность». В этом смысле Чаадаев близок Герцену и, в какой-то мере мы можем говорить о «двух выстрелах в ночи» (вспоминая известное замечание Александра Герцена, согласно которому «Философическое письмо» Чаадаева было «выстрелом в ночи»). Да, автор «Философических писем» мистик, западник и прогрессист, но он является «выразителем той страшной боли, какую вызывала в наших западниках

наша печальная действительность и наша мрачная история» [5, с. 750]. Да и увлечение мистицизмом было «плодом нервной болезни». В этом пункте Г.В. Плеханов фактически поддерживает точку зрения Николая I, объявившего мыслителя сумасшедшим. И традиционно для данной методологии решение поставленных П. Чаадаевым проблем «могло быть найдено только в общественной деятельности», а сам Пётр Яковлевич может быть смело причислен к деятелям российского освободительного движения.

Очень важной для нашего разговора представляется позиция, высказанная в одной из статей Осипом Мандельштамом, выдающимся поэтом излёта Серебряного века. Первое, что надо бы вспомнить: Чаадаеву «хватило мужества сказать России в глаза страшную правду», полагает поэт. Второе: главное, на что обратил внимание Чаадаев, что «мало одной готовности начать историю, её вообще нельзя начать». Нельзя, потому что «не хватает преемственности, единства. Единства не создать, не выдумать, ему не научиться. Где нет его, там в лучшем случае «прогресс», а не история». И третье: «Чаадаев был первым русским, в самом деле идейно побывавшим на Западе и нашедшим дорогу обратно... А сколько нас духовно эмигрировали на Запад! А сколько среди нас – живущих в бессознательном раздвоении, чьё тело здесь, а душа осталась там!» [6, с. 178–179, 184–185]. К этому стоит добавить лишь одно замечание: статья «Пётр Чаадаев» была написана Осипом Мандельштамом в 1914 году.

И, чтобы закрыть краткий библиографический обзор, приведём лишь одно из типичных рассуждений современных российских авторов. Одна из точек зрения представлена так: «Чаадаевский анализ прошлого русского народа, хотя иногда и содержит верные наблюдения, в целом не отражает подлинной истории Отечества», «философ пренебрежительно оценивал любое оригинальное явление, не соответствующее западно-европейским образцам». И далее: «В философии истории Чаадаева всё-таки преобладают мотивы национального нигилизма», «истиной для философа является программа преодоления самобытных начал, отказа от национальных традиций, от православия и от русской культуры в целом, то есть, установки, искажающие правильное познание истории» [7, с. 21–22]. Заметим лишь, что критический анализ такого рода замечаний не составляет цели этой статьи.

Если попытаться обобщить высказанные и иные, не приведённые здесь оценки, то выводы получаются следующие. Петр Чаадаев – это прежде всего мыслитель, теоретик, даже методолог, в том смысле что его идеи послужили основой для формирования самых различных концептуальных теорий, они (мысли) лежат в основе размышлений не одного поколения славянских мыслителей. Он предложил некую эссенцию, духовный концентрат, который многие пробуют «разбавлять» собственными экзерсисами на протяжении вот уже двух веков. Его значение даже не в конкретных критических замечаниях по поводу прошлого и настоящего России, сколько в формировании самой модели критического рассмотрения прошлого страны, самой теоретической возможности модели такого рода. Критика прошлого страны выступает методологическим инструментарием, в том числе в виде метода исследования.

Представляются второстепенными констатации вроде тех, что П. Чаадаев «западник», даже «славянофил», «прогрессист», «умалишённый», «находящийся в депрессии». Как и всякие иные определения такого рода, они мало что дают нам для понимания сути исследуемых вещей, процессов. Вот обращает на себя внимание тот факт, что и Н. Бердяев в своей известной работе «Смысл истории», обращаясь к наследию Петра Чаадаева, фактически ушёл от определений такого рода. Смысл жёстких критических реминисценций автора «Философических писем» передаётся через категории «диалектика», «отрицание», «боль», но никак не «прогрессист» или «депрессивная личность». И это не случайно: «Мы творили от горя и страдания; в основе нашей великой литературы лежала великая скорбь, жажда искупления грехов мира и спасения», – пишет Н. Бердяев [8, с. 143].

Здесь нет ренессансной лёгкости, такого же оптимистического мировосприятия, уверенности в завтрашнем дне. Критический пафос рассуждений П. Чаадаева связан с пониманием «прерыва постепенности» по отношению к национальной истории, отсутствия традиции, обособленности в своём «медвежьем углу». И плохо не то, добавим мы, что этот угол «медвежий», а то, что он «обособлен».

Вообще говоря, увидеть «плохое» в национальной истории – невеликая вещь, невелико достижение. Угрюмых мизантропов-теоретиков было и есть предостаточно в нашей стране. Но о Чаадаеве мы говорим с пиететом потому, что он был первым, кто не просто сказал о плачевном состоянии дел, но сказал это концептуально, сказал громко, предложив собственную модель миропонимания. В каком-то смысле его выступление было катарсисом, очищением. Не потому, что в прошлом и настоящем «всё плохо», а потому, что мы признали сущность и характер происходящего и потому получили дополнительные шансы исправить положение дел (понятное дело, тогда, когда мы уверены, что это положение надо бы исправить).

Чаадаев «предложил и ту модель понимания сути вещей, которая может быть «приложена» к логике развития иных стран (имею в виду, конечно же, историю Белоруси). Попробуем разобраться, что же здесь может быть общего.

2

У нас – в интеллектуальной традиции страны – не было своего Чаадаева, т.е. не было человека, который внятно и чётко сказал бы неприятные слова о том, что наше историческое прошлое не столь благостно и позитивно, как это пытаются представить некоторые философы, историки и публицисты. У нас вообще произошла странная аберрация национального сознания, претендующего на значимость и самоценность. То есть оно, это сознание (очевидно, в форме высказываний его конкретных представителей) пыталось доказать собственную ценность исходя из апологии самих себя. Получается, здесь логика известного анекдота, когда девочка говорит: «А моя мама самая красивая». И после паузы: «А я вылитая мама». Намерения при этом самые благородные: ведь формируем национальное государство. А как же сформировать это национальное государство без формирования соответствующего исторического, философского антуража. И с самыми благородными целями создаются исторические фигуры, пишутся замечательные философские портреты, составляются антологии и идёт непрерывный поиск земляков, которые чего-то где-то достигли. И в этом поиске, в этом письме нет ничего зазорного, он понятен и логичен, но при одной важнейшей предпосылке: признании того, что Чаадаев применительно к России называл формулой «любовь к родине прекрасная вещь, но истина дороже».

Если мы признаем этот чаадаевский посыл в качестве методологического основания, то наши оценки собственного исторического прошлого станут более взвешенными, более трезвыми, а наши интеллектуальные предтечи станут выглядеть реальными персонажами, а не фантазмагоричными продуктами нашего воображения. Причём не надо думать, что подобного рода методология востребована именно сейчас, только в авторской интерпретации и до этой поры никто подобным образом вопрос не ставил. В мире философии истории вообще нет ничего нового, что уж тут говорить про предложенный подход. В качестве первого примера приведём замечательную работу историка и этнографа А. Богдановича, отца известного белорусского поэта [9]. Учёный вообще говорит об истории не западного, а «западного» края (с ударением на второй «а»). Белорусские песни – душа народа – «отличаются пришибленностью творчества, духовной бедностью», обряды «или крайне дики с точки зрения современного человека, или грубо фетишистичны», жизнь «свидетельствует о сравнительно невысоком уровне умственного развития» и т.д. А вот талантливый историк, «руссофил» и «западнорусс» М. Коялович: Белоруссия «так бедна, что не может допустить праздных тео-

рий, отвлечённых мечтаний, бедность у нас не только духовная, но и материальная». «Белорусы большей частью небольшого роста, хилы, вялы, бледны» [10, с. 30–33]. Современный белорусский автор Адам Мальдис приводит свою «историографию» вопроса: «Той жа Францішак Багушэвіч усклікаў: «Дурны мужык, як варона». Той жа Янка Купала смуткаваў: «Беларусы ж нічога не маюць». Той жа Максім Гарэцкі ўклаў у вусны Лявона, героя сваёй аповесці «Меланхолія», словы аб тым, што адзіная спадчына ў беларусаў – «куча хатак, як куча гною» [11, с. 4].

Презентация подобных цитат, которые можно продолжать и продолжать, не самоцель. Здесь хотелось бы сделать два замечания. Первое – о том, оскорбляют ли подобные цитаты чувство национального достоинства. Нет, не оскорбляют. Кого, скажем, оскорбил Петр Чаадаев своим «Философическим письмом»? Царя, истэблишмент, словом, власть предрежащих? Оскорбил ли он Александра Пушкина, иных свободно мыслящих людей? Кого хотел оскорбить сам Александр Пушкин, написавший в 1834 году статью «О ничтожестве русской литературы», статью, в которой утверждал, что только одно «Слово о полку Игореве» возвышается в нашем культурном пространстве, как утёс, как уединённый памятник в пустыне нашей словесности? Ни Чаадаев, ни Пушкин не стремились кого бы то ни было оскорбить; они стремились сказать правду так, как они её понимали эту правду, – кто ж против правды-то? И Чаадаев, и Пушкин были искренни, были глубоки и правдивы, и именно поэтому вот уже на протяжении почти двух веков мы их читаем и перечитываем, учим в школе и пытаемся понять, что же хотели сказать эти мятежные духом люди.

И второе: очевидно, нет никакой необходимости сознательно провоцировать публикацию подобных замечаний как приоритетных, как созидательных. Надо признать: критика всегда вторична по отношению к творению, критика вообще «живёт» за счёт творения, критика имеет смысл лишь как попытка выстраивания новой методологии, возможно, как «критика источников», позволяющих по-новому понять и осознать как прошлое, так и настоящее. Причём не надо думать, что подобная постановка вопроса – исключительно наше изобретение. Один из известных швейцарских мыслителей XX века, задаваясь вопросом, откуда «растёт» национальная исключительность, отмечает, что её причины – «в переоценке самих себя». Причём странная вещь: источник переоценки такого рода надо искать в среде интеллектуалов иных стран, чаще всего сопредельных. Так, «в настоящее время в среде швейцарских интеллектуалов процветает отнюдь не шовинизм, скорее преклонение перед иностранцами и чувство собственной неполноценности» [12, с. 46]. Мы можем проследить эту же мысль, обращаясь к такой теме, как наследие польских интеллектуалов, родившихся на территории современной Беларуси.

Скажем, вот Ю.-У. Немцевич, родившийся на территории современного Брестского района Брестской же области. У нас издаются книги, выходят в эфир передачи, посвящённые этому замечательному человеку. «Вот по этой тропинке, – прочувственно говорит ведущий местного телевидения, – маленький Юлий бегал босиком». Его «видели» вот эти столетние дубы и ясени. Весь пафос подобных передач в том, что Немцевич «наш», плоть от плоти, кровь от крови. Пожалуй, «физически» мы можем согласиться с такой постановкой вопроса. Ведь среда, «география» (вспомним классика жанра француза Шарля Монтескье) активно влияет на формирование не только физического, но и духовного облика. Но ведь интеллектуально этот человек имел мало общего с нашей традицией. Он говорил и писал на польском языке. На польском языке думал, признавался в любви. Он учился в Европе и был европейцем – а при чём здесь мы, при чём здесь Беларусь? Слово «белорус» на уровне культуры ему вообще не было знакомо. Здесь как раз тот случай, когда желаемое выдают за действительное. Конечно, о Немцевиче есть что сказать, можно найти родственников и обратиться к их помощи

в части публикации книг о нём – это признанная фигура. Но было бы намного честнее, если бы адепты именно такого подхода видения прошлого и настоящего белорусской культуры обратились к мужику, который сеет, пашет, навоз вывозит: вот здесь всё честно, это действительно плоть от плоти и кровь от крови.

Но тогда закономерно возникает и иной вопрос: получается, что были две культуры: польская и наша, белорусская; культура Немцевичей и культура «мужицкая», культура «от сохи», культура «этнографическая». Так не получается – так есть на самом деле. А нам втолковывают, что культура эта одна и культура эта Немцевичей. Культура Немцевичей – это польская культура, всё отношение которой к культуре нашей заключается в том, что географически и отчасти духовно (как опосредованное творческой личностью восприятие среды) она имела отношение к Брестской земле. Сегодня белорусской, но когда-то – польской и российской. Кстати, никому и ничего не говорит тот факт, что до сегодняшнего дня произведения Немцевича так и не изданы на белорусском языке? И, конечно, речь не только о Немцевиче. Вот открываем, например, замечательную книгу Яна Барщевского «Шляхтич Завальня», написанную в первой половине XIX века. В аннотации читаем: Ян Барщевский – один из создателей современной белорусской литературы. А чуть выше и мелкими буквами написано: перевод с польского языка. По мнению издателей, в такого рода сочетании противоречия нет, а по-моему – есть. Стоит прислушаться к мнению одного из современников и первого критика творений писателя, Ю. Бартошевича: «Баршчэўскі заняў і будзе заўсёды мець сваё месца у польскай літаратуры» [13, с. 364].

Это вообще «большая» для нас тема. Ведь далеко не случайно сформировалось мнение, что для того, чтобы состояться как личность, чтобы сформироваться и заявить о себе, талантливому белорусу надо бы уехать из страны (Российской империи, Речи Посполитой). Именно об этом говорят, кстати, многочисленные работы современных белорусских авторов, которые пишут биографии тех наших известных земляков, которые состоялись за рубежом (вспомним работы А. Мальдиса). Но это предмет для отдельного и очень интересного разговора.

Заключая, отметим, что при всей методологической важности того критического подхода, который наметил и осуществил П. Чаадаев и которым мы в некоторой мере уже воспользовались, сводить всё именно к «критике» всё же нельзя: это было бы неправильно и непродуктивно. Концептуальные идеи, высказанные Петром Чаадаевым, имеют и мощный позитивный подтекст, дают теоретические возможности для формирования интересных философско-исторических идей, имеющих прямое отношение к теме, связанной с формированием белорусского национального самосознания. Обратимся к некоторым из них.

3

Одна из первых проблем – это экуменическая проблематика, хотя, понятное дело, о данном конкретном понятии в трудах мыслителя не было сказано ни слова. Но прежде чем говорить об «объединительной» философии, отметим, что для Чаадаева католицизм был «приоритетен» перед православием по двум основаниям.

Во-первых, католицизм всегда играл в истории активную роль. Религиозные войны, ордена, борьба со светской властью и многое иное – это проявления той активности, которую можно осуждать, но которой не хватает отечественной церкви. То, что отечественные теологи называли в ряду преимуществ православия, для автора «Философических писем» было недостатком. Православие не активно, не исторично в том смысле, что его влияние на мировой исторический процесс недостаточно, да и что ждать иного, когда оно издавна пассивно, созерцательно. Во-вторых, католицизм универсален, охватывает не один регион, а весь земной шар, причём его универ-

сальность не только геополитическая, как мы бы сегодня выразились, но и всеохватывающая в духовном смысле.

Православие же, по мнению Чаадаева, не даёт чувства преемственности развития, в очень узких пределах связано с таким понятием, как «традиция», оно не даёт развиться чувству сопричастности с делами всего человечества (заметим в скобках, что эти же мысли, особенно последняя, высказываются многими теоретиками и сегодня). Причём важно подчеркнуть: мыслитель (лично) не принял католицизма и критично оценивал те попытки такого рода действий, которые ему становились известны. Здесь, кстати, заметна известная близость между отношением критиков к Чаадаеву и В. Соловьёву: автора «Оправдания добра» также упрекали (безосновательно) в том, что он не только теоретически «принял» католицизм, но и практически осуществил данный шаг.

Христианство исторично, но оно же и мистично. Христианство не только нравственная система, но и действенная «божественная сила». Христианство обращено не только к абстрактным нравственным идеалам, христианство должно привести к воплощению этих идеалов нашей жизни, то есть появлению, воплощению Царства Божьего. Тем самым, как справедливо полагает протоиерей В. Зеньковский, «Чаадаев решительно защищает свободу человека, ответственности его за историю (хотя исторический процесс таинственно и движется Промыслом) и потому решительно возражает против суеверной идеи повседневного вмешательства Бога» [14, с. 171].

Какое отношение высказанные идеи имеют к процессу формирования национального самосознания у нас? Тут ведь весь вопрос в том, что характер нашей страны многоконфессиональный и историческое «соперничество» конфессий не досужее изобретение публициста. Собственно, толерантность как определяющая черта национального характера белоруса во многом «выросла» из понимания того факта, что «огнём и мечом» веру не утвердишь, как бы и кто эту веру ни называл и какие бы аргументы ни высказывал. Исторически жёсткое противоборство различных сил, в том числе и тех, кто представлял различные конфессии, – очевидный факт, а гибель многочисленных мучеников за веру – тому прямое подтверждение. С течением времени выкристаллизовалось понимание преимуществ межконфессионального мира, и то, что мы имеем сегодня в этом аспекте, – результат в том числе и такого рода понимания. Но это лишь часть проблемы. Пётр Чаадаев «подсказал» нам одну из важнейших мыслей: актуализация сил народа возможна на пути реализации именно универсальных начал, которые и представляет христианство в его целостности.

Процесс формирования белорусского национального государства продемонстрировал нам, что мы добьёмся много большего на этом пути, сохраняя мир в конфессиональном сообществе, более того, если воспримем идеи христианства не локально, а универсально, как некую целостность, единство, как некую универсальность. Если обратиться к практике уже нашей современной жизни в этом аспекте, то мы легко заметим небывалые раньше моменты: посещение президентом Беларуси А. Лукашенко Ватикана, многократные визиты представителей высших кругов апостольской столицы нашего Минска, активизацию деятельности местных католических общин, заметную пастырскую деятельность архиепископа Т. Кондрусевича и многое иное. Далеко ведь не случайно не столь давно прозвучала (но не была реализована) мысль о встрече в Минске представителей двух ветвей христианства – католичества и православия.

Здесь важен и мессианский контекст, особенно в русле формирования уже сегодня новых наднациональных структур (Евразийский союз). Достаточно хорошо известен тот тезис, согласно которому весь XIX век (да и часть века XX-го) прошли под знаком надежд на особую будущность России, славянства в целом. И Чаадаев был апологетом мессианской идеи. Он размышлял о том, что в России есть преимущество «деятельности почвы», о том, что «отсталость даёт возможность свободы выбора». Универ-

салистские идеи, сторонником которых он был, собственно, не давали ему иного выбора (как и Владимиру Соловьёву с его теократической утопией). Здесь основная мысль звучит следующим парадоксальным образом: поскольку мы в прошлом были слабы, неразвиты, словом, не актуализированы, постольку у нас есть великая будущность. Что в этом суждении нарушены правила движения мысли от основания к следствию (собственно, формальная логика здесь мало востребована), во внимание не принимается. Но, как известно, логика всегда вторична по отношению к мессианским идеям.

Оправдывая такой подход, сам Чаадаев писал в своём первом «Философическом письме», что «мы принадлежим к числу тех наций, которые существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок». Вообще-то он полагал, что время для вступления России на историческое поприще ещё не наступило, да и характер самих «уроков» рисовался ему смутно. Мыслитель говорит о том, что Россия должна взять на себя «инициативу проведения всех великодушных мыслей, ибо она не имеет привязанностей, страстей и интересов Европы». Надо признать: до сих пор Россия (и славянство в целом) «средоточием умственных интересов Европы» всё же не стало. В этом смысле мессианские уроки П. Чаадаева имеют смысл разве что в ракурсе их критического осмысления: если великая будущность нам и предназначена, то, можем повторить за мыслителем, их время ещё не настало. Но есть и иной смысл в подобного рода рассуждениях: сегодня, формируя идеальную конструкцию Евразийского союза (в отличие от конструкции правовой, экономической, военной и политической), мы мало что говорим о его «великой будущности». Стало больше прагматизма, больше трезвости в рассуждениях – что ж, и за это спасибо Петру Чаадаеву и его великим последователям (Фёдору Достоевскому, Владимиру Соловьёву и иным).

Подытоживая сказанное, признаем, что для развития белорусского национального самосознания Пётр Чаадаев сделал немало. Он подсказал нам замечательную формулу, что любовь к истине выше любви к родине. Что правда всегда предпочтительнее лжи, какими бы благородными и значимыми лозунгами эта ложь ни сопровождалась. Он вообще обратил внимание на ту сторону нашей жизни, нашей деятельности, о которой говорить не принято, она всё время находится в тени, поскольку господствует неверное предположение о том, что правдивая оценка возможностей, роли того или иного народа обязательно принижает этот народ, искажает его благородные черты.

Пётр Чаадаев, конечно, не был «общественным деятелем» в том смысле, какой вкладывает это понятие марксистская теория, но он не был и классическим либералом-западником, которым его тоже готовы представить. Как ни странно это прозвучит, он действительно плоть от плоти нашего интеллектуального поля, нашего интеллектуального сознания с его противоречивостью, формулировкой антиномий и попытками следовать этим антиномиям, стремлением к крайностям, готовностью к самопожертвованию ради истины, сочетанием высокого уровня абстрактного мышления с постановкой вполне прагматичных задач. Возможно, его идеи можно представить как некие «надклассовые», «наднациональные», универсальные и в этом смысле внеличностные, но это тоже будет преувеличением. Он принадлежал своему классу, своей стране, его творчество знаменовало начало философского мышления, и крайне важно, что это начало состоялось именно в критической форме: именно критическое мышление даёт возможность непредвзятой оценки состояния дел.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Флоровский, Г.В. Пути русского богословия. Философское пробуждение / Г.В. Флоровский // IX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М. : Наука, 1990. – 528 с.

2. Бердяев, Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н.А. Бердяев // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М. : Наука, 1990. – 528 с.
3. Лосский, Н.О. История русской философии / Н.О. Лосский. – М. : Советский писатель, 1991. – 479 с.
4. Розанов, В.В. Сочинения / В.В. Розанов. – М. : Советская Россия, 1990. – 592 с.
5. Плеханов, Г.В. Избранные философские произведения: в 5 т. / Г.В. Плеханов: – М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1957. – Т. 3. – 784 с.
6. Мандельштам, О. Шум времени / О. Мандельштам. – СПб. : Азбука, 1999. – 382 с.
7. Бенедиктов, Н.А. Философия истории в России – 19 век / Н.А. Бенедиктов [и др.]. – Н. Новгород, 1994. – 221 с.
8. Бердяев, Н. Смысл истории / Н. Бердяев. – М. : Мысль, 1990. – 175 с.
9. Богданович, А. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Этнографический очерк / А. Богданович. – Минск : Беларусь, 2005. – 186 с.
10. Коялович, М. Чтения по истории Западной России / М. Коялович. – Минск : Белорус. энцикл., 2006. – 480 с.
11. Мальдзіс, А. Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі // А. Мальдзіс. – Минск : Лимариус, 2001. – 384 с.
12. Гуггенбюль-Крейг, А. Наивные старцы / А. Гуггенбюль-Крейг. – СПб. : Б.С.К., 1997. – 96 с.
13. Баршчэўскі, Я. Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях / Я. Баршчэўскі. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1990. – 383 с.
14. Зеньковский, В.В. История русской философии / В. Зеньковский. – Л. : Эго, 1991. – Т. 1 – Ч. 1. – 221 с.

Lepeshko V.M. The Ideas of Peter Chaadaev in the Context of Development of Belarusian National Identity

The ideas of Peter Chaadaev that are directly related to the process of formation of national consciousness in our country are analyzed in the article. Critical relation to our own history, building on the basis of this kind of criticism of the conceptual, methodological guidelines are among these ideas. Attention is drawn to the relevant Belarusian context. Attention is drawn to the fact that the concept expressed by Russian scientist is methodological in nature and may be required in the framework of modern social science. The importance of the ideas of the scientist that he believed universal is substantiated.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.09.2011

УДК 2-1

Э. Крыштофик-Гоголь

ИЗМЕРЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В тексте представлен анализ религиозной идентичности в контексте понятий, образующих её детерминанты. Основой религиозной идентичности являются её составляющие: знание, эмоции и поведение. В области знаний находятся схемы восприятия (схемы мышления и личных оценок), передаваемые в процессе социализации, а также личный анализ и рефлексии. Автор ставит вопрос: «Может ли о религиозной идентичности свидетельствовать глубокое религиозное знание человека?» В современных условиях существует множество точек зрения, касающихся религиозной идентичности, что ставит человека в затруднительное положение перед выбором. При использовании конкретных знаний это приводит к трудностям, когда конструируется религиозная идентичность личности.

Вторая составляющая идентичности – это эмоции. В этой области находится связь с сообществом, которое является гарантом конструирования адекватной самооценки и чувства собственного достоинства.

Третий источник идентичности – это поведение человека. Сюда можно отнести религиозные обряды и ритуалы, являющиеся внешним проявлением религиозности, а также одобрение и соблюдение религиозных моральных норм.

Религиозную идентичность нельзя сконструировать один раз и навсегда. Она подвержена постоянной проверке и конфронтации с требованиями современной действительности.

Введение

Идентичность – это понятие, которое в последние годы наиболее часто рассматривается и дискутируется в разных отраслях науки. Особенно этой проблемой интересуются социологи, религиоведы и антропологи. Причин такой широкой заинтересованности может быть много, возьмем хотя бы факт интенсивных общественных изменений, культурных, политических и экономических, имеющих несомненное отражение в биографиях людей. Главной целью этой работы является определение трудностей, имеющих в области конструирования религиозной идентичности современного человека. Кроме того, в современных условиях появляются факторы, способствующие появлению новых форм религиозной идентичности.

Идентичность человека – что это такое?

Начнем с описания значения термина идентичность. В научных публикациях он представлен в разных формах и видах. Описание и классификация этого термина отличается между собой в зависимости от дисциплины, с точки зрения которой сделано определение. Учитывая то, что анализ разных дефиниций термина идентичность не является предметом этой статьи, приведем в данном месте только отдельные определения, которые с нашей точки зрения наиболее четко характеризуют основу этого понятия.

Сам термин был введен социальным психологом Милтоном Эриксоном, последователем психоаналитического направления, который рассматривал это направление в биографическом контексте, анализируя с помощью концепции жизненного цикла и связывая с изменениями общественных макроструктур [1].

В области исследований психологов разных направлений термин идентичность функционирует как чувство быть собой, несмотря на перемены, происходящие во времени. Это понимание того, кем человек является и какое место занимает в мире [2]. Это также система собственных дефиниций личности, своеобразная «концепция себя» (*self-conception*), которая имеет в сознании человека [3, с. 12]. Идентичность – это также постоянная «структура чувств, ценностей и представлений (репрезентаций), относящихся к самому себе» [4, с. 19].

Термин идентичность может пониматься как комплекс «способностей понимания своей особенности или сходства (*otherness vs. sameness*), полученных познавательных квалификаций (*cognitive skills*), эмоциональных, моральных и политических» [5, с. 24–25], позволяющих определить свое место в мире.

Фундаментом идентичности является чувство постоянства [6, с. 52–53], которое позволяет целенаправленно реагировать на критические ситуации, кроме этого, позволяет сохранить понимание того, кем является личность, в ситуации даже диаметрально меняющейся действительности. Постоянство является неизменным элементом личности, которой оно дает чувство безопасности и стабильности. Членам общества выдаются удостоверения личности, паспорта, идентификационные карты, которые подтверждают их идентичность, а тем самым подтверждают определенное наличие у них физических, внешних или психологических черт.

Внутреннее чувство единения [7, с. 55], а потом осмысление порядка и размещения, а также смысла существования всех элементов индивида облегчает личности обоснование своей конструкции психики, предотвращает чувство внутренней пустоты.

Некоторые исследователи за основной принцип идентичности используют чувство отличия собственного «Я», что свидетельствует о чувстве своей индивидуальности, неповторимости и отличия [8]. Речь идет тут о способности отличить себя от «других», а также о чувстве принадлежности к одной или к нескольким социальным группам, что свидетельствует о том, что личность чувствует себя признанной и в безопасности. В такой ситуации личность не будет иметь оснований, чтобы искать свои особенности.

Конструирование идентичности

Три основные элемента идентичности, которые мы рассмотрели ранее: постоянство, единение и отличие – являются основой дискуссии многих исследователей данной проблемы: является ли идентичность структурой или процессом? является ли свойством идентичности постоянство или изменчивость?

Исследователи, рассматривая первое определение – постоянство идентичности – ищут в ней такие элементы, которые были бы наиболее устойчивы к изменениям, а также фундаментом для самоопределения личности. Такие свойства достигаются в период выполнения общественных функций и при сбережении ценностей. Типизация ролей вместе с общественными ситуациями, имеющими относительно постоянный характер, с точки зрения некоторых исследователей, позволяет определить личностную идентичность. Кроме того, признанные ценности, иерархические между ними связи, а также относительно сильная устойчивость к изменениям определяют правила преобразований и реконструкций составляющих идентичность.

Психологи трактуют идентичность как процесс, который продолжается и действует у взрослых людей. Многократное дифференцирование и разработка идентичности связаны с интенсивными переменами окружающего личность мира [9, с. 214–216]. Среди человечества нет личностей, а также групп, имеющих статический характер, и, естественно, это движение является мотором, приводящим в движение «появление» идентичности.

Изменчивость идентичности отмечают и социологи. М. Либишовска-Жолтковска указывает на ее динамичность и тот факт, что «изменяющиеся жизненные обстоятельства, вхождение в новую роль, участие в общественных группах создают концепцию самого себя» [10, с. 120–121]. Общественные ситуации, все процессы, происходящие между «я» и «другим» или «другими», – это та плоскость, на которой «собираются» отдельные элементы конструирования идентичности. Е. Халас также подтверждает тезис, что идентичность не является структурным составляющим личности, но имеет интерперсональный характер, дискуссионный и меняющийся [11].

Эту неоднозначную природу идентичности обогащает еще и тот факт, что она в определенной степени конструируется бессознательно. Формирование идентичности охватывает процессы одновременной рефлексии и наблюдения, которым, однако, недостает очевидных и неизменных утверждений, а скорее они управляют способом познания самого себя в отношении к миру и к другим, конкретным личностям, ситуациям, проблемам и т.д. В этих процессах личность не имеет достаточного влияния на то, какие элементы должна основывать ее идентичность. Говоря по-другому – идентичность, понимаемая как результат нашего индивидуального выбора, складывается из уже существующих элементов. Мы не создаем ничего нового, имеем небольшое влияние на то, с какими личностями, группами будем контактировать. Мы также не знаем, какую будем отыгрывать совместно роль [12, с. 12]. Существует также теория, автором которой является Р. Харри. Автор отмечает, что личности формируют идентичность, используя готовые «проекты идентичности», совершают определенный выбор, однако не контролируют общие ситуации в структуре общества [13, с. 97–98].

Все выше сказанное говорит о том, что о идентичности можно говорить как о «синтезе диалектических связей между стабильностью и переменной, между тем, что является единичным, групповым, общественным или принадлежит к какой-то культуре, между познавательным, эмоциональным и бихевиориальным аспектом функционирования человека, между сознательным и бессознательным, между эволюцией и кризисом» [14, с. 6].

Идентичность в современных условиях

Современный мир не гарантирует личности беспроблемных условий формирования идентичности. Постоянно изменяющаяся реальность, разнообразие культурных предложений, плюрализм ценностей, неуверенность в завтрашнем дне – все это говорит о том, что современный человек не находит почвы, на которой мог бы «поставить на якорь» свою идентичность, охраняя ее от дрейфа [15, с. 51–52]. Однако, с другой стороны, сильно устойчивая и противостоящая изменениям идентичность была бы в современном мире скорее препятствием для функционирования. Та кратковременность и изменчивость мира, мимолетные контакты между людьми, непостоянство памяти приводят к тому, что и идентичность является скорее «приключенческой исторической конструкцией, а не нашей составной биологической частью» [16, с. 209]. Следует дополнить, что это также изменяющаяся историческая конструкция, элементы которой зависят от реальной ситуации личности в обществе, ее связей с окружением, своевременно одобренных ценностей, актуальных взглядов и т.д. Говорится сегодня также о различных типах идентичности. Например, согласно современному потребительскому принципу, существует и такой подход – «можешь быть любым».

З. Мелосик и Т. Шкудлярэк представляют несколько различных типов идентичности, совершенно отличающихся друг от друга, но надежно вписанных в правила постмодернистической дискуссии. «Идентичность глобальна и прозрачна», это результат потребностей больших корпораций и международных институтов, касающихся «изображения «универсального» эксперта, парламентаря и исследователя, который имел бы технократично-прагматический инструментарий: одинаковый как в «формальной» (знание, язык, квалификация), так и в личностной области» [17, с. 59–60]. Такая личность без проблем хорошо ориентируется в различных государствах и культурах, однако эмпатия и культурная восприимчивость у нее имеет целиком общий характер. Такая личность ищет скорее общих точек соприкосновения, общих черт, объединяющих ее с «жизненным» миром. Она умеет «совместно жить с разнообразием» без «вхождения в разнообразие» [17, с. 60].

Противоположным указанному типу идентичности является «любая глобальная идентичность», носитель которой открыт к различным переменам и имеет сильно развитую способность к культурной эмпатии. Находясь в окружении какой-либо культуры, он как бы «ей становится» [17, с. 61].

Следующим вариантом современной идентичности является «образцовая идентичность», носитель которой живет в мире, в котором различия не имеют значения. Реальность может иметь любое значение, которое мы ей придадим, также важное и правильное, как другие возможные значения. Эта характерная «логика образца» ведет к формированию «аутентичной неоригинальности», как позиции по отношению к себе и миру [17, с. 63].

Идентичность типа «супермаркет» [17, с. 63] связана с идеей общественного потребления, в котором люди имеют чувство свободы и убеждены в том, что могут сами произвольно выбирать и конструировать свою идентичность из любых доступных культурных источников. Отдельные элементы идентичности появляются, как товары на полках супермаркета, готовые, чтобы их вложить в корзину. Такие покупки в «магазине с идентичностью» появляются не только в западных государствах со своеобразным «*shoppertainment*» [18], развлечением, которому не сопутствует опасение перед чувством недостатка постоянства и сплоченности собственного «я». Напротив – то количество и разнообразие, а также произвольный выбор и беззаботность его совершения маскируют лень личностей перед проблемами, которые не исчезли на современном этапе и с которыми личность не в состоянии смириться.

Религиозная идентичность

В современном потребительском мире личности по разному относятся к религии, например, как к одному из источников идентичности. В этом разделе речь пойдет о религиозной идентичности, о месте личности в религиозном сообществе [19, с. 201], но, прежде всего, об отношении человека к трансцендентности Бога. Религиозная идентичность понимается как механизм адаптации, фактор интеграции личности с группой, который создает сферу коммуникации между личностями [20, с. 428].

Подобно, как в случае рассуждений над сущностью идентичности в целом, также в случае попыток формулирования дефиниций религиозной идентичности, нет однозначных утверждений. Подчеркивается значение готовности сообщества для формирования религиозной идентичности, трактуя ее при этом как многоаспектный способ понимания и формирования собственного существования, а также понимания окружающей действительности через призму личной готовности к вере и общественных способов ее выражения в обрядах и их исполнении, или религии, к которой личность принадлежит [21, с. 237–257].

Религиозная идентичность формируется главным образом через чувство принадлежности личности к данной религиозной группе, понимается она еще как результат идентификации не с теологической доктриной, а скорее с историческим сообществом, культурой и традициями [22, с. 37]. В современном же мире, в котором современность оставляет свой след, религиозная идентичность представляется больше вопросом выбора и главным образом осознанного выбора, независимого от религиозной социализации или культурного контекста, она является эффектом индивидуальных поисков личности.

Формирование религиозной идентичности в современном мире должно рассматриваться в контексте религиозного и культурного плюрализма. Это является естественной последовательностью изменений модернистического мира. Эти изменения не касаются уже только западных государств, они касаются и многих государств, находящихся сегодня на старте долгой дороги к «лучшей» и еще «более демократической»

действительности. Плюрализм трактуется как множество конкурирующих благ и товаров, но также ценностей и идей. Плюрализм, сам в себе, не должен быть направлен против личности, может пониматься как достоинство и задание к исполнению, задание, «перед которым нет бегства», – это Баумановское конструирование идентичности по новому непрерывно и постоянно подхватывается в меняющемся мире [23, с. 8].

Религиозная идентичность личности в современном мире фрагментарна, разбита на части, неоднородна и открывается во множестве осваиваемых человеком ролей, равно как и в общественной и внутренней жизни. Её основой являются личные рефлексии человека, результаты наблюдений за окружающей действительностью (элементы идентичности, разъяснение), а также полученного в процессе социализации способа определения себя с помощью ценностных категорий и религиозных понятий (не осознание основ идентичности).

Непознанная часть религиозной идентичности, а также изученные схемы восприятия действительности, предоставленные личности в границах ее культурной среды (также и религиозной), в современном мире не имеют уже такой ценности и значения. Современные личности подготовлены к плюралистическим требованиям действительности, к выбору собственной индивидуальности, к стертой границе между частностью и «публичностью», таким образом, этот неизменный (прежде) багаж схем поведения, изученный в ранних фазах социализации, становится бесполезным. Отсюда вопрос: «Имеет ли конструкция религиозной идентичности ситуационный или контекстовый характер?» Личность, ища ответ на вопрос, кем является, должна сама для себя определить и назвать свой внутренний мир так, чтобы иметь возможность его вербально и не вербально продемонстрировать окружению и, таким образом, справиться с требованиями современного общества. Поэтому также индивидуальную религиозную идентичность личности можно трактовать как созданную этой личностью, как персональную и неделимую с другими во взглядах видения мира, ее можно назвать конструкцией личного примера верующего человека [24, с. 24].

Измерения религиозности и религиозная идентичность

Пробуя обозначить источники религиозной идентичности, а также пространство, из которых личность берет важные и ценные для нее самой компоненты идентичности, можно рискнуть выделить три области: знание, эмоции и поведение.

Первая область источников идентичности – область знания – имеет наиболее постоянные черты. Находятся тут полученные личностью информация и данные, которые могут быть анализированы и переформулированы во времени, но их содержание остается скорее неизменным, так как неизменным остается содержание догматов религии, к которой личность относится. Речь идет тут о знании на тему фундаментальной «правды веры» и утверждений, касающихся самых важных основ данной религии. Но находятся тут также элементы, «собранные» личностью уже в предыдущей фазе социализации. Касаются они перцепционных схем, которые переданы через окружение личности, следовательно, и способы мышления и определения ценностей действительности в категориях религиозных понятий. Индивидуальные размышления и рефлексии личности также находятся в этой области. Эти две сферы могут исчезать в ситуации, когда возникнет несогласие между выученными схемами восприятия и результатами собственных раздумий. То, что до этого времени казалось личности сверхъестественным, что оставалось в сфере *sacrum*, может остаться «переведенным» с использованием языка науки, приведенным в сферу *profanum*, к повседневности. Может оно также остаться «выброшенным» из собрания «правд», признаваемых до того времени личностью за действительные, однако в результате анализа и рефлексий может быть переформулировано.

Появляются вопросы: «Может ли о религиозной идентичности личности свидетельствовать глубокая религиозная вера?» «Может ли личность считаться религиозной, если она не одобряет какой-то правды или религиозных догматов?» Эти вопросы управляют анализом проблемы религиозной идентичности в плоскости исследования религиозности как позиция по отношению к *sacrum*, позиция по отношению к Богу. Тут речь идет о «церковной религиозности», исследуемой показателями участия в богослужениях, молитвах, исповедях, а также уровнем знания, касающегося данной религии. В таких исследованиях незнание хотя бы основных факторов, связанных с исповедуемой верой, могло бы свидетельствовать о том, что такую личность не следует определять как религиозную, если придерживаться строгих правил, определяющих религиозное поведение. Кажется, однако, что в современных условиях личность освобождается в некоторой степени от владения основательным, неизменным знанием, даже от какого либо знания, особенно такого, которое связано с какой-то «правдой». А знание в любой религии ведь является Правдой. Получается, что в современных условиях уже нет Правды, одной и не меняющейся. Каждый человек имеет свою Правду, с которой живет в окружающей действительности. Сомнение является обычно неотъемлемым спутником общественной жизни, как пишет А. Гидденс. Формулирование какого либо знания связано обычно с созданием гипотез «или утверждений, которые больше всего могут быть правильными, однако всегда открыты к дискуссии и в каждый момент могут быть отброшены» [25, с. 5]. Как в такой ситуации можно говорить о конструировании идентичности (религиозной), когда нет никакого стабильного фундамента уже в начале, на этапе поиска знания и правды?

Во второй области источников религиозной идентичности – области эмоций – находятся те элементы, которые определяют чувства связи личности, например, с группой верующих, принадлежащих к той религии, к которой принадлежит она сама. Чувство принадлежности к группе является основанием для формирования собственной ценности, а также началом дороги к поиску своего места в мире. Принадлежность к религиозному сообществу, участие в деятельности союзов, кружков и религиозных групп, групповые религиозные встречи и другие формы создания подобных общих религиозных «испытаний» в перспективе анализа «церковной религиозности» были бы истолкованы как позитивный критерий религиозности. Иногда, однако, можно получить ощущение, что это коллективное «испытание» напоминает что-то вроде Баумановского «демонстративного» совместного поведения, целью которого является «собрание толпы, собрание вместе такого количества людей, которое обычно вдруг не появляется на территории в таком количестве» [26, с. 15]. Такое испытание толпы, «подавляющей количеством, но одновременно сплоченной, которая трактует или растапливает в себе все личное или частное», свидетельствует о том, что «совместное демонстративное присутствие» является попыткой «избавления от непосильной тяжести индивидуальности» [26, с. 16]. Современное общество ценит в человеке индивидуальность, а также способности, которые необходимо постоянно искать в себе, чтобы «отличаться». Такой подход характерен современному миру, а это в свою очередь оказывает влияние на распределение рабочих мест, формирование общественной точки зрения, а прежде всего, подгоняет вездусущное «изменение». Это также, несет за собой напряжение и отсутствие творчества в каждодневной, непрерывной борьбе за «причастность». Результат этой стрессовой игры «в недостающее кресло» [27, с. 20] для многих бывает критическим. Поэтому, может быть, даже минутная «демонстративная» причастность, безопасная в меру возможность, дает личности мгновение отдыха, гарантирует укрытие и отдаляет во временном измерении минуту повторной встречи с текущей действительностью.

Область поведения чаще всего соотносится с реализацией личностью религиозных обрядов. Ритуалы и обряды, обязательные в обществе, признаются как внешнее

проявление религиозности, а также являются гарантом соблюдения моральных принципов участниками этих обрядов. Это является предпосылкой традиционной модели «церковной религиозности», в которой то внешнее, обрядовое демонстрирование своей религиозности является символом веры и внутренней потребностью ее выражения. Вторым элементом области поведения является одобрение и соблюдение моральных установок избранной религии. Исследования польских католиков в данной области не являются оптимистическими, потому что все больше представителей этой религии не одобряют и не исполняют принципов католического общественного вероучения [28, с. 70–81], а проблемы и трудности повседневной жизни решают относительно «собственного сознания» [29, с. 68]. Остается тут только удивляться, что религию сегодня можно трактовать как «минутную, безопасную пристань» до момента очередного соприкосновения с последующей волной повседневной современности.

Заклучение

Все вышесказанное говорит о том, что религиозную идентичность в современных условиях, для которых характерен индивидуализм, глубина рассуждений, необходимость осуществления собственного выбора, можно анализировать фрагментарно. Указанные в статье области источников религиозной идентичности не должны влиять друг на друга и не должны быть связанными между собой. Ибо они представляют разные области ситуаций и сопутствуют им особые схемы познания. Все вместе составляет основы религиозной идентичности, а право, руководимое сегодняшним миром, дает возможность на их переформулирование и реконструирование в любой момент.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Erikson, E.H. *Childhood and Society* / E.H. Erikson. – New York, 1963.
2. Jarymowicz, M. *Poczucie własnej tożsamości – źródła, funkcje regulacyjne* / M. Jarymowicz, T. Szustrowa // *Osobowość a społeczne zachowanie się ludzi*. – Warszawa, 1980. – S. 439–473.
3. Bokszański, Z. *Tożsamości zbiorowe* / Z. Bokszański. – Warszawa, 2006. – S. 12.
4. Malewska-Peyre, H. *Ja wśród Swoich i Obcych* / H. Malewska-Peyre // *Tożsamość a odmiennosc kulturowa*. – Warszawa, 1992. – S. 19.
5. Misztal, B. *Tożsamość jako pojęcie i zjawisko społeczne w zderzeniu z procesami globalizacji* / B. Misztal // *Tożsamość bez granic. Współczesne wyzwania*. – Warszawa, 2005. – S. 24–25.
6. Mamzer, H. *Tożsamość w podróży. Wielokulturowość a kształtowanie tożsamości jednostki* / H. Mamzer. – Poznań, 2002. – S. 52–53.
7. Szczukiewicz, P. *Rozwój psychospołeczny a tożsamość* // P. Szczukiewicz. – Lublin, 1998. – S. 55.
8. Cybal-Michalska, A. *Dylematy tożsamościowe młodzieży w sytuacji zmiany kulturowej* / A. Cybal-Michalska // *Młodzież wobec (nie)gościnniej przyszłości*. – Wrocław, 2005.
9. Przetacznik-Górowska, M. *Zasady i prawidłowości psychicznego rozwoju człowieka* / M. Przetacznik-Górowska // *Psychologia rozwoju człowieka*. – Warszawa, 1996. – T. 1. – S. 214–216.
10. Libiszowska-Żółtkowska, M. *Konwersja jako reorientacja tożsamości* / M. Libiszowska-Żółtkowska. – S. 120–121.
11. Hałas, E. *Interakcjonizm symboliczny: społeczny kontekst znaczeń* / E. Hałas. – Warszawa, 2006.
12. Taylor, Ch. *Źródła współczesnej tożsamości* / Ch. Taylor // *Tożsamość w czasach zmiany. Rozmowy w Castel Gandolfo*. – Kraków, 1996. – S. 12.

13. Banaszak-Karpińska, E. Tożsamość jako kategoria badawcza / E. Banaszak-Karpińska // Religia, przekonania, tożsamość: szkice socjologiczne. – Wrocław, 1998. – S. 97–98.
14. Miluska, J. Tożsamość kobiet i mężczyzn w cyklu życia / J. Miluska. – Poznań, 1996. – S. 6.
15. Bauman, Z. Ponowoczesność jako źródło cierpień / Z. Bauman. – Warszawa, 2000. – S. 51–52.
16. Wnuk-Lipiński, E. Świat międzyepoki / E. Wnuk-Lipiński. – Kraków, 2004. – S. 209.
17. Melosik, Z. Kultura, tożsamość i edukacja: migotanie znaczeń / Z. Melosik, T. Szkudlarek. – Kraków, 1998. – S. 59–60.
18. Cross, G. An All-Consuming Century. Why Commercialism Won in Modern America / G. Cross. – New York : Columbia University Press, 2000.
19. Gunn, T.J. The Complexity of Religion and the Definition of «Religion» in International Law / T.J. Gunn // Harvard Human Rights Journal. – 2003. – № 16. – S. 201.
20. Szwed, R. Tożsamość religijna / R. Szwed // Leksykon socjologii religii: zjawiska, badania, teorie. – Warszawa, 2004. – S. 428.
21. Homa, T. Dylematy tożsamości / T. Homa // Horyzonty Wychowania. – 2005. – № 4. – S. 237–257.
22. Różańska, A. Dylematy kształtowania tożsamości religijnej młodzieży a edukacja religijna / A. Różańska // Tożsamości religijne w społeczeństwie polskim: studium przypadków. – Warszawa, 2009. – S. 37.
23. Bauman, Z. Ponowoczesne wzory osobowe / Z. Bauman // Studia Socjologiczne. – 1993. – № 2. – S. 8.
24. Mielicka, H. Tożsamość indywidualna a tożsamość społeczna jako wymiar religijności / H. Mielicka // Tożsamości religijne w społeczeństwie polskim: studium przypadków. – Warszawa, 2009. – S. 24.
25. Giddens, A. Nowoczesność i tożsamość. «Ja» i społeczeństwo w epoce późnej nowoczesności / A. Giddens. – Warszawa, 2007. – S. 5.
26. Bauman, Z. O sposobach bycia razem / Z. Bauman // Trudna ponowoczesność. Rozmowy z Zygmuntem Baumanem. – Poznań, 1995. – S. 15.
27. Bauman, Z. Płynne czasy. Życie w epoce niepewności / Z. Bauman. – Warszawa, 2007. – S. 20.
28. Zdaniewicz, W. Zachowania religijno-moralne / W. Zdaniewicz // Religijność Polaków 1991–1998. – Warszawa, 2001. – S. 70–81.
29. Piwowarski, W. Wartości życia codziennego / W. Piwowarski // Religijność Polaków 1991–1998. – Warszawa, 2001. – S. 68.

Krishtophic-Gogol E. The Scope of Religiousness as Determinants of Religious Identity

The analysis of religious identity in the context of notions, forming its determinants is given in the article. The basis of religious identity is its components: knowledge, emotions and behaviour. In the sphere of knowledge there are schemes of perception (schemes of thinking and personal evaluation), transforming in the process of socializing, as well as personal analysis and reflection. The author puts the question: «Can deep religious knowledge of a person be evidence of religious identity?» There are a lot of points of view in modern conditions, which make it difficult for a man to choose. Using definite knowledge leads to difficulties when person's religious identity is devised.

The second component of identity is emotions. There is a connection with co-society in this sphere, which is the guarantor of adequate evaluation devise and self-respect.

The third source of identity is a person's behaviour. Religious rites and rituals can be referred here which are external manifestation of religiousness as well as approval and observance of religious moral norms.

It is impossible to devise religious identity once and forever. It is subjected to constant checking and confrontation with the requirements of modern reality.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 28.12.2010

УДК 17

Е.В. Беляева

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА НРАВСТВЕННОСТИ КАК НЕЛИНЕЙНЫЙ ПРОЦЕСС

Применение синергетического принципа нелинейности позволяет рассматривать исторические системы нравственности как самодостаточные и равноценные. Нелинейная типология систем нравственности включает архаическую, исходную традиционную, религиозно-традиционную, раннюю современную, современно-традиционную и постсовременную системы. Они накладываются друг на друга и сосуществуют, не образуя ступени прогресса или регресса в морали. Все системы нравственности выполняют универсальные функции по стабилизации сообщества и поддержанию самооценности личности. В результате в истории нравственности происходит накопление нормативно-ценностного содержания с образованием универсалий морали.

Введение

Осмысление исторического развития нравственности всегда актуально, причем как в теоретическом плане, так и в аспекте практической ориентации нравственного поведения современных людей. При этом особое значение имеет выработка целостного, системного представления о характере и закономерностях нравственных изменений. Между тем в современном научном знании образовался дефицит общих теорий развития. Монопольное положение диалектики было нарушено и сменилось плюрализацией интеллектуального пространства, в котором насущной задачей этического знания стал поиск новых теоретико-методологических оснований, позволяющих анализировать историю нравственности. В данной статье рассмотрен один аспект решения такой задачи, а именно возможность и последствия применения синергетического принципа нелинейности к исследованию исторической динамики нравственности.

Применимость принципов синергетики в этике

Выдвижение синергетики на роль общей теории развития стало предпосылкой философского осмысления ее мировоззренческих и методологических аспектов. Ее становление как общеметодологической программы обусловлено не просто экстраполяцией методов синергетики на все новые области исследования, но общим переходом научного знания к постнеклассическому этапу развития. По сравнению с классической диалектикой синергетическая парадигма выступает как теория развития, отвечающая современному состоянию научного знания. А в отличие от постмодернизма – другой постнеклассической теоретико-методологической программы, в контексте которой обоснование этического оказалось в принципе невозможным, – синергетика позволяет построить плюралистическую, но в то же время содержательную теорию морали. Предпочтение синергетики в качестве теоретико-методологического основания этического исследования обусловлено ее эвристическими возможностями. При этом, как писал В.С. Стёпин, «принципиально важно различать синергетику как научную картину мира и синергетику как совокупность конкретных моделей самоорганизации» [1]. Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов также указывали, что в гуманитарных науках «синергетика обеспечивает только общие рамки исследования, ментальную схему или эвристический подход к конкретному научному исследованию» [2, с. 50]. Простой перенос синергетической терминологии в этику нецелесообразен, так как приводит лишь к переименованию уже известных явлений. Кроме того, крайне затруднительно выявить количественные параметры нравственности, доступные эмпирическому исследованию и, соответственно, математическому моделированию. Поэтому синергетика для этики вы-

стует как научная парадигма, определяющая способы постановки проблем и подходы к их решению. В то же время этика способна внести собственный вклад в разработку этих подходов за счет формулирования синергетических закономерностей при изучении своего предмета.

Необходимость смены теоретико-методологической парадигмы в этике обусловлена не только динамикой философского и научного знания, но и изменениями, произошедшими в нравственной жизни человечества за последнее столетие. Переход социумов к постмодерным формам социальной практики, отчетливо нелинейный характер современного исторического процесса стал предпосылкой появления теоретических представлений о нелинейном развитии человечества. Если классическая этика полагала своей главной задачей обоснование сложившейся морали, укрепление значимости существующих в культуре нравственных предписаний, то этика XXI века в условиях нравственной нестабильности вынуждена заниматься поиском принципиально нового типа морали и ее теоретическим фундированием.

Обоснованием применимости синергетического подхода в этике выступает накопленное ею знание о своем объекте, свидетельствующее о наличии у морали признаков, характеризующих всякую неравновесную систему. В частности, к числу принципов синергетики, применимых при анализе нравственных процессов, относятся выделенные Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмовым принципы открытости, нелинейности и самоорганизации [3, с. 14]. В этом контексте история нравственности эксплицируется как динамика нелинейных, открытых, самоорганизующихся систем нравственности.

Самодостаточность систем нравственности в свете синергетического принципа нелинейности

«Нелинейностью называется свойство системы иметь в своей структуре различные стационарные состояния, соответствующие различным допустимым законам поведения этой системы», – констатировала В.В. Василькова [4, с. 148]. Этот принцип синергетики позволяет по-новому взглянуть на проблему существования множества различных систем нравственности, каждая из которых может быть обоснована в качестве морально положительной. Нравственность, не утрачивая своей идентичности, исторически может принимать различные формы, обладающие внутренней законосообразностью. Никакая система нравственных представлений не может рассматриваться как единственно верная, но должна получать исторически конкретное обоснование своей значимости. Внутренняя претензия всякого морального сознания на абсолютность не должна вводить в заблуждение исследователя этого сознания. Все классические этические теории постулировали существование «истинной морали», а потому развитие нравственности представлялось ими как последовательная смена стадий, ведущих процесс к его логическому завершению. Оно мыслилось как переход от «золотого века» к «упадку нравов» (регресс) или как поступательное движение от примитивных её форм к высокоразвитым (прогресс), а все, что не укладывалось в эту схему, отбрасывалось как случайное. Принцип единства исторического и логического, сформулированный Гегелем, неявно разделялся и другими этическими теориями: история мыслилась как арена реализации единственно правильного варианта нормативно-ценностных представлений. Такой подход не только обладал прекрасными объяснительными возможностями, но и давал четкие мировоззренческие критерии различения добра и зла, по которым можно было судить, какая историческая форма нравственности «лучше», а какая «хуже».

С синергетической же точки зрения, можно говорить о нескольких (но не бесконечно многих) самодостаточных вариантах морали, каждый из которых исторически выполнял задачу самоорганизации социума. Как писали Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов, «ветвящиеся дороги эволюции ограничены... в рамках вполне определенного, детер-

минированного поля возможностей» [3, с. 36]. «Потенциально существует множество типов структур», но «могут возникать только те структуры, которые в ней [в среде] потенциально заложены и отвечают собственным тенденциям процессов в данной среде» [3, с. 88]. Применительно к морали это означает возможность образования различных вариантов нравственности, отвечающих, однако, общим критериям морали и выполняющих ее универсальные функции.

К таким вариантам могут быть отнесены две большие системы нравственности, которые условно можно обозначить как традиционную нравственность и нравственность модерна, мораль аграрного и мораль индустриального общества. В классической системе отсчета одна из них должна оказаться ложной и «безнравственной». С точки зрения индустриального общества, система традиционной нравственности является не просто устаревшей, но откровенно аморальной, подавляющей свободу личности, основанной на авторитарном вменении ценностей. В свою очередь, с позиций традиционного общества, нравы модерна выглядят как «подрыв моральных устоев», «эгоизм», «моральное отчуждение», и т.п. Между тем история свидетельствует о продолжительном сосуществовании обеих систем, которые не являются сменяющими друг друга стадиями, одна из которых вытекает из предыдущей, но двумя стационарными состояниями системы под названием мораль. Каждая система самодостаточна в том смысле, что во всей полноте осуществляет нормативно-ценностную моральную регуляцию личности и общества. Системы равноценны, т.е., с этической точки зрения, нельзя сказать, что одна из них в большей степени соответствует сущности морали, чем другая.

Рассмотрение морали как нелинейной системы при всей ее релятивности позволяет установить критерии нравственности. По мысли И.Л. Зеленковой, в меняющихся обстоятельствах мораль неизменно воспроизводит свой базовый смысл и двуединую функцию: «Мораль призвана способствовать стабилизации человеческого сообщества и утверждению самооценности человека» [5, с. 31]. Таким образом, если содержательно системы нравственности в истории существенно различаются, то их функциональное подобие может быть выявлено. Более того, число допустимых систем не бесконечно и произвольно, но соответствует фундаментальным закономерностям существования морали.

Нелинейная типология систем нравственности

Всякая система нравственности, сложившаяся в истории, может быть охарактеризована двумя параметрами: нормативно-ценностной структурой и способом регуляции. Нормативно-ценностная структура представляет собой иерархически организованный комплекс ценностей, норм, нравственных качеств, нравственных принципов и идеалов, характеризующий основные нравственные отношения человека. Специфика способа регуляции определяется особенностями индивидуального и коллективного субъектов регуляции, характером их взаимоотношений, типом нравственного требования и типом санкции. Типология сложившихся в истории систем нравственности строится с учетом их взаимодействия и аккумуляции нормативно-ценностного содержания и выглядит следующим образом:

- а) архаическая до-моральная система;
- б) исходная традиционная нравственность;
- в) религиозно-традиционная нравственность;
- г) нравственность модерна;
- д) модерно-традиционная нравственность;
- е) нравственность постмодерна.

Многообразие систем уже само по себе свидетельствует о невозможности установить линейную упорядоченность или четкую ценностную иерархию между ними.

Архаическая социальная регуляция имеет двойственный статус: она предшествует собственно нравственному развитию и в то же время лежит в его основании. Наряду с исходной традиционной нравственностью в результате синкретизации с моральной идеологией мировых религий сложилась система религиозно-традиционной нравственности. Другой синкретической системой является модерно-традиционная, а неясность статуса постмодерна побуждает, с одной стороны, рассматривать его как вариант нравственности модерна, а с другой – выделять в самостоятельную систему. Таким образом, предложенная типология выражает нелинейный характер исторической динамики систем нравственности. Эти комплексы нравственных феноменов не представляют собой сменяющих друг друга исторических ступеней, логически исчерпывающих сущность морали. В каждой временной точке своего существования, человечество вырабатывало специфические способы воспроизведения нравственных отношений.

Наряду с диахронным членением истории нравственности можно говорить о системах нравственности отдельных этносов, стран или культурных регионов в определенных исторические периоды. Каждая из них воплощает все системообразующие признаки в полном объеме, но в специфической модификации. Изучение таких этнокультурных или этнополитических разновидностей систем нравственности позволяет сделать анализ более конкретным, а также уточнить общие закономерности их исторической динамики. «При отсутствии общего сценария, универсальной логики движения эволюции морали уместно, обозревая историю «моральных порядков», говорить не о монолинейности, «эстафетном прогрессе», не об одном общем стволе дерева эволюции или о единой шкале эволюции, но о разных «стволах» и «шкалах»», – отмечал В.И. Бакштановский [6, с. 8–9].

Проблема нравственного прогресса

При синергетической интерпретации историческое развитие нравственности не может быть охвачено единой логикой, оно не направлено к единственной цели и не детерминировано единственной причиной, поэтому не имеет смысла говорить о прогрессе или регрессе в морали человечества. Применение принципа нелинейности приводит к снятию этой проблемы, которая обсуждалась в этике на протяжении трех столетий. В частности, в советской этике в контексте формационной концепции исторического развития устоялись представления о нравственном развитии человечества как прогрессе, связанном с последовательной гуманизацией общественных отношений [7, с. 87–95].

Сама идея прогресса была порождена культурой модерна. Что касается традиционной нравственной культуры, то она была наполнена сожалениями об утрате «золотого века» нравственности, оставшегося в прошлом, о «нравах предков», вернуться к которым призывали все мыслители древности от Конфуция до Катона. Последующее же развитие оценивалось ими как явный регресс. В Средние века, проникнутые эсхатологическими переживаниями, идея прогресса также не могла быть сформулирована. Только в эпоху модерна последовательность исторических событий стала рассматриваться как движение в направлении более совершенного общественного и нравственного состояния. Современное же моральное сознание общества колеблется между привычкой к концепции прогресса и апокалипсическими настроениями. С одной стороны, у современного человека всё меньше поводов для морального оптимизма, так как в мире не просто возникают новые нравственные проблемы, но происходит разрушение всех оснований, на базе которых эти проблемы можно было бы решить. С другой стороны, кажется, что отказаться от идеи прогресса означает обесмыслить все исторические усилия человечества, подорвать основу моральной мотивации людей.

На этом фоне синергетическая трактовка исторической динамики нравственности содержит предпосылки умеренного оптимизма. Нравственность прошла в своем развитии ряд циклов самоорганизации, каждый раз уточняя собственные определения, она кристаллизовалась из любой социальной практики и соответствовала уровню человечности этой практики. Конечно, некоторые формы такой самоорганизации могут шокировать кажущейся безнравственностью. Между тем всякая социальная общность на очередном этапе воссоздавала систему с определенной нормативно-ценностной структурой и способом регуляции, которые позволяли ей преодолеть кризис и развиваться в качестве человеческой, позволяли индивидам и сообществам воспроизвести себя в качестве субъектов морали. Таким образом, нельзя сказать, что столетие за столетием человечество улучшало свои нравственные характеристики. Как нравственный опыт индивида сам по себе не делает его лучше, не обеспечивает того, что совершенный на очередном этапе жизни поступок окажется нравственным, так исторический моральный опыт человечества не означает нравственного прогресса, но означает то, что в каждом новом акте самоорганизации накопленный опыт оказывается задействованным.

Универсалии морали

В отличие от конкретных систем нравственности, нормы и ценности которых существенно отличаются, а порой противостоят друг другу, феномен морали сохраняет свою целостность. Общая синергетическая закономерность, согласно которой прошлые состояния накапливаются в памяти системы, проявляется в исторической динамике нравственности как специфическая закономерность, состоящая в последовательном наложении нравственных феноменов. Хотя изначально нравственность модерна и традиционная нравственность выступали отрицанием друг друга, впоследствии стало возможным образование синкретических модерно-традиционных систем нравственности, которые в контексте постмодерна выглядят, как целиком традиционные. Альтернативные моральные ценности (коллективизм и индивидуализм, трудолюбие и служение, щедрость и бережливость и т.п.) со временем обнаружили внутреннее родство, их содержание объединилось и аккумулировалось. Нравственные ценности, которые исторически получали различное содержательное наполнение, но относились к одному тематическому полю (например, трудолюбие, патриотизм, коллективизм, гуманизм), превратились в универсалии морали.

К числу универсалий, скрепляющих ткань нравственного развития, относится и принцип ненасилия в широком смысле слова, из которого логически вытекают все традиционные запреты (не убивай, не кради, не лги, не прелюбодействуй). Наличие фундаментальных запретов представляется А.А. Гусейнову сущностной характеристикой морали, а «негативная этика» – абсолютной [8], ненасилие составляет также важнейший принцип современной «глобальной этики» [9, с. 16]. Насилие сопряжено с непереносимостью к многообразию, а ненасилие подразумевает умение пользоваться разнообразием как инструментом разрешения проблем. Таким образом, синергетическое нелинейно-плюралистическая интерпретация морали более, чем любая другая, созвучна ее ненасильственной сущности.

Заключение

Синергетический принцип нелинейности позволяет рассматривать исторически сложившиеся системы нравственности как самодостаточные и равноценные, каждая из которых отвечает условиям выполнения универсальных функций морали. Трактовка исторической динамики нравственности как нелинейного процесса приводит к отказу от концепции прогресса без ущерба идее аккумуляции нравственного опыта человечества в универсалиях морали.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стёпин, В.С. Саморазвивающиеся системы и философия синергетики / В.С. Стёпин // Сайт С.П. Курдюмова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/stepin444.htm>. – Дата доступа: 14.01.2011.
2. Князева, Е.Н. Синергетика : Нелинейность времени и ландшафты коэволюции / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – М. : URSS : КомКнига, 2007. – 268 с.
3. Князева, Е.Н. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – М. : Наука, 1994. – 236 с.
4. Василькова, В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем : Синергетика и теория социальной самоорганизации / В.В. Василькова. – СПб. : Лань, 1999. – 478 с.
5. Зеленкова, И.Л. Проблема плюрализма: некоторые аспекты исследования / И.Л. Зеленкова // Философия и социальные науки. – 2009. – № 3. – С. 25–32.
6. Бакштановский, В.И. Социология морали: нормативно-ценностные системы / В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов // Социс. – 2003. – № 5. – С. 8–20.
7. Марксистская этика : учеб. пособие для вузов / А.И. Титаренко [и др.]. – М. : Политиздат, 1980. – 352 с.
8. Гусейнов, А.А. Негативная этика / А.А. Гусейнов. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. гуманитар. ун-та профсоюзов, 2007. – 36 с.
9. Даллмар, Ф. Глобальная этика: преодоление дихотомии «универсализм – партикуляризм» / Ф. Даллмар // Вопросы философии. – 2003. – № 3. – С. 13–29.

Belyaeva E.V. Historical Dynamics of Morality as Nonlinear Process

Application of the synergetic nonlinearity principle allows considering the historical systems of morality as self-sufficient and equivalent. The nonlinear typology of the morality systems includes: archaic, initial traditional, religious-traditional, early modern, modern-traditional and postmodern systems. They are imposed against each other and co-exist, not forming progress or regress in morality. All systems of morality carry out the universal functions for stabilization of community and maintenance of self-value of a person. As a result in the history of morality there is an accumulation of is standard-valuable maintenance and formation of moral universals.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 14.02.2012

УДК 316.624:070.446+316

У.П. Люкевіч

ДЭВІЯНТНЫЯ ПАВОДЗІНЫ Ў СПОРЦЕ: ФІЛАСОФІЯ, СУТНАСЦЬ І НЕБЯСПЕКА ФУТБОЛЬНАГА ФАНАТЫЗМУ

Сучасны спорт у сістэме глабалізаванага грамадства ўяўляе сабой адмысловы феномен, які ўплывае на фармаванне грамадскіх адносінаў людзей, іх культуру, складае падставу паняцця «сацыяльны капітал». У той жа час у спорце шырока распаўсюджаныя дэвіянтныя паводзіны, рэгулярна здараюцца праявы расізму і ксенафобіі, дыскрымінацыі ў самых розных яе формах. На прыкладзе паводзінаў футбольных фанатаў аўтар аналізуе філасофскія аспекты дэгуманізацыйных тэндэнцый у спорце, іх сутнасць і небяспеку для сацыяльнага асароддзя.

Уводзіны

Спорт у сучасную эпоху з выкарыстаннем і падтрымкай працэсаў глабалізацыі і рэгіяналізацыі ператварыўся ў складаны сацыякультурны феномен, які фармуе для сябе таксама гаспадарчую прастору, фінансава-эканамічную інфраструктуру, поле медыяльнага распаўсюджвання. Ягоны татальны ўплыў на грамадства ў цэлым і на чалавечую адзінку ў прыватнасці ствараюць уражанне ўзнікнення віртуальнай прасторы новай якасці. Гэта адбываецца незалежна ад існавання палітычных межаў і дзяржаўных фармаванняў, рэлігійнага веравызначэння, нацыянальнага паходжання і грамадскіх прыярытэтаў. Пачатак новага тысячагоддзя можа быць акрэслены як «залаты» перыяд у функцыянаванні і развіцці спорта, калі прыняць пад увагу тое, якое значэнне надаецца спартыўным спаборніцтвам рознага ўзроўню, калі пачынаць ад лакальных турніраў і завяршаць найбольш значнымі, такімі, як, напрыклад, Алімпійскія гульні, чэмпіянаты свету і Еўропы па футболе, European Football Champions League.

Сацыяльны статус спорта з пункту гледжання шматкультурнасці, грамадскага капіталу і культурнага ўплыву на соцыум па большасці яшчэ патрабуе шэрагу шматузроўневых даследаванняў, якія звязваюцца паміж сабой разнастайнымі параметрамі. Сярод іх можна вызначыць такія, як культурная стратыфікацыя, эканамічная мабільнасць, палітычны прэстыж, палітычная матывацыя, індывідуальныя амбіцыі і г.д. Аднак сучасны сацыякультурны працэс, які трапіў пад уплыў глабалізацыі, у суадносінах з працэсам рэгіяналізацыі ў сферы спорта падае досыць вялікую колькасць прыкладаў, што вымушаюць пераглядаць тыя стэрэатыпы, якія паўсталі ў гэтай галіне да апошняга часу. Як адзначае А. Класкоўска, калі сацыяльная рэчаіснасць стварае новыя механізмы сваёй дзейнасці, то яны з неабходнасцю павінны даследавацца [12].

Спорт канца мінулага стагоддзя і ў першае дзесяцігоддзе ХХ на падставе развіцця інфармацыйнага грамадства зрабіўся з'явай настолькі інтэрнацыянальнай, што паўплываў на размыццё дзяржаўных і культурных межаў. Міграцыя ў дапушчальных і недапушчальных памерах прывяла да таго, што сацыяльная дасведчанасць і фармаванне чалавечага капіталу ў цэлым стала суправаджацца, з аднаго боку, абвостраным успрыманням старых этнічных і нацыянальных стэрэатыпаў, а з другога – фармаваннем новых ведаў і адносінаў.

Узнікае сітуацыя, калі этнічная і нацыянальная самасвядомасць з пункту гледжання на сваю чысціню, пачынае фактычна разбурацца пад уплывам вонкавага ціску. Феномен прафесійнага спорту здолеў зрабіць за даволі кароткі час тое, пра што марылі даўным-даўно стваральнікі і абаронцы прынцыпу ўніверсальнасці, які каратка

можа быць выкладзены наступным чынам: усе людзі ёсць людзьмі ў поўнай і аднолькавай ступені.

Спорт з'яўляецца важным элементам у сістэме дзейнасці краінаў Еўрапейскага саюзу. Ён паўстае як фактар збліжэння паміж людзьмі, а таксама далучаецца да павелічэння ступені сацыяльнай інтэграцыі. Пра грамадскія функцыі спорту нагадвае дэкларацыя ў якасці дадатку да Амстэрдамскага трактату 1997 года, дзе падкрэсліваецца роля, якую спорт выконвае ў працэсе фармавання пачуцця самасвядомасці і аб'яднання людзей.

Спорт можа служыць эфектыўным сродкам інтэграцыі насельніцтва ў грамадстве, ён дапамагае развіваць такія здольнасці і якасці, як групавое ўзаемадзеянне, талерантнасць, сумленнае спаборніцтва. Спорт выконвае значную ролю ў барацьбе з расізмам і ўсялякага роду дыскрымінацыяй. Гэта адносіцца таксама да дыскрымінавання адносна полу, расы, сацыяльнага паходжання, рэлігійнага веравызнання, эканамічнага становішча, фізічных і разумовых неадпаведнасцяў, узросту, сексуальнай арыентацыі. Усё больш часта ўлічваецца значэнне спартыўнай дзейнасці як фактара, які палягчае інтэграцыю грамадства з імігрантамі, а таксама як каталізатара міжкультурнага дыялогу [2].

Такое разуменне спорту дазваляе інтэрпрэтаваць яго вельмі набліжана да паняцця «сацыяльны капітал», якое было ўведзена напрыканцы XX стагоддзя гарвардскім палітолагам Робертам Путнамам для абазначэння сеткі спантаных сувязяў і ўзаемнага даверу, якія ствараюць варункі спрыяльнага функцыянавання сучаснага грамадства. Выразам багатага сацыяльнага капіталу з'яўляецца самаарганізаванне людзей, утварэнне шматлікіх сяброўскіх супольнасцяў, клубаў, таварыстваў, якія разам мабілізуюцца да рэалізацыі нейкіх важных для сябе справаў, узаемнай дапамогі, а таксама з мэтай рэкрэацыі, адпачынку і сумеснай забавы [12, s. 222].

Разам з тым сучасная спартыўная сацыякультурная рэчаіснасць непарыўна звязаная з тым, што ў гэтае ўтварэнне дадаюцца такія складальнікі, як расізм, ксенафобія, рэлігійная неталерантнасць, сацыяльная агрэсія, ідэялагічная несумяшчальнасць, што па большасці маюць адносіны да праблемаў эканамічнага характару, складанасцяў культурнай адаптацыі, неадэкватнасці запатрабаванняў на падставе нізкага сацыяльнага ўзроўню, адсутнасці адпаведнага адукацыйнага пазёму.

У выніку вартым аналізу падаецца спроба абзначыць некаторыя тэндэнцыі, якія вызначаюцца ў структуры фармавання сацыяльнага і культурнага капіталу праз і за пасярэдніцтвам спорту. Першапачатковай падставай у дадзеным падыходзе з'яўляецца тое, што спорт у сілу татальнасці свайго распаўсюджвання ўплывае на шырокія колы публічнасці, змест і вынікі спартыўнай дзейнасці адбываюцца на ўспрыманні больш шырокіх сацыяльных асацыяцыяў, а самі заняткі спартыўнай дзейнасцю даволі часта становяцца прадметам абмеркавання іх фінансавай паспяховасці.

Акрамя таго, міграцыйныя тэндэнцыі ў сучасным глабалізацыйным грамадстве прывялі да сацыяльнай канфрантацыі паміж аўтахтонным насельніцтвам і перасяленцамі. Канфлікты, якія пераважна маюць эканамічную падставу, тычацца лепшых месцаў працы, больш камфортнага і якаснага ўзроўню жыцця, перспектываў далейшага развіцця. Спорт у дадзенай сітуацыі з'яўляецца адной з нешматлікіх магчымасцяў дасягнуць у адносна кароткі час пэўнай стабілізацыі. Але разам з тым структурныя элементы, якія фармуюць сацыяльны і культурны капітал, дапаўняюцца іншымі складальнікамі.

Працэс глабалізацыі ва ўзаемадзеянні з працэсам міграцыі пад уплывам феномена масавай культуры ў галіне прафесійнага спорту прывёў да ўсталявання новых стэрэатыпаў, якія моцна адбіліся на характарыстыцы паняцця «сацыяльны капітал». Калі браць за падставу канцэпцыю Роберта Путнама, то ў бягучы час

узнікаюць некаторыя сумненні адносна сутнаснай яе рэалізацыі ў сённяшняй рэчаіснасці. Так, існуе сетка спантаных сувязяў, але ці яны напоўненыя ўзаемным даверам, што адпавядае варункам спрыяльнага функцыянавання сучаснага грамадства. Так, існуюць шматлікія групы сябраў, клубы, таварыствы, якія разам мабілізуюцца да рэалізацыі нейкіх важных для сябе справаў, узаемнай дапамогі ў самых разнастайных мэтах, але ці яны выяўляюцца прыцельскімі ў адносінах паміж сабой. У спорце апошнім часам увага па-большасці акцэнтуюцца на шэрагу праяваў нацыянальнай і рэлігійнай нецярпімасці, расізму, ксенафобіі, сацыяльнай агрэсіі.

З аднаго боку, спорт зараз з'яўляецца найбольш універсальнай мовай, што паядноўвае народы незалежна ад расы, веравызнання ці сацыяльнага статусу, дзякуючы чаму ён паўстае як ідэальны спосаб ліквідацыі расізму, калі з дапамогай, напрыклад, футболу маладыя людзі могуць навучыцца талерантнасці, групавому супрацоўніцтву, дабрасумленнасці і павазе адносна іншых людзей, прадстаўнікоў розных нацыяў, рэлігіяў, рас і культураў.

Напрыклад, як адзначаў кіраўнік футбольнага клубу «Real» з Мадрыда Фернанда Марцін, у чэмпіянаце Іспаніі гуляюць «больш за сто футбалістаў, якія прадстаўляюць звыш трыццаць нацыянальнасцяў, – ад Аргенціны да Камеруна, ад Калумбіі да Філіпінаў, ад Румыніі да Польшчы, ад Марока да Кубы. Кожны з іх нечаму нас навучыў і адначасова наблізіў разуменне сутнасці *madridismo* (сваеасаблівая філасофія клуба «Real» Мадрыд – У.Л.) да сваіх суайчыннікаў. Такое ўзаемапранікненне розных культураў развівае і ўзбагачае нашу гісторыю» [9].

Аднак, як паказвае аналіз падзеяў, што адбываюцца ў галіне спартыўнай дзейнасці, на самой справе ўсё выглядае некалькі інакш. Асабліва, калі размова ідзе аб адносінах да футбалістаў з чорным колерам скуры. Сапраўды, складаецца парадаксальная сітуацыя. Спартоўцаў з афрыканскіх краінаў, пераважна футбалістаў, даволі ахвотна запрашаюць багатыя еўрапейскія клубы, якія на сёння хутчэй выглядаюць як паспяховыя камерцыйныя мегапраекты. Яны з дапамогаў адмыслова падрыхтаваных скаўтаў шукаюць таленавітую моладзь па ўсім свеце. Афрыканскія краіны па шмат якіх крытэрыях з пункту гледжання пастаўкі на міжнародны рынак такога спецыфічнага «тавару» як мага лепш падыходзяць да гэтага адмысловага роду спартыўнага бізнэсу.

Вельмі шмат маладых людзей з краінаў так званага Трэцяга свету знаходзяцца ў варунках скрайняй галечы і адсутнасці жыццёвых перспектываў. Паглыбленне ўсё большай няроўнасці паміж кантынентамі вызначаецца беспасярэднім заняпадам пасля эпохі расісцкага каланіялізму, што і да цяперашняга часу ўплывае на лёсы мільёнаў людзей, якія пазбаўленыя элементарных сродкаў да існавання. Для некаторых з іх спорт з'яўляецца бадай адзінай магчымасцю ў дасягненні годнага жыцця. Гульня ў футбол у замежным клубе для шмат якіх афрыканцаў становіцца шанцам падтрымаць свае сем'і, якія застаюцца на радзіме.

Калі ўважліва прасачыць за краінамі паходжання чарнаскурых футбалістаў у еўрапейскіх клубах, то большасць з іх прадстаўляе тыя дзяржавы, якія, згодна класіфікацыі ААН, адносяцца да краін з нізкім узроўнем развіцця чалавечага патэнцыялу і капіталу, маюць значныя эканамічныя праблемы, што выразна адбіваецца на культурна-адукацыйным узроўні саміх спартоўцаў (табліца). Прадстаўнікі Ганы, Камеруна, Кеніі, Нігерыі, Того і г.д. гуляюць нярэдка ў самых знакамітых камандах і маюць шматмільённыя ганарары. Больш за тое, у выніку працэсу натуралізацыі яны выступаюць нават за нацыянальныя каманды шэрагу еўрапейскіх краінаў.

Табліца – Рэйтынг краін па Індэксе развіцця чалавечага патэнцыялу [1]

Вельмі высокі ўзровень	Высокі ўзровень	Сярэдні ўзровень	Нізкі ўзровень
1. Нарвегія	44. Літва	86. Фіджы	128. Кенія
2. Аўстралія	46. Аргенціна	89. Кітай	130. Гана
3. Новая Зеландыя	47. Латвія	100. Манголія	131. Камерун
4. ЗША	51. Харватыя	101. Егіпет	139. Тога
5. Ірландыя	53. Лівія	106. Гандурас	142. Нігерыя
6. Ліхтэнштэйн	58. Балгарыя	110. ПАР	144. Сенегал
7. Нідэрланды	60. Сербія	119. Індыя	149. Кот д'Івуар
8. Канада	61. Беларусь	125. Пакістан	151. Гамбія
9. Швецыя	64. Албанія		157. Эфіопія
10. Германія	65. Расія		162. Ліберыя
13. Швейцарыя	66. Казахстан		
14. Францыя	69. Украіна		
18. Бельгія	73. Бразілія		
19. Данія	83. Турцыя		
20. Іспанія			
23. Італія			
40. Партугалія			
41. Польшча			

Такое становішча можна растлумачыць шэрагам наступных фактараў.

1) Самі спартоўцы з афрыканскіх краінаў, – па сутнасці эмігранты-уцекачы з прычыны эканамічных цяжкасцяў, – за ўсялякі кошт імкнуцца трапіць у краіны з больш стабільнай сацыяльнай сістэмай.

2) Спорт для іх з'яўляецца фактычнай адзінай магчымасцю пазбегнуць галечы і «выбіцца ў людзі».

3) Яны складаюць вельмі сур'ёзную канкурэнцыю мясцовым спартоўцам зыходзячы з таго, што ігнаруюць шмат якія традыцыйныя еўрапейскія правілы і нормы, не цураюцца ўжываць допінг, а каштоўнасць свайго асабістага здароўя часта застаецца ў іх на другасным плане.

4) Сучасная сацыякультурная сітуацыя ў найбольш развітых краінах прывяла да ўспрымання спорту на ўзроўні відовішча, – нярэдка экстрэмальнага, – калі прасцей быць назіральнікам, чым удзельнікам.

5) Структурызацыя самага спорту прывяла да выяўлення ў грамадскай думцы падзелу на спорт для багатых (гольф, кёрлінг, тэніс) і бедных (баскетбол, бокс, футбол), а таксама на прафесійны спорт, аматарскі спорт, спорт для ўсіх і камерцыйны спорт.

Сутыкненне эмігрантаў-спартоўцаў у новым для іх сацыякультурным асяроддзі з традыцыйнай сістэмай міжчалавечых адносінаў прывяло да негатыўнага успрымання гэтай катэгорыі з боку мясцовых заўзятараў, што выклікала новую хвалю расізма, ксенафобіі, рэлігійнай нецярпімасці і г.д.

У самым шырокім разуменні мэтаю спорту з'яўляецца паяднанне супольнасцяў і культураў, а таксама прапаганда здаровага і сумленнага спаборніцтва. Спорт дапамагае пераадолець абыякавасць, а нават і пагарду, якія даволі часта падзяляюць краіны і грамадствы. Выбар Паўднёва-Афрыканскай Рэспублікі ў якасці гаспадара Чэмпіяната свету па футболе 2010 года, дзяржавы, якая перамагла інстытуцыялізаваны расізм у выглядзе апартэду, дэманструе выдатны прыклад для наступных намаганняў у барацьбе з дыскрымінацыяй ва ўсіх яе формах. Страх, адсутнасць талерантнасці і

ксенафобію можна пераадолець дзякуючы прынцыпам Fair play і ўзаемнаму супрацоўніцтву. Яны маюць найважнейшае значэнне ў такіх камандных гульнях, як футбол. Першынствы свету як мага лепш дэманструюць, што футбол можа аб'яднаць мільёны людзей на зямлі ў сумесным і радасным суперажыванні. Аднак трэба браць пад увагу праявы расізму і іншыя формы дэвіянтных адносінаў, якія атручваюць спорт, у прыватнасці футбол, ставяць пад сумненне яго пазітыўнае ўздзеянне і ствараюць дрэннае ўражанне на ягоны імідж. Даволі часта футбольныя фанаты камандаў-суперніцаў, каб вывесці з раўнавагі і атакаваць сваіх апанентаў, ужываюць абразлівыя словы і выразы, а часам дапускаюць гвалт. На жаль, нават самі спартоўцы нярэдка паводзяць сябе падобным чынам. Прафесійныя футбалісты павінны адпавядаць у сваіх паводзінах самым высокім спартыўным стандартам, якія сфармуляваныя згодна з этычнымі нормамаі і прынцыпамі ў распрацаваным кодэксе FIFA, дзе маецца палажэнне аб недыскрымінацыі. Аднак можна налічыць нямала выпадкаў, калі багатыя клубы і арганізацыі пазбягалі суровых санкцыяў і плацілі смешна нізкія штрафы за сур'ёзныя расісцкія інцыдэнты пад час матчаў [10].

Праблемы падобнага кшталту характэрныя для сучаснага французскага футболу. Менавіта ў гэтай краіне ўтварылася сітуацыя, калі ўзніклі падазрэнні, што ў нацыянальнай зборнай існуе расавы парытэт. Журналісты распаўсюдзілі інфармацыю аб абмежаванні колькасці гульцоў афрыканскага паходжання. З прыватных крыніцаў у асяроддзі функцыянераў Французскага футбольнага саюзу стала вядома пра тое, што футбольныя школы і цэнтры падрыхтоўкі футбалістаў павінны прытрымлівацца правіла, згодна з якім удзел афрыканскіх (мараканскіх, алжырскіх і г.д.) спартоўцаў не перасягае 30%. Тэхнічны дырэктар зборнай Францыі па футболе Франсуа Блакарт публічна выказваў свае сумненні, якія датычацца футбалістаў нефранцузскага паходжання. Ён лічыць недапушчальным, калі пасля падрыхтоўкі ў Францыі такія гульцы маглі б выказаць жаданне выступаць за зборную краіны свайго паходжання. Праз некаторы час, па інфармацыі агенцтва Reuters Блакарт быў адпраўлены ў адстаўку [5].

Працэсы глабалізацыі і рэгіяналізацыі працягваюць дамінаваць па ўсім свеце. Апошнім часам яны моцна звязваюцца з міграцыйнымі плынямі, у тым ліку ў спорце. На прыкладзе футболу бачна, што ў еўрапейскіх камандах з'явілася вялікая колькасць спартоўцаў з азіяцкіх, афрыканскіх і паўднёваамерыканскіх краінаў. Маюцца яны таксама ў Польшчы, дзе практычна кожны клуб з першага дывізіёну карыстаецца паслугамі чарнаскурых гульцоў. На жаль, суровыя рэаліі жыцця такія, што гэтыя футбалісты сутыкаюцца з праявамі агрэсіі, расізму і ксенафобіі.

Так, Адэніі Агбэюле, таленавіты форвард з Нігеры, скардзіўся на тое, што на працягу чатырох гадоў праведзеных у Польшчы ў пяці розных клубах сутыкаўся з варожасцю. У камандзе «Одра» Аполе ён выступаў разам з камерунцам Адэкіе Мба. Адноўчы яны трапілі ў атачэнне скінхэдаў, якія ў прысутнасці трэнера пачалі крычаць: «Навошта прывозіш чорных у наш горад?!». Пазней у прысутнасці мноства сведкаў яго моцна збілі расісцка настроеныя фанаты клубу «Jagiellonia» Беласток: «Мой твар быў поўнасю ў крыві. Сапраўды думаў, што мяне чакае смерць». А пад час матчу паміж футбольнымі камандамі III лігі першынства Польшчы «Jeziorak» Ілава і «Hutnik» Варшава арбітр, які абслугоўваў тую сустрэчу, калі падбег да чарнакурага гульца, які ляжаў на траве пасля чарговага фолу, то запытаў яго: «Ну што, падымаешся, ці спачатку табе трэба даць банан?» [2].

На жаль, пералік падобных прыкладаў можна толькі павялічваць. Перад правядзеннем EURO-2012 можна з пэўнай доляй горычы канстатаваць, што польскія спартыўныя арэны, асабліва футбольныя стадыёны, сталі небяспечнымі месцамі, месцамі поўнымі агрэсіі, гвалту і нянавісці. Выразна бачыцца хваля расізму і шавінізму. На шмат якіх матчах на трыбунах з'яўляюцца сцягі з неафашысцкай

сімволікай, чуюцца антысяміцкія прыпеўкі і расісцкія лозунгі, якія накіраваныя галоўным чынам на гульцоў з Афрыкі.

Падобнае становішча прывяло да ўзнікнення антырасісцкага таварыства «Nigdy Więcej» («Ніколі Больш»), якое стала ініцыятарам кампаніі пад дэвізам «Павыбіваем расізм са стадыёнаў» з такімі мэтамі, як:

- 1) забарона расісцкай сімволікі на футбольных стадыёнах;
- 2) забарона расісцкіх выкрыкаў і лозунгаў;
- 3) утварэнне сеткі антырасісцкіх клубаў футбольных фанатаў;
- 4) распаўсюджванне сярод футбольных фанатаў нешавіністычных настройаў, каб быць адпорнымі да расізму [2].

Такія кампаніі ў Англіі, Германіі, Італіі, Нідэрландах і Шатландыі, якія праводзіліся сумесна футбольнымі клубамі, грамадскімі арганізацыямі і самімі футбольнымі фанатамі, мелі вялізарны ўплыў на памяншэнне лічбы расісцкіх інцыдэнтаў на стадыёнах і садзейнічалі распаўсюджванню талерантнасці сярод заўзятараў.

Улады Еўрапейскага саюзу надаюць пільную ўвагу спорту і ўважліва сочаць за тымі падзеямі, якія адбываюцца ў гэтай галіне. Так, у ліпені 2007 года Еўрапейская камісія апублікавала Белую кнігу на тэму спорту, у якой былі пазначаны некалькі актуальных пытанняў:

1) звернута ўвага на выкарыстанне ўнііных праграмаў, такіх як «Прагрэс», «Навучанне праз жыццё», «Моладзь у дзеянні», «Еўропа як для грамадзянаў, так і для Еўрапейскай супольнай фундацыі», «Еўрапейская фундацыя рэгіянальнага развіцця» і «Еўрапейская фундацыя інтэграцыі» у мэтах паглыблення сацыяльнай інтэграцыі, а таксама барацьбы з дыскрымінацыяй у спорце;

2) зроблена спроба садзейнічаць заахвочванню дыялогу, а таксама абмену найлепшай дасведчанасцю ў барацьбе з расізмам і ксенафобіяй;

3) зроблена спроба садзейнічаць заахвочванню мультыдысцыплінарнага падыходу ў супрацьдзеянні з асацыяльнымі паводзінамі, асабліва падкрэслена сацыяльна-адукацыйнае ўздзеянне, напрыклад, доўгатэрміновая праца з футбольнымі фанатамі, якая фармуе пазітыўнае стаўленне да вынішчэння гвалту ў спорце;

4) прапанавана ўзмацненне рэгулярнай і структурнай працы паміж службамі правапарадку, спартыўнымі арганізацыямі і іншымі зацікаўленымі бакамі [2].

Апошнім часам улады Еўрапейскага саюзу працуюць над дакументамі адносна пераадолення расізму і ксенафобіі на тэрыторыі Уніі, што можа дазволіць згарманізаваць дзейнасць розных службаў і арганізацыяў у барацьбе з дыскрымінацыяй і ўвесці аднолькавы каталог санкцыяў супраць асобаў, якія парушаюць правы чалавека ў гэтай сферы.

Набліжэнне Чэмпіяната Еўропы па футболе 2012 года на стадыёнах Польшчы і Украіны прыцягвае да гэтай падзеі ўвагу не толькі з пункту зацікаўленасці заўзятараў спорту, сродкаў масавай інфармацыі, арганізатарў турыстычных паслугаў, дзелавых колаў і г.д. Да EURO-2012 актыўна рыхтуюцца службы аховы правапарадку ў абедзвюх краінах, прычым не выключана, што да іх на дапамогу прыедуць супрацоўнікі адмысловых падраздзяленняў з Вялікабрытаніі, Нідэрландаў, Германіі, якія маюць вялікую дасведчанасць у дзейнасці супраць футбольных хуліганаў. Справа ў тым, што з урастаннем рэпрэсіяў супраць футбольных фанатаў з боку прадстаўнікоў аховы парадку павялічваецца незадаваленне найбольш актыўнай часткі заўзятараў, што можа прывесці да рэакцыі ў адказ пад час правядзення самага першынства.

Такі сцэнар вельмі верагодны і ён абгрунтоўваецца шэрагам прычынаў. Найперш, гэта тое, што адносіны да найбольш актыўных заўзятараў з боку службаў аховы парадку разглядаецца як да патэнцыяльнай крыніцы ўзнікнення небяспечных праблемаў. Футбольныя фанаты ўспрымаюцца не як частка спартыўнай дзейнасці, якая

мае свае правы і ўплывае на вынік спаборніцтваў, а як магчымыя парушальнікі парадку і крыніца фінансавых штрафаў для сваіх клубаў. Шкада толькі, што практычна не даследуюцца вытокі ўзнікнення, развіцця, функцыянавання і распаўсюджвання футбольнай фан-культуры. Па другое, культ гвалту і расізм у спорце маюць доўгую гісторыю і звязваюцца з шэрагам розных іншых сацыяльных праблемаў у грамадстве. З практыкі футбольных матчаў агульнавядома, што акрамя тых заўзятараў, якія прыходзяць на стадыён з сем'ямі, дудкамі і шалікамі, практычна паўсюль маюцца футбольныя фанаты. Яны звычайна знаходзяцца на асобнай трыбуне і заўсёды падтрымліваюць сваю каманду з дапамогай разнастайных тэкставых і маляваных банераў, візуальных эфектаў, выкарыстоўваюць для ўпрыгожвання сектараў дробныя піратэхнічныя сродкі. Але менавіта яны ў сучасным футболе становяцца найбольш крыміналізаванай групай. Калі ў краінах Заходняй Еўропы ў асяроддзі актыўных заўзятараў футбольныя хуліганы з'яўляюцца маргінальнай меншасцю і аддзелены ад большасці заўзятараў-ультрас, то ў краінах Усходняй Еўропы менавіта хуліганы прстаўляюць мейнстрым. Галоўная небяспека, якая зыходзіць ад іх, – гэта расізм, які адкрыта праяўляецца на стадыёнах.

На Украіне пад маркай «патрыятызму» футбольныя хуліганы пад час матчаў рэгулярна вывешваюць банеры расісцкага зместу, кельцкія крыжы, разнастайныя сімвалы Вермахту. Расізм украінскіх футбольных хуліганаў быў заўважаны нават функцыянерамі UEFA [3]. Напярэдадні EURO-2012 сродкі масавай інфармацыі распаўсюджваюць звесткі пра тое, што чакаецца расісцкі турнір. У якасці прыкладаў прыводзяцца эпізоды з польскіх стадыёнаў. Пад час сустрэчы камандаў «Polonia» Варшава і «Арка» Гдыня быў вывешаны фашысцкі сцяг з сімвалам SS-Totenkopf. Антысяміцкія выбрыкі адзначаліся ў дэрбі Жэшува, калі заўлятары вывесілі карыкатуру габрэя з транспарантам «Смерць гарбатым насам». У Гданьску заўлятары мясцовай каманды «Lechia» дамагаліся ад кіраўніцтва клубу, каб сярод футбалістаў больш не было «каляровых» [7].

Нярэдка на футбольным полі адбываюцца сутычкі паміж гульцамі, якія паўстаюць на глебе міжрэлігійных канфліктаў. Так, нямецкі паўабаронца турэцкага паходжання з мадрыцкага клубу «Real» (!) Месут Езіл быў выдалены з поля на прыканцы матчу ў адказ Суперкубка Іспаніі з камандай «Barcelona» за ўдзел у бойцы з іншымі футбалістамі. Па словах Езіла выдаленне не мела пад сабой падставы, і ён паводзіў сябе менавіта так, таму што імкнуўся абараніць сваю рэлігію, бо сапернік абразіў іслам [8]. Гэтае паведамленне не засталася незаўважаным на інтэрнэт-форумах і выклікала шэраг часам супрацьлеглых выказванняў:

1. «Спорт па-за рэлігіямі і ўсялякім цемрашальствам». Залатыя словы! Толькі чаму тады турак павінен цяпець абразы? Узровень культуры як раз і вызначаецца тым, у якой ступені ты паважаеш чужыя перакананні. Не глядзячы на залежнасць таго, падзяляеш ты іх альбо не. У іншым выпадку гэты чалавек – нікчэмнасць.

2. Прабачце, але мне таксама гэтыя чуркі не па душы. Душонкі ў іх ці што нейкія гнілаватыя. У вочы ўсміхаюцца, а адвернешся – кінжал узносяць. Са сваім статутам да чужога кляштару не падыходзь... [4].

Беларуская футбольная федэрацыя вось ужо больш за дваццаць гадоў уваходзіць у еўрапейскае і сусветнае супольніцтва. Наколькі беларускі футбол злучаецца з тымі асацыяльнымі тэндэнцыямі, якія шырока распаўсюджаныя за межамі нашай краіны? Ці можна сёння пабачыць на нашых стадыёнах свастыкі і кельцкія крыжы, пачуць праварадыкальныя лозунгі, убачыць праявы расізму і ксенафобіі?

На вялікі жаль можна ўгадаць шэраг падобных праяваў. Так, 28 красавіка 2010 года на фанацкай трыбуне мінскага «Дынама» быў вывешаны банер з партрэтам Рудольфа Геса, партыйнага намесніка Адольфа Гітлера. Адбылося гэта пад час матча з

камандай ФК «Віцебск». Банер суправаджаўся надпісам «Тваё жыццё для нас – гэта вернасці прыклад». Інцидэнт здарыўся за 11 сутак да Дня Перамогі. Клуб «Дынама» быў пакараны штрафам у 245 мільёнаў беларускіх рублёў (на той час каля 79 тысяч долараў ЗША). Не менш гучны скандал здарыўся на хатнім стадыёне барысаўскага БАТЭ, калі невядомыя хуліганы пад час матча з ісландскім ФН «Hafnarfjörður» (Рэйк’явік) узялі шыльдз з лічбамі 14 і 88 (спалучэнне гэтых лічбаў – культавы сімвал неанацызму). Знайсці і пакараць праварадыкалаў не змаглі. Пасля гэтых інцыдэнтаў узмацнілася прапускная сістэма на трыбуны стадыёнаў. Сёння пад час матчаў беларускага чэмпіянату прадстаўнікі праваахоўных службаў здымаюць на відэа сектары стадыёну, а пропуск на спартыўны аб’ект дазваляецца праз спецыяльную браму-металашукальнік і пасля асабістага дагляду [6].

Дарэчы, гісторыя з партрэтам Геса далёка не адзіны інцыдэнт, звязаны з экстрэмісцкай дзейнасцю футбольных фанатаў клубу «Дынама» Мінск. У 2009 годзе Беларускае федэрацыя футбола забараніла блакітна-белым вывешваць транспарант з надпісам «Дынамаўцы – хлопцы з белаю скурай і блакітных крывей». Футбольныя функцыянеры палічылі, што надпіс мае элементы абразлівага характару. Аднак банер таго самага зместу нечакана з’явіўся 19 лютага 2011 года ў Іспаніі, дзе ўжо гандбольны клуб «Дынама» Мінск гуляў матч Лігі чэмпіёнаў з мясцовай камандай ВМ «Valladolid». Гасцявы матч трансляваўся па тэлеканале АНТ. Замежны аператар ухапіў план з некалькімі дынамаўскімі фанатамі, якія трымалі ў руках той самы расісцкі банер [6].

Заклучэнне

Шырока зразумелае паняцце сацыяльнага і культурнага капіталу шчыльна звязана з сучаснай спартыўнай дзейнасцю. Справа датычыцца, перш за ўсё, зменаў у самасвядомасці насельніцтва да людзей з іншых краінаў, асабліва калі гэта мігранты з па-за еўрапейскіх краінаў. Большасць грамадзянаў з дзяржаваў Еўропы часам нават не прыхоўваюць сваіх расісцкіх і шавіністычных поглядаў пад час правядзення масавых мерапрыемстваў, у тым ліку, калі яны знаходзяцца на стадыёне. Негатыўныя адносіны да іншаземцаў перадаюцца праз паводзіны агрэсіўна настаўленай моладзі, якая заўсёды шукае розныя накірункі, каб выпусціць сваю энэргію. Спартаўцы-мігранты звычайна самі ствараюць свой асабісты пераважна не самы прывабны імідж. Яны па-большасці не валодаюць вялікімі ведамі пра культуру і традыцыі краіны перасялення, не вучаць мову, у іх маецца недахоп адукацыі і г.д. Апрача таго, мігранты адбіраюць месцы працы ў прадстаўнікоў тытульнай нацыі. У кожнай іншай галіне прафесійнай дзейнасці колькасць мігрантаў не была б настолькі бачнай, але толькі не ў выпадку спорта, якому надаецца ўвагі ў медыях нават больш чым ён часам гэтага заслугоўвае. Практычна кожны крок спартоўца, ягоныя заробкі, паводзіны на стадыёне і па-за ім разглядаюцца настолькі пільна як нідзе ў іншай сферы сацыяльнай актыўнасці.

На заканчэнне неабходна падкрэсліць, што спорт у сучасны перыяд выконвае надзвычай важную ролю ў працэсе змены самой сутнасці сацыяльнага і культурнага капіталу. Негатыўныя вынікі спартыўнай дзейнасці ў шмат якіх выпадках ствараюць небяспеку ў адносінах паміж рознымі нацыянальнымі групамі. Спорт часам інспіруе сацыяльныя выбухі, выклікае негатыўныя эмоцыі, вядзе да дэвіяцыяў у сацыяльных паводзінах. Спартаўныя мерапрыемствы вялікага фармату практычна заўсёды звязаныя з павялічанай рызыкай канфрантацыі.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека / Пер. с англ.; ПРООН. – М. : Изд-во «Весь Мир», 2010. – С. 211–214.

2. <http://archiwum-ukie.polskawue.gov.pl/www/serce.nsf/0/4D8C348FA56A0134C125731C0027E2AC?Open&RestrictToCategory>. – Дата доступу: 22.08.2011.
3. <http://footballforall.org.ua/?p=227>. – Дата доступу: 22.08.2011.
4. <http://forum.pressball.by/viewtopic.php?t=65321>. – Дата доступу: 19.08.2011.
5. <http://krzysztofkucharski.wordpress.com/2011/05/01/rasizm-w-pilce-francuskiej/>. – Дата доступу: 22.08.2011.
6. <http://news.tut.by/society/246512.html>. – Дата доступу: 19.08.2011.
7. <http://sport.gadu-gadu.pl/5590686069504557394/uefa-przerazona-euro-2012-to-bedzie-rasistowski-turniej>. – Дата доступу: 22.08.2011.
8. <http://www.pressball.by/lenta.php?p=1&id=90489>. – Дата доступу: 19.08.2011.
9. <http://www.realmadrid.pl/index.php?co=aktualnosci&id=10390>. – Дата доступу: 22.08.2011.
10. <http://www.unic.un.org.pl/aktualnosci.php?news=1530&wid=18&druk=1>. – Дата доступу: 22.08.2011.
11. Кłoskowska, A. Kultura masowa. Krytyka i obrona / A. Kłoskowska. – Warszawa : PWN, 1983. – 493 s.
12. Sztompka, P. Socjologia. Analiza społeczeństwa / P. Sztompka. – Kraków : Znak, 2002. – 653 s.

Дадатак

Сімволіка некаторых лічбаў і літараў, якія выкарыстоўваюцца на стадыёнах экстрэмісцкімі групамі футбольных фанатаў:

18 = 1 і 8 – літары лацінскай абэцады – АН, якія азначаюць Адольф Гітлер (Adolf Hitler) і выкарыстоўваюцца міжнароднай тэрарыстычнай неагітлераўскай арганізацыяй;

28 = 2 і 8 – літары лацінскай абэцады – ВН, якія азначаюць «Кроў і Гонар» (Blood & Honour), неанацысцкі дэвіз і назва расісцкай арганізацыі;

88 = 8 і 8 – літары лацінскай абэцады – НН, якія азначаюць «Neil Hitler»;

14 = чатырнаццаць словаў – дэвіз расісцкіх тэрарыстаў амерыканскай групы «The Order» («Парадак»).

Сімволіка літар:

KKK = Ku Klux Klan – амерыканская расісцкая, антысяміцкая і антыкаталіцкая арганізацыя;

WP = «White Power» («Белая Сіла» – лозунг Ku Klux Klan і расісцкіх скінхэдаў;

NF = Nazi Front, National Front – фашысцкая арганізацыя;

BH = Blood & Honour («Кроў і Гонар») – назва расісцкай арганізацыі;

NS = Нацыянальны сацыялізм – палітычная дактрына Адольфа Гітлера;

У дадатку былі выкарыстаныя элементы некаторых навучальных матэрыялаў, якія былі распрацаваныя Польскім футбольным саюзам, а таксама таварыствам «Nigdy Więcej».

Lukievič U. Deviantional Behaviour in Sports: Philosophy, Essence and Danger of Football Fanaticism

Modern sports in the system of a globalized society represent a specific phenomenon which influences the formation of social relations of people, their culture, make a concept basis «the social capital». At the same time deviantional behaviour is widely spread in sports, there are regular displays of racism and xenophobia, discrimination in its most different forms. On the example of the behaviour of football fans the author analyzes philosophical aspects of dehumanize tendencies in sports, their essence and danger to the social environment.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.02.2012

УДК 78.01 (076.6)

Т.Г. Барановская

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ МУЗЫКИ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ В ИСТОРИКО-СТИЛЕВОМ КОНТЕКСТЕ

В данной статье анализируется проблема трансформации содержательно-знаковой природы европейского музыкального искусства XVII–XX веков в историко-стилевом контексте. Понимание природы музыкального содержания предполагает включение в процесс культурной и художественной коммуникации индивидуального опыта слушателя, музыкального произведения и композитора. В процессе становления и развития музыкального искусства эволюционирует его содержательный аспект, происходят постоянные изменения природы и типологии музыкального смысла.

Введение

Каждая историческая эпоха имеет своё смысловое и ценностное поле культуры и вырабатывает соответствующие ему языковые средства. Особая роль искусства связана с тем, что оно выступает как своеобразная модель, портрет культуры или способ её самопознания. Культура передаёт через искусство образ своей целостности, уникальности, своего социально-исторического «Я». Многообразие языковых средств, какими располагает культура, воплощается в определённой системе знаков, представляющей собой конкретное воплощение тех или иных идей и идеалов. Человечество живёт в мире знаков, которые сопутствуют ему и в бытовой, и в профессиональной жизни. Музыкальное искусство – это очень специфическая знаковая система.

На сегодняшний день проблема содержательно-знаковой природы музыки в белорусской музыкально-эстетической науке изучена мало. Исследование содержательного аспекта европейской музыки XVII–XX веков в историко-стилевом контексте даёт возможность говорить о его трансформации и позволяет сформировать особенности исполнительской интерпретации конкретного музыкального произведения.

Музыкальное искусство относится к наиболее чувственным среди искусств. Оно оказывает сильное эмоциональное воздействие, обладает способностью вызывать непосредственную физиологическую реакцию, способствует очищению, катарсису. Приоритет чувственного начала в музыке соотносится с противоположным взглядом на музыкальное искусство как эквивалент философии и математики. Именно поэтому, как отмечает известный музыкальный культуролог XX века Дж. Михайлов, «ученые и теософы древности и средневековья нередко привлекали музыку как феномен для объяснения мироустройства и сложных механизмов действия человеческой души и Духа Божия» [1, с. 111]. Музыка как часть духовной культуры, соответственно классической триаде высших ценностей, содержит общечеловеческие ценности (мировоззренческие, этические, эстетические), является интонационным способом их существования. Музыка, как «искусство интонируемого смысла» (определение Б.В. Асафьева), существует в невербально-звуковой форме и функционирует при участии музыкального опыта и внемusicalных ассоциаций.

Природа музыкального содержания диалектична. Во-первых, оно духовно по своей сути и получает материально-звуковое выражение. Во-вторых, музыкальное содержание, будучи отражением духовного мира человека, раскрывает вместе с тем существенные стороны объективной (прежде всего социальной) действительности. Одним из важнейших свойств, характеризующих проявление духовности в музыке, явля-

ется целостность, разносторонность и гармоничность человеческого сознания. В духовном сочетаются чувство и мысль, эмоциональное и рациональное начала, также человеческая воля, чувственность, память (в частности историческая память).

Существует несколько подходов в выявлении природы содержания музыки. Во-первых, музыкальное произведение представляет собой совокупность специфических знаков, имеющих более или менее фиксированное предметное или идейное значение. Такой подход позволяет анализировать семантику музыкальных знаков, их соотношенность с внемusical реальностью, с определенными сферами жизни человека. Во-вторых, выявление ассоциативного содержания в музыкальном произведении, где жесткость предшествующего подхода снимается, содержание становится подвижным и в значительно большей степени личностно-вариантным. В-третьих, эстетическое восприятие и переживание собственно звуковой формы, оценка степени и характера ее гармоничности. При таком подходе музыка не отсылает к какому-то внемusical содержанию, а становится самостоятельной ценностью и потому вызывает у слушателя яркие эмоциональные переживания. Все эти подходы должны рассматриваться как взаимодополняющие. Произведения композиторов различных исторических эпох и различных творческих направлений акцентируют различные стороны музыкального содержания.

В понимании предметности в музыке также возможны альтернативные позиции. С одной стороны, музыка способна раскрывать некоторое ассоциативно определяемое внемusical предметное содержание. Эта предметность в музыке всегда неконкретна. С другой стороны, собственная предметность музыкального произведения, его развернутое во времени звучание, психологически концентрируемое в звуковом музыкальном образе. Эта музыкальная предметность может вызывать в сознании музыканта некоторые внемusical ассоциации, может получить некоторое внемusical истолкование, но может оказаться самодостаточной. Музыка также получает возможность непосредственного чувственно-эстетического воздействия на человека, способного реагировать на музыкальную форму и музыкальную предметность как таковую. В этом состоит сущность музыкального искусства последних веков. В музыке различных жанров и стилей многообразно переплетаются и создают синтезы ассоциативно предметное содержание и предметное содержание непосредственного музыкального звучания.

Систематизировать музыкальное содержание можно по очень многим параметрам. Особые типы содержания характерны для музыки различных эпох и различных социальных структур [2]. Так, музыка имеет национальную определенность, раскрывает черты национального характера. Она чутко реагирует на социальную природу своих носителей – людей различных классов и групп населения. В музыке отражаются условия музицирования и те жизненные функции, которые ею выполняются. В содержании музыки раскрываются различные аспекты ее отношения к изображаемой действительности.

Один из ключевых аспектов типологии музыкального содержания – зависимость музыкального содержания от его материального носителя. Известно, что в музыкальной культуре различных регионов мира преобладают ритмо-тембровые или мелодико-интонационные формы выразительности. Разделение музыки на мелос и ритмику было осознано в теории искусства весьма давно. Дифференциацию подобного типа сделали еще древнегреческие теоретики искусства, выделив ритмопею и мелопею как два самостоятельных вида музыкальных построений [3, с. 34]. Исходя из этих «жизнеобеспечивающих» основ музыки профессор Московской консерватории В.Н. Холопова предлагает две концепции в развитии музыкальной культуры: ритмическую и мелодическую.

Для музыкальной культуры многих африканских народов характерна, например, спаянность пения и танца, широкое применение ударных инструментов: барабанов, ксилофонов, литавр, различного рода шумовых трещоток – и формирование из них разнообразных ансамблей. Музыка многих регионов Африки отличается сложной рит-

микой, в частности, полиритмией. Большую роль играют «говорящие барабаны», с помощью которых можно передавать ту или иную информацию на расстояние. Музыка Западной Африки отличается малочисленностью струнных инструментов, которые относительно недавно были занесены туда кочевниками. В целом в африканской музыке (по сравнению с европейской) большое значение имеют тембровые и ритмические компоненты (хотя нельзя сбрасывать со счетов многочисленные и разнообразные песенные жанры, бытующие у многих народов африканского континента). За этими особенностями стоят глубинные музыкально-смысловые ориентации. Весомую роль первичного тембрового компонента музыкальной выразительности можно интерпретировать как отражение приоритета чувственного начала в структуре музыкального переживания. Акцент на ритмической стороне музыкального языка, тесно связанной с движением, танцем, жестом, следует трактовать как проявление телесной активности, зависимость от нее музыкального компонента художественной выразительности.

Напротив, музыкальная культура Европы в значительно большей степени ориентирована на песенные и вокально-декламационные формы выражения. Это связано, в частности, с европейскими церковными традициями, исключая применение танцевальных жанров в культовой музыке. Отсюда идет приоритет струнных и духовых (орган) музыкальных инструментов в европейской культуре, вторичная роль ударных инструментов, относительно недавняя активизация тембровой выразительности. Приоритет песенно-интонационных элементов означает большую зависимость музыки от речи, от поэзии, от выражения эмоционального переживания. Принципиальное обновление всей Западной культуре принесла «ритмическая музыка» в XX веке. Она всемерно активизировала действенный моторно-эмоциональный план музыки в ответ на активность, действенность образа жизни современного человека, потребность человека в искусстве найти эквивалент своему жизненному состоянию.

Другой аспект типологии музыкального содержания раскрывается в соотношении конкретности окружающей действительности и ее художественного обобщения в структуре музыкального образа. Этот аспект типологии музыкальной образности определяется уровнем развития музыкального искусства.

Музыкальное искусство развивается по пути преодоления жизненной конкретности и постепенного формирования все более обобщенных, абстрактных музыкальных образов. Данный процесс связан с изменением способов воплощения музыкального содержания, с особенностями музыкального языка. В большой исторической перспективе этот определяющий аспект связан с формированием категориального ряда, с помощью которого воплощается смысл, идейное содержание искусства: знак, символ, образ.

Если знак это материальный объект, выступающий в коммуникативном процессе аналогом другого объекта (предмета, свойства, явления, понятия, действия), замещающий его, то символ есть конкретно-зримое воплощение тех или иных идеалов как высших ценностей и смыслов. Символ в искусстве – это воплощение идеального образа, который нуждается в знаковой форме для передачи эмоциональной информации реципиенту (получателю). Символ – разновидность знака, но не каждый знак является символом. Образ, в свою очередь, предполагает воспроизведение или замещение предмета, свойство или отношение которого обладает структурным соответствием, благодаря чему возникают ассоциации по внешнему облику. Художественный образ представляет собой не что иное, как особое средство, употребляемое не для копирования объектов, а для кодирования обобщенных переживаний. Следовательно, он является специальным знаком (символом), смысл которого составляет то или иное обобщенное переживание.

Определенный культурный контекст предполагает индивидуальное прочтение этих категорий, которые определяют три стороны музыкального содержания: эмоция, изобразительность и символика. Однако не стоит забывать, что существует и внезапно-

вая, не поддающаяся объяснению иррациональная сфера, присутствующая в любом музыкальном произведении. Именно поэтому не стоит сводить понимание музыкального текста к рациональности, всегда есть некий неразложимый и непостижимый для понимания уровень искусства. Такая неоднозначность и сложность музыкального содержания стала предметом споров представителей двух групп музыкальных эстетиков XIX века, стоявших на принципиально различных позициях.

Первая получила название «контекстной» и исповедовала безусловную связь музыкального искусства с определенным содержанием, которое можно выразить словесным языком. Музыкальная специфика содержания представителями этой позиции опровергалась или игнорировалась. Данная теория продолжала этическую линию видения музыки, которая берет свое начало в античности и строится на принципе подражания (мимезис), который получил свое преломление в XVII веке в музыкальной риторике, т.е. слове в его «немой» ипостаси: оно «звучало», не будучи произнесенным. Эта тенденция проявилась в наличии литературных программ к музыкальным произведениям XIX века, где отразилась романтическая идея о «синтезе искусств».

Другая группа – «эстетики-автономисты» – считала, что музыкальное искусство настолько специфично, что оно выражает прежде всего само себя, т.е. музыка выражает музыку и ничего кроме музыки. Родоначальником этого направления стал известный австрийский музыковед и критик Эдуард Ганслик, прославившийся своим трудом «О музыкально-прекрасном» (1854), где отстаивал независимость чисто музыкального выражения от его словесных истолкований. Для Ганслика музыка, как «движущиеся звуковые формы», становилась своим содержанием, формой, чувством и числом одновременно. Эта теория продолжала эстетическую линию, которая была рождена античностью (музыкально-числовая теория «гармонии сфер») и продолжена в теории аффектов (вторая половина XVIII века), т.е. в принципе музыкального выражения эмоциональных переживаний. В этой теории отразился победивший в XIX веке в науке, философии и музыкальном мышлении принцип развития.

Музыкально-эстетические споры вокруг содержательно-смысловой наполненности музыки перешли и в XX век. Вопрос специфики музыкального содержания получил широкую разработку в трудах не только западноевропейских, но и отечественных музыковедов XX века. Например, В. Каратыгин в статье 1915 года «О музыкальной критике» все разнообразие мнений о содержании музыки разделил на два типа: «интрамузыкальный» (теория Э. Ганслика) – отождествление содержания музыки с ее звучанием – и «экстрамузыкальный» (теория немецкого музыковеда XIX века А. Амброса) – смещение содержания музыки в область психологизма, программности. Промежуточный тип Каратыгин называет «метамузыкальным», сводящимся «к признанию сущности музыки началом непознаваемым, иррациональным, метафизическим» [4].

«Дуалистическую» концепцию поддерживал создатель теории метротектонизма Г. Конюс, проводивший границу между первичным «техническим содержанием» и вторичным «художественным». «Вторичное» содержание Конюса есть не что иное, как «метамузыка» Каратыгина, т.к. оно обусловлено мощью духа его творца [5].

На рубеже XIX и XX веков начиная от русских философов (А. Белый, Вяч. Иванов, П. Флоренский), композиторов (Н. Римский-Корсаков, Р. Вагнер, Р. Штраус, М. Равель) и заканчивая философами и культурологами XX века (А.Ф. Лосев, А. Швейцер, С. Лангер, Х.-Г. Гадамер) для конкретизации взаимосвязи двух сторон музыкального содержания особенно широко использовались понятия «символ», «символизация», «символизм».

Понятием, которое в начале XX века констатировало «дуалистичность» музыкального содержания, стала категория «выражение». В рамках этого понятия музыкальная эстетика представляется наукой о выражении внутреннего во внешнем, а му-

зыкальное творчество понимается как активный переход в бытие, осуществляющийся в выражении. С категорией «выражение» неразрывно связаны категории «чувство», «символ», «миф», как высшая форма символизации.

В конце XX века в культурологии и эстетике раскрывается реальная связь между музыкой и культурой в целом, а музыка рассматривается не только как узкоцеховая дисциплина, но и общественная наука. Для налаживания данного диалога современная музыкальная эстетика в значительной мере вобрала в себя достижения таких культурологических направлений как семиотики и герменевтика. Причем они стали логическим продолжением выше описанных теорий: «контекстная» теория о подражании, это же в музыке «преломила» свои музыкально-риторические фигуры в знаковых системах семиотики, а «автономисты» с их эстетическим выражением и теорией аффектов эволюционировали через столетия к идеям музыкальной герменевтики.

Формирование музыкальной герменевтики произошло в начале XX века и связано с именами Германа Кречмара и Арнольда Шеринга. Именно Г. Кречмар, крупный немецкий музыковед, ввел термин «музыкальная герменевтика» и тем самым обозначил новую область в музыкознании. Музыкальная герменевтика предназначена вытеснить пространство непонимания из сферы отношений музыки и слушателя, ее воспринимающего. Наибольший интерес представляют две категории, связанные с восприятием музыки, – это ее понимание и интерпретация.

Установка современной музыкальной эстетики на открытие смыслообразующих возможностей музыки задействовало различные стороны реальности. Определяющим фактором здесь выступает их понимание и постижение, что подчеркивал немецкий социолог и философ Т. Адорно: «Интерпретация музыкального содержания повергается внутренней структурой произведений и, что одно и то же, теорией, которая соединяется с опытом их слушания и постижения» [6].

Изначальная многогранность художественно-смысловых оттенков музыки предполагает общность и различие в соотношении интерпретации и понимания. Понимание, как и интерпретация, ставит перед собой познавательные задачи, но если интерпретация ориентирована на пояснение текста, то понимание – на проникновение в его смысл, что и является целью герменевтики. Таким образом, если интерпретация отвечает на вопрос «о чем говорит музыка», то понимание, постижение – на вопрос «что есть музыка», т.е. не только поясняет, но и проникает в смысл текста.

Раскрытие сложной, многозначной символики музыкального текста объясняет тяготение музыкальной эстетики к признанию выделенных в семиотике типов знаков и использование их при интерпретации. Достижения семиотики привели к тому, что анализ музыкального содержания (семантический анализ) в XX веке становится особой ветвью музыкознания. Семиотика как наука занимается не только значением знаков (семантика), но и отношениями, которые устанавливаются между самими знаками (синтактика), а также теми отношениями, которые устанавливаются между знаками и теми, кто ими пользуется (прагматика), которые возникают между произведением искусства и его слушателем (социология музыки) [7, с. 192].

Все знаки и знаковые системы имеют некие общие свойства. Музыкальное искусство – это очень специфическая знаковая система, которая непосредственно соотнесена с широко известной и признанной семиотической триадой знаков Чарльза Пирса: икон, индекс, символ. Одним из первых интерпретацию пирсовской типологии знаков по отношению к музыкальному искусству предложил чешский учёный Я. Йиранек. По его мнению, интонационно-выразительные, экспрессивные элементы в музыке функционально подобны индексам, предметно-изобразительные – иконам, а условные (например, темы с устойчиво закреплёнными за ними значениями) – символам.

Руководствуясь знаковой теорией Пирса, профессор Московской консерватории им. П.И. Чайковского В.Н. Холопова составила типологию знаков в музыке [8]:

- 1) эмоциональные знаки-иконы выразительного типа: моделируют психологические процессы (рост напряжения, достижение кульминации, спад, затишье и т.д.);
- 2) предметные знаки-индексы: существуют в качестве косвенных отражений и по какому-либо признаку через ассоциацию по предметной смежности дают возможность вовлекать в музыку весь видимый мир, который находится в поле зрения человека;
- 3) понятийные знаки-символы: музыкально-риторические фигуры, темы, мотивы с определённой символикой, предписанной композитором, словесные знаки (названия произведений и поэтический текст вокального сочинения).

Все виды знаков в музыке, как и в искусстве в целом, могут существовать одновременно в одном и том же произведении. Обязательным является только один – иконический, а индекс и символ лишь возможны. Приведенная выше система знаков помогает раскрыть первоначальный смысловой слой в музыке.

С позиций семантики (части семиотики), в музыкальном произведении не существует промежуточных звучаний, которые не были бы втянуты в смысловое поле произведения. В музыкальной эстетике это понимание получило широкий диапазон трактовок: от полного (А. Сохор) или частичного (М. Арановский) отрицания знаков в музыке до признания их главной составляющей музыкального языка (В. Холопова, С. Мальцев, А. Кудряшев).

Свои объекты музыкальная семантика изучает как языковые модели. Отличие заключается в том, что если в обыденной речи знаком является слово, то в искусстве знаком является только само произведение в целом. Составляющие его компоненты – субзнаки, т.е. компоненты знака, его элементы, части. Эти части знака (как и части слова), в отличие от знака, не обладают фиксированными значениями. В музыке в зависимости от контекста один и тот же элемент может выполнять функцию субзнака, т.е. может быть наделенным неким (пусть и предельно широким) смыслом, а может быть и лишен этой функции. Таким образом, решающая роль принадлежит контексту, в котором использован тот или иной элемент музыкального произведения.

При анализе содержания музыки следует иметь в виду два семантических плана, два структурных уровня содержания. Первый связан с образной линией развития, конкретной сюжетно-смысловой фабулой, проявляющейся в интонационной драматургии произведения. Другой, коренящийся в технологических приемах и конструктивных решениях, выходит за пределы конкретной образности, являясь большей частью носителем общепhilosophического или «чистого» музыкального содержания.

В семиотике эти два уровня содержания Р. Якобсон определяет так:

- 1) «поэзия образов», т.е. сюжетная семантика, реализуемая на уровне интонационно-тематического, образно-драматургического развития;
- 2) «поэзия мысли», т.е. несюжетная семантика, проявляющаяся
 - а) на уровне элементов (звук, аккорд, ритмическая фигура, фактурная ячейка);
 - б) на структурно-логическом уровне (форма) [9].

Музыкальная эстетика также имеет традиции рассмотрения музыки как носителя разнопланового содержания. Так, К. Дальхауз – последователь идей Э. Ганслика – говорит о двух смысловых уровнях: 1) логика, не переводимая на какой-либо язык; 2) содержание, заданное историей понимания музыки, т.е. и сама музыка, и литература о музыке создают ее смысл [10, с. 80]. Главным объектом содержания, а следовательно, и анализа, может служить любой элемент музыки, начиная от звука и заканчивая мировоззрением композитора или эпохи: каждый объект может быть представлен в качестве носителя смысла. С этой точки зрения, всю действительность, которая связана со значениями музыкальных субзнаков, можно разделить на две разные области. Первая об-

ласть – экстрамузыкальная; в ней группируются источники значений, не связанные с музыкальными звучаниями. Вторая область – интрамузыкальная; она связана изначально с музыкальными звуками. С ними связан еще один источник значений – синестетическая способность музыки.

Наиболее полную, классификацию знаков в музыке в рамках двух содержательных планов составил музыковед Московской консерватории им. П.И. Чайковского А.Ю. Кудряшов [11].

I. Экстрамузыкальный блок: философско-эстетические или этические идеи, превращённые в музыкально-экспрессивную действительность:

1) знаки-иконы – моделируемые музыкой эмоции, которые в разные исторические эпохи получили различные определения (аффект, чувство, страсть, характер, настроение, переживание) и воплощаются ладогармоническими средствами, фактурными, темповыми, регистровыми и многообразными авторскими ремарками в нотах;

2) знаки-индексы – явления предметного мира, связанные с музыкой по принципу косвенного признака;

3) знаки-символы – идеи, мотивы с устойчиво закреплённой за ними семантикой, музыкально-риторические обороты, которые обозначают абсолютно несхожие с их музыкально-акустической структурой явления.

Экстрамузыкальная область включает в себя и такие источники музыкальной семантики, как интонация человеческой речи, междометия, а также «немые интонации» жеста, мимики, танца, пластики человеческого тела. В реальной жизни интонация сливается со словом и жестом воедино и очень часто одно подменяется другим (например, герои мультфильмов, которые только интонируют, не произнося ни единого слова). (Нужно заметить, что теоретически проблема взаимодействия речевой интонации и музыки рассматривалась еще в XVIII веке Дидро, Рамо и Руссо).

II. Интрамузыкальный блок представлен в виде феномена самой музыки, которая состоит из множества знаков, означающих её же самобытную идею. Все знаки интрамузыкальной семантики: жанровые, композиционные, ладогармонические – являются знаками-релятами (музыкальными комплексами), основанными на принципе условного сходства между музыкально означающим и музыкально означаемым. В данном случае степень сходства может быть самой различной, и поэтому автор данной типологии выделяет три типа таких знаков: реляты прямого сходства, реляты производности и реляты различия. Кроме того, интрамузыкальные реляты могут быть как внутритекстовыми, так и межтекстовыми.

1. Внутритекстовые реляты:

а) реляты сходства – «отсылки» от одного момента музыкального сочинения к другому (мелодические, интонационные, ритмические повторы, фактурная и ритмическая эквивалентность);

б) реляты производности; они основаны на принципе условного сходства контрастов (мотивно-интонационные связи в различных частях одного произведения, объединение всех музыкальных тем в финале или коде произведения, лейттематизм и монотематизм);

в) реляты различия – использование в одном произведении двух контрастных родов интервальных систем.

2. Межтекстовые реляты:

а) реляты сходства – цитатная полистилистика второй половины XX века;

б) реляты производности – традиционное контрастирует по принципу условного сходства в новаторском использовании (прелюдии и фуги Д. Шостаковича и «ХТК» И.С. Баха);

в) реляты различия – сопоставление контрастных по темпу, тематизму, фактуре частей сонатно-симфонического цикла или цикла пьес одного жанра.

Сущность несюжетного характера данного блока семантики определяет логика развития конструктивной идеи, связанной с отдельным элементом или целостной формой. Поэтому музыка обладает собственной (жанрово-стилевой, композиционной, тональной, фактурной, ладовой, тембровой) выразительностью и «чистым» смыслом. Вполне закономерно, что ее элемент осмысливается в соответствующем контексте эпохи и творчества композитора.

В интрамузыкальной области могут быть сосредоточены и те источники музыкальной семантики, которые связаны с внемузыкальной действительностью, опосредованной музыкальными звуками (например, трубные сигналы в армии, бой часов, автомобильная сирена, настройка хора). Включение таких сигналов в музыкальную ткань способно стать источником значения связанных с ними субзнаков. Особую область «сигнальных» проявлений музыкальных звуков представляют собой колокольные звоны. Они могут быть знаком набата, похоронным звоном, но и колокольной музыкой, которая обладает собственной эстетической ценностью (например, в творчестве Бизе, Мусоргского, Римского-Корсакова, Рахманинова, Веберна).

Синестетические способности музыки коренятся в особенностях самого музыкального звука и связаны с его тембром, громкостью, напряженностью, высотой, темпом. Синестезия лежит и в основе проявлений ритма, прежде всего в уровне пульсации – спокойной или лихорадочной. Ощущение пространства дано в музыке опосредованно: как «место действия» или как характеристика звуковых представлений (например, II часть («Вальс») и IV часть («Шествие на казнь») из «Фантастической симфонии» Берлиоза). Особый пространственный эффект «эхо» используется в хоровой музыке XVI века (О. Лассо), в оперной музыке XVIII века (Г. Глюк), пространственный резонанс в симфонической музыке (в IV части («Буря») из симфонии № 6 Бетховена).

Музыкальная содержательность в разные исторические периоды выступает в виде различных комбинирований основных сторон. В исторической перспективе можно выявить три основных вида музыкальной образности. Так, для религиозных представлений, фольклора характерна смысловая интерпретация звучаний, воспроизводящих звуковой мир действительности, т.е. звукоподражание, звуковая изобразительность. Типичным является «музыкальное слышание» природных и бытовых звуков (шума леса, журчания ручья, завывания ветра, голоса животных, звуки трудовых процессов). С этим связано возникновение в сознании людей разного рода фантастических существ, богов, населяющих окружающий мир. «Омузыкаливание» предметного мира, окружающего человека, воспроизведение природных и бытовых звучаний – первый шаг формирования музыкального искусства.

Музыкальная образность синкретических художественных явлений, в рамках которых музыка интерпретировала слово, жест и танец, входила в магию, обряд, театральное действие. Такое содержание представляет собой сплав предметного, идейного и эмоционального компонентов. Примеры тому – античный музыкальный этос, средневековая молитва, традиционный фольклор. Формирование выразительных приемов и способов построения музыкального произведения в искусстве XVII–XVIII веков совершалось прежде всего в опере на основе взаимодействия слова, музыки и театрального действия, а структурные и формообразующие черты венской классической симфонии отразили театральную и драматическую сущность оперы [12]. Роль музыки в этих нерасчленимых художественных комплексах – быть организатором художественного или ритуального текста, ориентировать его на восприятие зрителя-слушателя.

Собственно музыкальная образность появляется с утверждением самостоятельности музыкального искусства, формированием инструментализма, а затем и классиче-

ской системы музыкального мышления. Это означает изменение природы музыкального смысла, его внутренних структурных характеристик, освобождение от спаянности с внемузыкальным предметным содержанием. Возникает возможность художественного запечатления эмоции как таковой. Решающую роль в музыке начинают играть знаками-импульсы, которые ничего не изображают и не обозначают. Механизм их воздействия состоит в возбуждении в человеке определенных эмоций, переживаний. Это подтверждается высказываниями ряда музыкантов, работавших на рубеже XVII–XVIII веков. Например, А. Веркмейстер (1645–1706) «подчеркивает известное превосходство музыки в сравнении с другими искусствами, заключающееся в том, что она может выражать то, чего мы не можем выразить словами». И. Кунау (1660–1722) утверждал, что «музыка заключает в себе самой свое чувственное содержание и не требует подражания» [13].

В конце XVI – XVII веках музыка достигла той степени развития, которая позволила ей «оторваться» от текста и других внешних по отношению к ней художественных элементов, входивших в синкретические формы искусства. Началом стало рождение гомофонной мелодии. Можно сказать, что до этого музыка была ритмоинтонацией, высказыванием, произношением; теперь она стала петь [14]. Появление гомофонной мелодии генетически связано с оперой, т.е. с тем жанром, в рамках которого утверждалось единство слова и музыки. Но через формирование гомофонии, тонального письма формируется кантиленная мелодика - феномен, стоящий над словом, выражающий его обобщенно, субъективно, лирично. Тот факт, что музыка оказалась способной говорить «сама по себе», и привел к возникновению инструментализма.

Процесс вхождения в музыку смыслов нового типа не был однозначным и прямолинейным. Значимость вербального (словесного) подтекста для музыки XVII – первой половины XVIII веков нельзя игнорировать. Так, в сознании музыкантов XVII–XVIII веков господствовала музыкальная риторика, проводившая прямые аналогии между ораторской и поэтической речью, с одной стороны, и музыкой, с другой стороны. Характерно, что теоретическое изложение этой концепции И. Бурмейстером (1606), А. Кирхером (1650), И. Вальтером (1708) и др. предшествовало практике и считалось обязательным для ее усвоения и использования композиторами.

Разработанные в рамках этой дисциплины риторические фигуры призваны были иллюстрировать понятия, обозначенные в названиях этих фигур, соответствующие им интонации речи. Даже в музыке И.С. Баха, в творчестве которого был достигнут высокий уровень музыкального выражения и развития, весомую роль сохраняют риторические фигуры, за которыми стоит обобщенное художественное содержание, типизированный аффект, а порой и символически выраженная идея.

Теория музыкальной риторики развивалась в двух направлениях. Так, общее построение произведения должно было соответствовать форме ораторской речи. Из этого раздела теории впоследствии вырастают представления о музыкальных формах (периоде), трехфазности (трехчастности) в подаче материала. Отсюда заимствована триада функций музыкальной формы Б. Асафьева *i:m:t – impuls-motus-terminus* (толчок, развитие, завершение).

Взаимоотношения конкретных черт мелодики, ритма, фактуры со словом проявлялись в конкретных интонационных фигурах («теория риторических фигур»). Использование риторических фигур (*suspuration, passus duriusculus, saltus duriusculus, saltus duriusculus, tirata*) вышло далеко за пределы эпохи Барокко, проявляясь вплоть до сегодняшнего дня. Количество риторических фигур исчислялось десятками, и они были весьма распространены в указанные полтора века. Однако уже ко второй половине XVIII века И. Маттезон, отвергая необходимость осознанного использования музыкально-риторических приемов, отмечал стремление композитора достичь нужного эмоционального наполнения музыки.

К концу XVIII века происходит постепенное перерождение музыкальной риторики в теорию аффектов. Теория аффектов типизировала и даже кодифицировала душевные переживания. Теоретики не только обозначают раскрываемые музыкой аффекты, но и дают нормативные рекомендации по использованию тех или иных музыкальных средств для их раскрытия в музыке. В каждом произведении или его части усматривалось выражение отдельного аффекта; аффекты классифицировались, создавались «словари» аффектов.

А. Кирхер (*Musurgia universalis*, 1650), И.Г. Вальтер (*Musikalisches Lexikon*, 1732) перечисляют по восемь аффектов, Ф.В. Марпург доводит их число до 27. Н. Дилецкий в «Музыкальной грамматике» определил три рода музыки: веселую, жалостную и смешанную. В итальянской опере сложилась аффектная типология арий: героическая, гневная, ламентная, бравурная, буфонная и др. С аффектами были связаны определенные элементы музыкального языка: ладотональность, интервалика, тактовый размер, длительности, темп, музыкально-риторические фигуры.

Идея теории аффектов восходит еще к Дж. Царлино, а начало такого подхода к нормам выражения в музыке практически совпадает с теорией музыкальной риторики. Однако в отличие от музыкальной риторики теория аффектов предполагала создание целостной картины того чувства, той страсти, того аффекта, который должен характеризовать данную ситуацию. Если риторика в значительной степени строилась на эстетике подражания, то теория аффектов опирается на способность музыки к выражению.

Первооткрывателем стал композитор К. Монтеверди с его теорией и практикой «взволнованного стиля» (*«stile concitato»*) в сочетании с одноаффектностью. Аффекты барокко – «печаль», «любовь», «страдание», «отвага», «радость» (по Кирхеру) – достигли своего апогея в творчестве И.С. Баха [15].

Наряду с эмоциональной стороной содержания музыка отличается образительностью и символикой. Образительная сторона содержания музыки барокко – это продолжение интереса эпохи Ренессанса к природе и окружающему земному миру (например, А. Вивальди – программный цикл скрипичных концертов «Времена года», Ж. Рамо – «Перекликание птиц», «Курица»). Французский клавесинист Ф. Куперен возвел программные названия пьес в систему. Появление оперы воплощает зримость событий. В музыке И.С. Баха – реализация идеологии протестантизма. Барочным жанром, наполненным образительностью с применением музыкально-риторических фигур, была оратория (Г. Гендель). Некоторые «бестекстовые» инструментальные произведения через их образительные моменты прочитываются как некие музыкальные картины (например, эмблематика «ХТК» Баха соотносится со строками из Евангелия).

О высочайшей развитости символики как стороны музыкального содержания свидетельствует творчество крупнейших композиторов барокко: К. Монтеверди, Г. Генделя, в особенности И.С. Баха. Проявляется она в разных аспектах: в символике слова, в системе музыкально-риторических фигур. Символика чисел для барокко была данью долгой традиции, определявшейся установками церкви, и была важна для музыки религиозного направления. Несомненными символами для музыки И.С. Баха были числа 3 (Божественная Троица), 7 (количество дней сотворения мира), 12 (число апостолов), 33 (возраст распятого Христа). Символичны также числа 14 и 41, как сумма чисел по немецкому алфавиту имени Bach и J.S. Bach.

Музыка, понимаемая с середины XVIII века как искусство, выражающее чувство, становится внутренне замкнутым автономным искусством, подчиняющимся собственно музыкальной логике, которая опирается на формообразующую гармонию и мотивно-тематическую работу. К эпохе венского классицизма сформировался не только специфический музыкальный тематизм, но и специфические типы музыкальной композиции. В это время происходит становление симфонизма как типа музыкальной драматургии.

Если эпоха барокко отличается поднявшимся уровнем эмоционального звучания и многостороннего символического смысла вокруг него, то в музыке классической эпохи (венские классики Гайдн, Моцарт, Бетховен) эмоция становится всеобъемлющей, а изобразительность и символика отходят на второй план. Наступает период становления «абсолютной музыки», то есть музыки в ее оптимальном выражении. Но даже здесь музыка в целом не игнорирует двух дополняющих сторон – изобразительной и символической.

Музыкальная парадигма искусства романтизма выделяется наибольшим за весь период Нового времени возвышением эмоционального содержания музыки в сочетании с новым подъемом музыкальной изобразительности (во второй половине XIX столетия), но второстепенной ролью символики. Романтическое искусство противопоставило тяготевавшим к объективности музыкальным образам классицизма индивидуализацию смыслов, их лирико-поэтическую конкретность. Своеобразным противовесом «чистой музыки» была программность, словесно или пластически конкретизирующая достигшую высокой степени музыкальную выразительность. Содержание музыкальных эмоций в XIX веке обнаружило два ведущих направления: любовь и смерть. Недаром тогда были созданы два произведения, ставшие символически-ритуальными для будущих времен: «Свадебный марш» Ф. Мендельсона-Бартольди и «Похоронный марш» Ф. Шопена.

Ко второй половине XIX века теория аффектов уже рассматривалась как анахронизм, особенно в ее жестком, «словарном» варианте. Но ее следы тянутся через столетие к попыткам создания «словарей музыкального выражения». Важным видом символики XIX века стали оперные лейттема и лейтмотив, исторически пришедшие на смену музыкально-риторическим фигурам – в качестве определенного музыкального оборота с закрепленным смысловым значением (оперы Р. Вагнера, Н. Римского-Корсакова). Музыкально-риторические фигуры же остались лишь как рудимент в виде индивидуальных случаев – у Шопена, Шумана, Глинки.

В XIX веке книга Э. Ганслика «О музыкально-прекрасном» (1854 г.) дала старт полемике вокруг содержательной стороны музыки. Автор, убежденный сторонник инструментальной непрограммной музыки, горячий поклонник Й. Брамса, отстаивает мысль, что «красота музыкального произведения есть нечто чисто музыкальное, то есть заключается в сочетаниях звуков без отношения к какой-нибудь чуждой немусыкальной сфере мыслей». Такое полное отрицание всех словесных указаний, заголовков, ремарок, комментариев, особенно если они принадлежат самому композитору, – преувеличение, неоправданное во всех случаях. Есть сочинения, восприятие которых требует знаний и учета немусыкальных фактов и указаний (например, «Карнавал» Р. Шумана).

К началу XX века становится ясным, что музыка не сводится к чисто звуковым, акустическим явлениям, но, как и каждый вид художественного творчества, транслирует некий духовный смысл, который и является ее содержанием. Однако это содержание без ощутимых потерь непереводимо ни в какую иную языковую систему. Музыкальное искусство нового столетия характеризуется уже не индивидуализацией общего, а рождением индивидуальных смыслов в конкретном музыкальном произведении. Эмоциональная сторона достигла крайностей выражения, утратив полноту многообразия, предметная изобразительность пошла на убыль, зато символическая сторона достигла такой всеохватности, какой еще не было за всю историю музыкальной культуры. Художественно-эмоциональная абстракция достигает в искусстве XX века нового уровня. В эмоциональной области уходит слово «чувство», ставится под сомнение даже «эмоция», остается в основном «характер». Рушится эмоционалистская концепция музыки. Наступает резкая реакция против любовной лирики, как изжившей себя в романтизме.

Порождаются музыкальные смыслы, не имеющие непосредственных жизненных прототипов и аналогов, не поддающиеся типологизации и вербальному обозначению. Академическая музыка несет крупные потери в выражении простых человеческих

чувств. Образовавшийся вакуум заполняют бурно развившиеся субкультуры: джаз культивирует наслаждение, рок – взвинченное жизнеутверждение, авторская песня – лирическую задушевность и т.д. В самых радикальных направлениях XX века идет устремление в две крайности: к эмоциональной гипертрофии и к аэмоционализму. Первое характерно для музыкального экспрессионизма (Шёнберг, Берг), но также и для музыки Шостаковича, Шнитке, Пендерецкого, Тищенко; второе – для модернизма (Хиндемит, Стравинский) и особенно для послевоенного авангардизма (Булез, Ноно, Штокхаузен). Между этими полюсами – множество разнообразных промежуточных случаев.

На уровне средств художественной выразительности это проявляется в формировании новой системы языка. Тенденция культивирования утонченной чувственности обозначилась в музыке Дебюсси и последовательно развивалась на протяжении XX века (сонористика). Заявила о себе линия музыкального конструктивизма, у истоков которого стояли А. Шёнберг и А. Веберн. Новые принципы организации звуковой ткани, музыкального времени и пространства знаменовали смещение акцентов с эмоционального содержания на самоценность музыкальной организации, что корнями уходит в ряд поздних произведений И.С. Баха, поражающих слушателя не столько силой эмоционального воздействия, сколько тонкой интеллектуальной работой.

Заключение

Интенсивные обменные процессы между культурно-историческими эпохами дают возможность обогащать содержание, углублять и расширять символику художественного языка. С одной стороны, человек стремится прочесть эти смысловые знаки, понять их, приспособить к своим нуждам (о чём свидетельствует актуальность на современном этапе таких наук, как семиотика и герменевтика). С другой стороны, понимая невыполнимость этой задачи, невозможность свести отношения с миром (художественной культурой) к рациональной формуле, он не стремится полностью разгадать эту тайну, оставляя место для интуитивного познания голоса самого бытия.

В связи с этим для понимания природы музыкального содержания, а также для объяснения его трансформации в историко-стилевом контексте и в процессе художественной коммуникации важно помнить, что музыка живет и функционирует только в индивидуальном опыте человека. Для постижения смысла музыкального произведения важны отношения между знаками (музыкальными произведениями) и композиторами. Поэтому центральными вопросами являются следующие: а) каково место композитора в созданном им произведении; б) каким предстает в этом произведении «мир»; в) каким образом представлены отношения между авторским «я» и «миром».

Музыкальное содержание претерпевает известные изменения в процессе своего движения от композитора к исполнителю, от исполнителя к слушателю. Музыка не только живет в индивидуальном сознании человека, но пропитывается содержанием и смыслами той культуры, часть и неразрывную сторону которой она собой представляет. Оставаясь знаком данной культуры, музыкальный текст принимает для людей нового времени и иной культуры такой смысл, который определяется своеобразием их миропонимания, особенностями их художественного и эстетического сознания. Таким образом, в процессе становления и развития музыкального искусства не только менялось содержание данных конкретных смыслов, но и происходили постоянные изменения природы, типологии музыкального смысла – менялось содержание понятия «музыка».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Михайлов, Д. О возможности и необходимости универсальной терминологии в музыке / Д. Михайлов // Вопросы философии. – 1999. – № 9. – С. 109–120.

2. Бычков, Ю.Н. О природе и типологии музыкального содержания / Ю.Н. Бычков // Музыкальная конструкция и смысл: сб. трудов. – Вып. 151. – М. : РАМ им. Гнесиных, 1999. – С. 8–21.
3. Холопова, В.Н. Музыка как вид искусства: учеб. пособие / В.Н. Холопова. – СПб., 2000. – 320 с.
4. Каратыгин, В. О музыкальной критике / В. Каратыгин // Критика музыковедения: сб. статей. – Л. : Музгиз, 1975. – С. 270–271.
5. Конюс, Г.Э. Научное обоснование музыкального синтаксиса / Г.Э. Конюс. – М. : ОГИЗ, 1935. – 31 с.
6. Адорно, Т. Избранное: социология музыки / Т. Адорно. – М. : Университетская книга, 1998. – 445 с.
7. Бонфельд, М.Ш. Введение в музыковедение: учеб. пособие для вузов / М.Н. Бонфельд. – М. : Владос, 2001. – 224 с.
8. Холопова, В.Н. Икон. Индекс. Символ / В.Н. Холопова // Музыкальная академия. – 1997. – № 4.
9. Якобсон, Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии / Р. Якобсон // Семиотика : антология. – Екатеринбург, 2001.
10. Чередниченко, Т.В. Тенденции современной западной музыкальной эстетики: к анализу методологических парадоксов науки о музыке / Т.В. Чередниченко. – М. : Музыка, 1989. – 221 с.
11. Кудряшов, А.Ю. Теория музыкального содержания. Художественные идеи европейской музыки XVII–XX вв. : учеб. пособие / А.Ю. Кудряшов. – СПб. : Лань, 2006. – 432 с.
12. Конен, В. Театр и симфония / В. Конен. – М. : Музыка, 1983. – 278 с.
13. Маркус, С. История музыкальной эстетики : в 2 т. / С. Маркус. – М. : Музгиз, 1959. – Т. 1. – С. 44.
14. Асафьев, Б.В. Музыкальная форма как процесс / Б.В. Асафьев. – Л. : Музыка. Ленинград. отд., 1971. – 376 с.
15. Захарова, О.И. Риторика и западноевропейская музыка XVII – первой половины XVIII века: принципы, приемы / О.И. Захарова. – М. : Музыка, 1983. – С. 4–21.

Baranovskaya T.G. Substantial Aspect of Music and its Transformation in the Historical-style Context

The article analyzes the problem of transformation of the substantial-sign nature of European musical art of XVII–XX centuries in the historical-style context. The understanding of the nature of musical maintenance assumes the inclusion to the process of cultural and art communications listener's individual experience, a piece of music and the composer. In the course of formation and development of musical art its substantial aspect evolves, there are constant changes of the nature, typology of musical sense.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 20.02.2012

УДК 13

О.А. Левко

ПОСТРОЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ СУБЪЕКТА СО СВОИМ ВРЕМЕНЕМ

В статье на основе анализа современной научной литературы раскрывается сущность проблемы построения идентичности субъекта со своим временем в условиях виртуализации мира. Процесс построения временной идентичности рассматривается в контексте построения субъектности личности как базового свойства, позволяющего человеку занимать авторскую позицию по отношению к самому себе и внешним обстоятельствам. Дается определение понятий «идентичность», «виртуальная реальность», «субъект своего времени», «социальное время», «смысл жизни». Описаны основные этапы формирования идентичности субъекта со своим временем. Идея идентичности рассматривается с учетом личностных смыслов, поскольку вопрос о смысле жизни детерминирован самой проблематикой идентичности. По мнению автора, решение обозначенной проблемы находится в сфере интересов и возможностей сферы образования, поскольку последняя непосредственно связана с процессом формирования личности и должна учитывать различные факторы, включая фактор социального времени.

Введение

Проблема построения идентичности субъекта со своим временем не является новой, однако особый интерес представляет ее рассмотрение в условиях виртуализации мира. Виртуальная реальность оказывает влияние на внутренний мир и образ действий огромного количества людей, и, кроме того, она через человека воздействует на окружающую действительность и становится важным звеном социальной жизни. Актуальность изучения проблемы идентичности субъекта со своим временем обусловлена тем, что время является важнейшим условием структурирования и развертывания деятельности человека, а также фактором, с которым человек постоянно вынужден считаться. «От того, как человек воспринимает и осмысливает время, как к нему относится, как осознает соотнесенность с временными параметрами своего бытия, зависит эффективность, направленность и характер его деятельности» [1, с. 29].

Целью статьи является актуализация проблемы построения идентичности субъекта со своим временем в условиях виртуализации мира. Для этого следует проанализировать понятия «идентичность», «субъект своего времени», «виртуальная реальность», «социальное время», «смысл жизни», а также рассмотреть особенности влияния виртуальной реальности на процесс построения идентичности субъекта со своим временем.

Феномен виртуальной реальности характеризуется психологической идентичностью с реальным миром и по качеству восприятия, ощущений и эмоций не отличается от объективной реальности [2, с. 50]. С одной стороны, виртуальная реальность, по мнению А. А. Лазаревича, открывает новые возможности социальной коммуникации: в искусственном мире можно запросто смоделировать общение с различными людьми, игры, походы в музеи, театры и многое другое, в чем человек может участвовать непосредственно [3, с. 222–334]. Речь идет не просто о погружении в виртуальный мир, но и о возможности принимать участие в действиях как активный персонаж. С другой стороны, данный феномен имеет и свои негативные стороны. Так, участие в ролевых играх способствует процессу, который можно назвать виртуализацией личности.

Научный руководитель – Т.Н. Буйко, доктор философских наук, доцент Белорусского государственного университета физической культуры

Виртуализация как информационно-технологический процесс является замещением реальности, ее симуляцией. Феномен виртуализации современного мира приводит к удвоению реальности, где наряду с объектом конструируется его образ [2, с. 53]. В процессе ролевой игры, человек зачастую берет на себя различные, совершенно отличные от реальности роли, выстраивая соответствующие этим ролям стратегии поведения. Различие между реальностью и виртуальностью стирается. А это, в свою очередь, ведет к переносу в реальную жизнь и реальное социальное взаимодействие принципов, почерпнутых из ролевой игры. В результате симулированные миры, создаваемые компьютерными играми и Интернетом, все больше сдвигают развитие и социальный опыт человека в сферу именно виртуальности. К тому же культурная информация, полученная из Интернета, является одинаковой для всех. Таким образом, человек с детства не становится носителем национальных, культурных особенностей, а принимает ценности глобальной культуры. Это, со своей стороны, ведет к нивелированию культурных, национальных различий, интернационализации общественной жизни. Все вышеперечисленное становится источником перемен в индустриальном укладе жизни, в свою очередь вызывая новые стереотипы поведения и новую систему ценностей [3, с. 222–334].

Ценность является основной характеристикой любой культуры и указывает на значимость в ней тех или иных явлений и фактов. Она определяет форму отношения субъекта (отдельной личности или социальной общности) к своему бытию, реальным условиям жизнедеятельности через выражение определенных смыслов и значений его поведения и деятельности. Ценность существует только в определенной социокультурной среде. Каждому времени, социальной эпохе, социальной общности, к которой принадлежит индивид, соответствует своя система ценностей, которая изменяемая по мере изменения самих условий жизни [4, с. 110–111]. Социальное время течет в направлении кардинальной смены социальных ценностей. «Время социальное, – по мнению А.И. Левко, – определенная последовательность состояний различных социальных событий, социальных групп, социальных значений и смыслов культуры общества в целом в их сравнении друг с другом, относительно тех или иных перемен, способов социализации или иных точек отсчета. Отражает направление развития того или иного общества, цивилизации или социальной группы» [5, с. 29]. В социальном времени воплощено неразрывное единство индивидуального человеческого бытия и коллективных форм его существования. Оно отражает взаимообусловленность индивидуального бытия людей и бытия индивидуальных социальных структур, таких как общество, государство и т.д.

В своих творческих исканиях личность может значительно опережать свое время или, наоборот, отставать от него. Все зависит от того, в какой мере она руководствуется в своей деятельности уже существующими социальными знаниями и новыми знаниями, добываемыми самостоятельно, в какой мере она выделяет себя, свое «Я» из социальной общности, отождествляет себя с этой общностью или противопоставляет себя ей.

Построение идентичности субъекта со своим временем в условиях виртуализации мира

Люди по-разному реагируют на изменения в общественной жизни и по-разному идентифицируют себя с этими изменениями. В результате на одном пространстве живут индивиды, идентифицирующие себя с разными временными промежутками, при этом образы одного и того же времени у них могут быть весьма различны. Все это заставляет практически каждого задуматься над вопросами: «В какое время мы живем?» и «К какому времени мы принадлежим?». Ответы на эти вопросы предполагают необходимость определения своего времени и построения идентичности со своим временем.

В контексте рассматриваемой темы представляет интерес работа российского ученого Л.Б. Шнейдер, в которой идентичность определяется как «принадлежность лич-

ности к той или иной системе объектов при сохранении представлений о целостности и уникальности собственного Я» [6, с. 25]. По мнению Л.Б. Шнейдер, важными в развитии идентичности являются следующие аспекты:

1. Утрата идентичности, которая «вымывает» человека из контактов и социальной жизни. Компьютерные игры и путешествия во всемирной паутине происходят в социальном одиночестве, а социальная коммуникация смещается в сторону электронных посланий и общения в чатах без непосредственного контакта между участниками процесса коммуникации. Данное явление может сопровождаться ощущением «выпадения» из времени, «несовпадения» со временем, ведет к потере смысла жизни, т.е. это становится экзистенциальной проблемой. По-видимому, чувство идентичности и экзистенции взаимосвязаны.

2. Манеры поведения, одежда, обозначение себя, принятые в окружающем социуме, также являются факторами, определяющими идентичность; т.е. имеет значение набор слагаемых, среди которых можно выделить определенные аспекты религии, языка, различия в одежде, образе жизни и питании, в разделении труда между полами.

3. Применение идей на практике является кульминацией в становлении идентичности. На поведенческом уровне идентичность выражается в принятии ответственности за себя и свою жизнь, выстраивании отношений с другими людьми [6, с. 22–23].

Но в Интернете невозможно совершить реальный поступок, а если жизнь превращается в слова (пусть даже умные и добрые), она теряет не только свое наполнение, но и одну из самых важных потребностей человека – потребность в действии. А любое действие предполагает ответственность. Однако Интернет, предоставляя дополнительные возможности для человека оставаться инкогнито, способствует более свободному поведению, тем самым снижая ответственность за свои слова и действия. В этой ситуации жизнь человека перестает быть во власти его собственного «я», определяется течением обстоятельств, не зависит от его воли и целеустремленной активности. Она теряет всякий смысл. Из плоскости свободы и ответственности она переводится в плоскость фатальной необходимости, безысходности и, соответственно, абсолютной безответственности [4, с. 22].

Исследуя проблему построения идентичности со временем, Е.В. Улыбина рассматривает процесс построения временной идентичности в контексте построения субъектности личности как базового свойства, позволяющего человеку занимать авторскую позицию по отношению к самому себе и внешним обстоятельствам. Ученый выделяет несколько этапов построения идентичности со временем.

На первом этапе принадлежность к какому-либо промежутку времени не рефлексировается, и тогда проблема идентичности решается извне. Здесь культура предлагает готовый набор элементов одежды, вкусов, ценностей, способов работы, отдыха, личной жизни. В этом случае человек принимает те способы существования, которые предлагаются культурой, принимает их как данность. На данном уровне решение проблемы выживания является приоритетным.

На втором уровне уже появляется рефлексия, предполагающая самонаблюдение, саморазмышление, анализ собственных действий, мыслей, эмоций. В данном случае «культурный набор» принимается как хороший и правильный, самый актуальный. Для создания правильной идентичности прилагаются усилия, есть страх отстать от времени, не успеть. Предметом рефлексии не становятся границы своего времени, протяженность актуального времени промежутка сокращается до пределов одного дня, одного сезона. Любая смена культурного набора воспринимается как абсолютная.

Следующий уровень предполагает реализацию субъектной позиции человека по отношению ко времени, что подразумевает возможность оценки промежутка времени как соответствующего или не соответствующего собственным ценностям и поиска той временной координаты, которая кажется более комфортной. В результате может появ-

виться ощущение несовпадения себя и времени. Но свое время, по мнению Е.В. Улыбиной, человек скорее ищет, а не создает. Активность же проявляется в поиске и выборе [7, с. 452–453]. Однако на данном этапе собственно активного отбора и формирования своего времени еще не происходит.

Вместе с тем необходимо учитывать, что граница идентичности в данном случае определяются двумя координатами: возрастом и астрономическим временем. В первом случае человек будет оценивать себя прежде всего как представителя «своего поколения». При этом образ поколения может формироваться относительно определенной возрастной страты – «мы молодежь», «мы родители». Во втором случае точкой отсчета будет выступать определенный момент прожитой истории, выбранный в качестве «эталонного», ценности которого рассматриваются как «свои». При идентификации по признаку «мое поколение» несовпадение с актуальным историческим временем будет следствием уже сложившейся «поколенческой» идентичности. И слишком выраженная идентичность с определенным промежутком истории может стать такой же маской, штампом, препятствующим реализации субъектности. Как правило, образ «своего поколения» формируется при разной доле реальных собственных впечатлений и тех штампов, которые получены извне: из средств массовой информации, из книг и фильмов. Далеко не всегда то, что становится знаковым элементом образа определенного поколения, в действительности было частью личной истории «представителей поколения». Однако разделить то, что выбрано самим, и то, что воспринято как внешний штамп, достаточно сложно [7, с. 473].

При определении границ временных промежутков, которые воспринимаются как свое время, многое зависит от возрастных и социальных характеристик и от особенностей личности, в том числе от уровня субъектной позиции личности.

Чтобы быть личностью, человеку недостаточно просто жить в предложенных обстоятельствах, отвечать требованиям среды. Возможность быть субъектом для человека означает возможность утверждения себя в мире посредством деятельности, благодаря которой человек производит себя, свое собственное бытие в мире. Быть субъектом своего времени значит не только признавать ценности и нормы современного общества, руководствуясь принципом «здесь и сейчас», но и определять исходя из них свои жизненные перспективы, включая свое личностное и профессиональное самоопределение. В своих творческих исканиях личность может значительно опережать свое время или, наоборот, отставать от него. Все зависит от того, в какой мере она руководствуется в своей деятельности уже существующими социальными знаниями и новыми знаниями, добываемыми самостоятельно, в какой мере она выделяет себя, свое «Я» из социальной общности, отождествляет себя с этой общностью или противопоставляет себя ей. Как субъект своего времени личность одновременно предстает как выражение социальной необходимости и индивидуальной свободы.

Быть современником или субъектом своего времени – значит не только обладать развитым логическим мышлением, способным анализировать прошлое и настоящее и прогнозировать будущее. Это в данном случае далеко не главное. Главное же – это умение реагировать на вызовы времени, определяемые достигнутым уровнем духовности общества, духовности своего народа, т.е. знать это общество не только извне, но и изнутри. «Дух, – отмечал К.Г. Юнг, – существует во времени. Главным его симптомом является бессознательное тождество субъекта и объекта» [8, с. 48]. Тождество это выражается в том, что личность как индивидуальная форма существующих общественных отношений и социального времени бессознательно идентифицирует себя со своей социальной группой, т.е. воспринимает себя как представитель соответствующей национальности, житель той или иной страны или поселения, представитель определенного пола и возраста.

Однако идею идентичности следует рассматривать с учетом личностных смыслов, поскольку вопрос о смысле жизни детерминирован самой проблематикой идентичности. Смысл – это содержание человеческого бытия (в том числе внутреннего), взятое в особой роли – быть посредником в отношениях человека с миром и самим собой. Именно смысл открывает, что мы ищем и что находим в мире и в самих себе. То, что не имеет для человека значения, не имеет и смысла. Смысл соотносит любое явление, любой предмет с человеком: если нечто лишено смысла, оно перестает существовать для человека.

В. Франкл стремление к поиску и реализации человеком смысла своей жизни рассматривал как врожденную мотивированную тенденцию, присущую всем людям и являющуюся основным двигателем поведения и развития личности: «Человек стремится обрести смысл и ощущает фрустрацию или вакуум, если это стремление остается нереализованным» [9, с. 11]. Поэтому нахождение смысла, по В. Франклу, – это вопрос не познания, а призвания, т.е. некой врожденной способности. В действительности же смысл – характеристика не отдельного индивида, а соответствующей культуры. Понятие же культуры раскрывает сущность человеческого бытия как реализации творчества и свободы. Свобода выступает здесь как неотъемлемая потенция человека и как осознание социальной реализации свободы. Эта свобода самореализации, или творчества, человека не предстает лишь как познанная им необходимость, своеобразная объективная проекция его развития, а предстает как своеобразный итог ценностно-нормативного выбора в рамках не природной, а искусственно созданной реальности. Отношение человека к этой реальности определяется личностными смыслами. Смысл же, как и общественные ценности, изменяется во времени.

Заключение

Актуальность проблемы построения идентичности субъекта со своим временем в условиях виртуализации мира не вызывает сомнений. Вопрос сохранения различий между виртуальными и реальными мирами далеко не праздный. От решения данного вопроса будет зависеть, сохранит ли человек интерес к жизни, творчеству, развитию. Таким образом, можно прийти к выводу о том, что для построения идентичности со своим временем, личность по меньшей мере должна осознавать себя субъектом своего времени. Это предполагает не только принятие определенных ценностей, норм и смыслов как необходимого условия формирования этой субъективности, но и определение исходя из них своих жизненных перспектив, включая свое личностное и профессиональное самоопределение.

Любой социум развивается в конкретно-исторических условиях, формируя собственную неповторимую социокультурную матрицу. Человек может «опережать время» (жить смыслами будущего), может «запаздывать во времени» (жить смыслами прошлого), однако в целом личностное время сопряжено с общественно-историческим временем. Кто-то в состоянии адекватно реагировать на изменения, происходящие в обществе, и даже опережать свое время, а кто-то такой способностью не обладает. Все вышесказанное имеет самое непосредственное отношение и к сфере образования, которая, находясь в постоянной динамике, чутко реагирует на изменения во внешней среде, с одной стороны, адаптируясь к ее меняющимся потребностям, с другой – активно влияя на состояние среды, предопределяя и сами эти потребности [10, с. 18]. Таким образом, проблема построения идентичности субъекта со своим временем в условиях виртуализации мира становится особенно актуальной, и решать ее следует, в том числе, и средствами образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Осипов, А.И. Пространство и время как категории и регуляторы практической деятельности / А.И. Осипов. – Минск : Наука и техника, 1989. – С. 29.
2. Старжинский, В.П. Пространство и время в социокультурной реальности : пособие для аспирантов, магистрантов и соискателей ученой степени канд. наук всех специальностей / В.П. Старжинский. – Минск : БНТУ, 2011. – С. 50–53.
3. Грядущее информационное общество / А.А. Лазаревич [и др.]. – Минск : Белорус. наука, 2006. – С. 222–334.
4. Левко, А.И. Социальная педагогика: учеб. пособие / А.И. Левко. – Минск : УП «ИВЦ Минфина», 2003. – С. 22, 110–111.
5. Левко, А.И. Время социальное // Словарь социального педагога и социального работника / А.И. Левко; под ред. И.И. Калачевой, Я.Л. Коломинского и А.И. Левко. – Минск : Беларус. энцыклапедыя. – 2001. – С. 29.
6. Шнейдер, Л.Б. Профессиональная идентичность: структура, генезис и условия становления : автореф. дис. ... канд. психолог. наук: 19.00.13 / Л.Б. Шнейдер ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2001. – С. 22–23, 25.
7. Улыбина, Е.В. Проблема формирования субъекта через преодоление идентичности со своим временем / Е.В. Улыбина // Субъект во времени социального бытия: историческое выполнение пространственно-временного континуума социальной эволюции / А.С. Ахизер [и др.]; отв. ред. Э.В. Сайко; Ин-т всеобщей истории РАН. – М. : Наука, 2006. – С. 452–453, 473.
8. Юнг, К.Г. Парацельс как врач / К.Г. Юнг // Собрание сочинений : в 19 т. – М. : Ренессанс, 1992. – Т. 15. – С. 48.
9. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М. : Прогресс, 1990. – С. 11.
10. Гершунский, Б.С. Философия образования для XXI века (в поисках практико-ориентированных образовательных концепций) / Б.С. Гершунский. – М. : Изд-во «Совершенство», 1998. – С. 18.

Levko O.A. Construction of Subject Identity with His/Her Time

On the basis of current scientific literature the analysis of the essence of the problem of constructing the identity of the subject with his time in the world of virtualization is revealed in this article. The process of constructing of a temporary identity is considered in the context of the construction personality subjectivity as a basic property that enables a person to occupy the author's attitude towards oneself and external circumstances. The definition of the concepts of «identity», «virtual reality», «subject of his time», «social time», «meaning of life» are given. The main stages in the formation of the subject identity with his time are described. The idea of identity is considered taking into account the personal meanings, as the meaning of life is determined by the problem of identity itself. The author thinks that the stated problem is directly related to the sphere of education, since the last one is connected with the process of identity formation, and should take into account various factors, including the factor of social time.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.02.2012

УДК 130.2 + 141.

И.М. Макаренко

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В КУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Статья посвящена исследованию влияния установок постмодернистской культуры на феномен личности. Среди результатов воздействия парадигмы постмодерна на личность рассматриваются невозможность личностной идентификации ввиду отсутствия гносеологически легитимных универсалий культуры, деформация спектра эмоциональной палитры внутриличностного пространства, нарушение ортобиоза процесса социальной интеграции личности в ходе инкультурации.

Введение

Человек – единственное живое существо, находящееся на стыке природно-биологического и духовно-идеального миров, представляет собой находящуюся в перманентном становлении систему, открытую к различным трансформациям. Не обладая, в отличие от животных, врожденным жестко-консервативным комплексом инстинктов и рефлексов, необходимых для функционирования в окружающем мире, индивид зависим от социальной среды и циркулирующей в ней культурной информации. Поэтому глобальные постмодернистские трансформации культурных парадигм неизбежно оказали влияние и на феномен человеческой личности. Последний, традиционно являясь приоритетной ценностью западного цивилизационного пространства, выполняет в европейской культуре роль своеобразного камертона, указывающего на степень отклонения культуры в сторону от магистрального азимута гуманизма, намеченного еще лозунгом античности: «Человек – мера всех вещей». Именно феномен человеческой личности играет кардинальную роль в обнаружении и преодолении методологических преткновений постмодернистского философствования и становлении культуры на путь постпостмодернистского обновления. Данная статья посвящена исследованию влияния постмодернистской парадигмы на являющийся стратегическим в ходе инкультурации процесс личностной идентификации.

Проблема влияния постмодернистской культуры на личность исследовалась как авторами – классиками философии постмодернизма (Ф. Джеймисон, Ю. Кристева), так и ее аналитиками (А. Генис, И.П. Ильин, М.А. Можейко, Ф. Шеффер). Например, Ф. Джеймисон сосредоточивает внимание на изменениях, произошедших в культуре постмодерна и касающихся эволюции эмоциональных аспектов внутриличностного пространства [1]. Ю. Кристева отмечает утрату субъектом постмодернистской культуры понимания сущности собственной идентичности [2]. А. Генис рассматривает процессы, касающиеся самовосприятия личности, в контексте культурного процесса, движущегося в направлении реактуализации архаически синкретичного восприятия мира и человека [3]. М.А. Можейко указывает на социальные аспекты, связанные с девиациями личностной идентификации в постмодернистской культуре [4]. Ф. Шеффер отмечает необходимость наличия универсалий для осуществления личностью надлежащим образом процесса собственной идентификации и констатирует их тотальное отсутствие в культурном пространстве постмодерна [5]. И.П. Ильин же отмечает виртуа-

Научный руководитель – М.А. Можейко, доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе Белорусского государственного университета культуры и искусств

лизацию понятия «личность» вследствие деонтологизации языка и, следственно, всех понятий, закрепленных в вербальных средах [6].

Цель статьи – выявить результаты воздействия культурных парадигм постмодерна на процесс личностного становления человека и обосновать необходимость культурных программ пост-постмодерна.

Задачи: а) раскрыть характерные особенности постмодернистской культуры, препятствующие протеканию процесса личностной идентификации; б) показать влияние парадигмы постмодерна на внутрилличностное пространство; в) выявить преграды, возникающие перед личностью на пути социальной интеграции, и наметить пути их преодоления.

Парадигма постмодерна в современной культуре

Глубинные методологические трансформации, принесенные в сферу ментальности постмодернизмом, оказали сильнейшее воздействие на культурное сообщество как в рамках европейской культуры, так и в мировом масштабе. XX век открыл перед цивилизацией беспрецедентные возможности в сфере коммуникационных технологий, что радикальным образом отразилось на всеобщем культурном процессе. Как справедливо замечает Ф. Шеффер, если в «глубокой древности культурные веяния распространялись так неспешно, что, пока достигали других территорий, менялись в месте своего зарождения», то современная скорость культурной диффузии столь высока, что становится «весьма вероятным возникновение монолитной культуры, распространяющейся с большой скоростью и влияющей на огромные области» [7, с. 14]. «Благодаря современной технике коммуникаций, – отмечает Г. Кюнг, – взаимосвязи становятся все теснее» [8, с. 70].

Образование единого глобального коммуникационного пространства позволило постмодернистским идеям за достаточно непродолжительное время распространиться на обширные культурные территории и переместиться из области теоретического конструирования в чувственно-подсознательные сферы, управляющие поведением и деятельностью широких общественных кругов. Как отмечает И.П. Ильин, в отличие от постструктурализма, в известной степени ограничивающегося «относительно узкой сферой философско-литературных интересов», постмодернизм притязает «как на выражение общей теории современного искусства вообще, так и особой «постмодернистской чувствительности» – специфического постмодернистского менталитета» [9, с. 202]. И.П. Ильин подчеркивает, что постмодернизм затрагивает вопросы «не столько мировоззрения, сколько мироощущения, т.е. ту область, где на первый план выходит не рациональная, логически оформленная философская рефлексия, а глубоко эмоциональная, внутренне прочувствованная реакция современного человека на окружающий его мир» [9, с. 205]. В конечном итоге постмодернизм осознается «как выражение «духа времени» во всех сферах человеческой деятельности: искусстве, социологии, философии, науке, экономике, политике и проч.» [9, с. 202].

Актуализация постмодернистской ментальности происходила на фоне глубочайшего экзистенциального кризиса, проявление которого совпало с наступлением во второй половине XX века, прежде всего в странах Западной Европы и Америки, времени мира и изобилия. В шестидесятые годы прошедшего столетия, как отмечает А. Генис, «во взрослую жизнь вступило первое поколение, выросшее в беспрецедентном достатке и благополучии». Жизнь в условиях «невиданного раньше покоя и процветания» способствовала тому, что «перед нашим рациональным и секулярным веком открылась онтологическая бездна», которая, по оценке А. Гениса, существовала и ранее, но «в эпоху депрессий и войн ее доверху заполняли страх и повседневная борьба за существование» [3, с. 214]. Метавопросы смысла человеческого существования, будучи

вытесненными из сознания ужасами войны и социальных потрясений, не растворились в глубинах бессознательного, но вошли в латентное состояние, чтобы при ослаблении внешнего давления вырваться наружу с небывалыми размахом и силой. Поэтому постмодернистские идеи гносеологического пессимизма и критики на этом основании любых авторитетов были глубоко созвучны внутренней протестующее-мятежной опустошенности поколения, не находящего ответы на волнующие его вопросы. Так, характеризуя методологически близкий постмодернизму постструктурализм, И.П. Ильин отмечает, что в качестве аналитической теории последний является «по преимуществу тактикой разрушения всего общепринятого и укоренившегося в общественном сознании как неоспоримого набора «прописных истин»». Он считает, что «негативный пафос постструктурализма и является его главным содержательным аспектом» [9, с. 45]. Давая же краткую характеристику позиции Ж. Деррида, И.П. Ильин подчеркивает, что «она состоит в критике всего, что попадает в поле его зрения, сопровождаемой обычно вежливым сожалением о неизбежности подобных заблуждений как следствии метафизичности мышления, «типичной» для западной культуры» [9, с. 43]. Тем самым экзистенциальная депрессия вошла в состояние глубокой интеграции и резонанса с философской депрессией, что и породило многие кризисы, касающиеся различных сторон как отдельной личности, так и всего общества в целом. В результате на теоретико-методологическом уровне статус личности подвергся радикальным изменениям.

Кризис идентификации и его гносеологические предпосылки

В условиях когнитивного релятивизма проблематизируется феномен идентификации, которая, как замечает Ю. Кристева, становится все актуальнее: «все чаще слышатся жалобы людей, причем самых трезвомыслящих, на то, что они буквально не знают, кто они есть»; содержание их жизни сводится к тому, что они «как бы «делегируют» персонажей на сцену своей деятельности – в том числе пассионарной, любовной, хотя чаще общественной и профессиональной» [2, с. 14]. Проблема самоидентификации по своей природе является гносеологической проблемой. Человек нуждается в адекватном понятийном отражении самого себя и соотносительности этого отражения с системой знаний о внеположенном ему объективном мире. Однако подобное возможно лишь при существовании универсальных гносеологически легитимных понятийных оснований. Так, Ф. Шеффер подчеркивает необходимость наличия «общих категорий для мысленных представлений и внешнего мира». В противном случае человек «лишается универсалий, способных покрыть единичности его души», что приводит его к состоянию, когда он «начинает стенать: «Кто я такой!?!»» [5, с. 322–323]. Современного же человека философ характеризует как отчаявшегося «найти некую универсальную обусловленность, чтобы положить ее в основу своего мировоззрения как универсальный принцип, способный объяснить знание и жизнь» [7, с. 25].

Причиной же этому служит постулируемый постмодерном парадигмальный гносеологический пессимизм, отрицающий связь вербальных знаков с онтологической реальностью в силу невозможности когнитивного освоения последней. Поскольку познавательный прорыв к сектору означаемого постмодернистской философией отрицается, происходит суверенизация означаемого сектора в структуре знакового комплекса, что в свою очередь не позволяет легитимировать до степени абсолютного никакое языковое понятие. А поскольку мир культуры находится в отношениях теснейшей корреляции с миром языка, то культурное пространство, в рамках которого протекает процесс социализации индивида и в частности процесс личностной идентификации, становится релятивным и, согласно методологии постмодерна, виртуально-иллюзорным. В результате соприкосновения с языковой стихией обретает статус эфемерно-преходящего и феномен личности, которая рассматривается в постмодернизме как

структурированная по законам художественного повествования. Так, П. Клоссовски отмечает, что, «упраздняя себя вместе с идентичностями, язык, избавленный от всех понятий, отвечает уже не бытию» [10, с. 84], а следственно, не отвечает бытию и личность, обозначенная посредством языковых структур. А в силу того, что в тексте все «находится в процессе ежесекундного и многократного означивания, но при этом никак не сопряжено с итоговым целым, с завершенной структурой» [11, с. 55], личное сознание, отождествленное с текстом, также может рассматриваться лишь как бесструктурно-хаотичное явление. Аналогичный вывод постулируется и И.П. Ильиным. Размышляя над феноменом восприятия «сознания как текста, структурированного по законам языка», и организации «его как художественного повествования», исследователь отмечает, что и «сама личность в результате своего художественного обоснования приобретает те же характеристики литературной условности, вымышленности и кажимости, что и любое произведение искусства» [6, с. 99–100].

Воздействие ментальности постмодерна на внутриличностное пространство

Весьма существенны концептуальные трансформации, затрагивающие и внутриличностное пространство. Аналитически рассматривая тенденции современности, А. Генис отмечает, что «вселенная опять срастается в мир, напоминающий об архаическом синкретизме, не умеющем отделять объект от субъекта, дух от тела, материю от сознания, человека от природы» [3, с. 210]. Это созвучно с мнением И.П. Ильина, который подчеркивает, что вопреки традициям классической философии, которая «разрывала дух и плоть, конструируя в «царстве мысли» автономный и суверенный трансцендентальный субъект как явление сугубо духовное, резко противостоящее всему телесному, ...усилия многих влиятельных мыслителей современности ...направлены на теоретическое «скрещивание тела с духом», на доказательство постулата о неразрывности чувственного и интеллектуального начал» [9, с. 84–85]. Утрата понятия трансцендентального субъекта является следствием преобразований стратегического масштаба, таких как отход от мышления, опирающегося на бинарные оппозиции, утрата субъект-объектного противопоставления, иррационализм, радикальным образом влияющих на понимание ментальных структур и процессов внутри личности. Так, отступление от рационалистического мышления, основанного на методе антитезы, приводит к исчезновению демаркационной линии между явлениями и становится одной из причин идентификационного кризиса, поскольку фундаментальным шагом личностной идентификации является отделение себя от окружающего мира, то есть вхождение в антитетическое противопоставление, где «Я» ≠ «не-Я». Утрата же противоположения внутрисубъектных реалий – чувственного и рационального начал – делает методологически невозможной процесс рефлексии, обеспечивающий надлежащее функционирование и развитие личностного сознания социализирующегося индивида. Это приводит к самым различным последствиям, в том числе и к изменению спектрального ряда эмоциональной сферы личности. Ф. Джеймисон приходит к заключению, согласно которому «такие понятия, как тревога и отчуждение ...не уместны более в мире постмодернизма» [1, с. 128]. По его мнению, «освобождение в современном обществе от прежнего отсутствия ценностей, свойственного центрированному субъекту», свидетельствует о том, что «в настоящем не существует более Я, чтобы чувствовать». Поясняя свою мысль, философ уточняет, что «это не значит, что культурная продукция эпохи постмодернизма полностью лишена чувств, скорее эти чувства ...сейчас текучи и имперсональны и имеют тенденцию к подчинению особому виду эйфории» [1, с. 129]. Мыслитель рассматривает «это изменение в динамике культурной патологии ...как сдвиг, в результате которого отчуждение субъекта замещается его распадением» [1, с. 128].

Кризис идентификации и его влияние на процесс социализации

Не менее остра проблема идентификации и в социальном аспекте. Имманентной потребностью человека является необходимость провести идентификационный круг, определяющий ментальные границы его (человека) собственного существования и предоставляющий критерии, по которым можно ориентироваться в социальной среде (начиная от примитивной опознавательной системы «свой/чужой» и заканчивая тонкой дифференциацией в рамках межличностных отношений). Основой подобных идентификационных фильтров могут выступать различные ценностные платформы: религиозные верования, философские взгляды, политические убеждения, этническая принадлежность, социальный статус и т.д. Утрата же в рамках постмодернистской культуры стабильной системы ценностных приоритетов расшатывает основы социальной общности. Ибо процесс интеграции в сообщество требует от индивидуума прежде всего ясного понимания сущности склонностей собственной личностной природы, а также уверенности в надежности и легитимности ценностных приоритетов, положенных в основание того или иного социального института.

Отсутствие внеположенного индивиду аксиологического абсолюта, авторитетность которого была бы способна побудить субъекта социальных отношений сделать выбор в пользу общего («Мы»), а не своих единичных предпочтений («Я»), разрушает центральную опору любой социальной общности, от семьи и трудового коллектива до национально-этнической группы и мирового сообщества. Как отмечает М.А. Можейко, наряду с прочими ментальными преобразованиями «доведение постмодернизмом до логического финала идиографической методологии привело к утрате культурой постмодерна презумпции подчинения произвола индивидуализма обязательному для всех нравственному закону» [4, с. 301–302]. Логическим результатом подобной личностной сверхсвободы является одиночество и тотальный хаос.

Заключение

Таким образом, невозможность построения в культуре постмодерна универсального гносеологически легитимного понятийного поля приводит к различным деформациям в процессе личностной идентификации. Личность утрачивает универсалии, способные стать идентификационным основанием и сделать возможным определение тождественности личности в соотношении с метаобразом человека актуальной культурной формации. Деформирующее воздействие оказывается и на внутриличностное пространство: исчезает опора на антитетическое противопоставление, что является исходной предпосылкой, логические следствия которой – слияние чувственного и рационального начал, а в конечном итоге и методологическая невозможность отделения «Я» от «не-Я». В конечном итоге проблема идентификации становится препятствием и на пути социально-интеграционных процессов инкультурирующейся личности, определяя невозможность формирования четкого представления о личных приоритетах, а также подчинения частно-индивидуального произволения обще-социальному.

Столкновение с подобными проблемами определило актуализацию научного поиска *путей выхода* из создавшихся когнитивно-аксиологического и, как следствие, экзистенциального тупиков. Результатами подобных исследований явились предложенные современной культурой программы пост-постмодернистского ее преобразования: в частности, проект неоклассицизма, направленный на возвращение к утраченным смыслам и значениям (начиная от М. Готдинера) и коммуникационный проект (начиная от К.-О. Апеля). Возникновение данных программ ознаменовало собою поворот от постмодерна к пост-постмодерну как новому этапу развития современной культуры.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. Джеймисон, Ф. Постмодернизм, или логика культуры позднего капитализма / Ф. Джеймисон // *Философия эпохи постмодерна : сборник переводов и рефератов / сост., ред. А.Р. Усманова.* – Минск : Красико-принт, 1996. – С. 117–137.
2. Кристева, Ю. Ответы на вопросы редакции журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп» / Ю. Кристева // *Диалог. Карнавал. Хронотоп.* – 1995. – № 2. – С. 5–17.
3. Генис, А. Вавилонская башня / А. Генис // *Иностранная литература.* – 1996. – № 9. – С. 206–251.
4. Можейко, М.А. От «этики кодекса» к «этике творчества»: трансформации нравственного сознания в современной культуре / М.А. Можейко // *Творческое наследие семьи Рерих в диалоге культур: философские аспекты осмысления : сборник науч. трудов / науч. ред. М.А. Можейко [и др.].* – Минск : Технопринт, 2005. – С. 288–322.
5. Шеффер, Ф. Он здесь и Он не молчит / Ф. Шеффер // *Он здесь и Он не молчит : избранное / Ф. Шеффер.* – СПб. : Мирт, 2002. – С. 247–347.
6. Ильин, И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И.П. Ильин. – М. : Интрада, 1998. – 255 с.
7. Шеффер, Ф. Бог Сущий / Ф. Шеффер // *Он здесь и Он не молчит : избранное / Ф. Шеффер.* – СПб. : Мирт, 2002. – С. 1–178.
8. Кюнг, Г. Религия на переломе времен / Г. Кюнг // *Мировое древо = Arbor Mundi : Междунар. журнал по теории и истории мировой культуры / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т высш. гуманитар. исслед.* – Вып. II. – М., 1993. – С. 63–76.
9. Ильин, И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин. – М. : Интрада, 1996. – 255 с.
10. Клоссовски, П. Симулякры Жоржа Батая / П. Клоссовски // *Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века.* – СПб. : Мифрил, 1994. – С. 79–89.
11. Барт, Р. S/Z / Р. Барт. – 3-е изд. – М. : Академический проект, 2009. – 373 с.

Makarenko I.M. Identification of the Person in Postmodern Culture: Problems and Their Resolution

The article investigates the influence of postmodern culture phenomenon to the individual. Among the negative results of the postmodern paradigm impact on the phenomenon of person are the following: violations of personal identification, deformation of spectrum of the emotional palette of intrapersonal space, the violation of individual social integration. The author also points out ways to resolve the crisis of identification of the person proposed by the culture of post-postmodern.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.02.2012

УДК 329 (476)

Л.Е. Земляков, Э.Н. Северин

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СВОБОДЫ СОВЕСТИ ГРАЖДАН В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье особое внимание уделено проблеме политико-правового регулирования свободы совести, отражён авторский подход к определению данного понятия. В Республике Беларусь были предприняты осознанные усилия по обеспечению каждому права на свободу совести и достижению сбалансированных (с учётом соответствующих демократических принципов, прав и свобод человека) отношений государства с религиозными организациями. В немалой степени этому способствовало провозглашение принципов свободы совести и вероисповедания в Конституции Республики Беларусь. В настоящее время в Республике Беларусь формируется современная модель государственной политики в сфере свободы совести для светского государства.

Введение

Свобода совести является одной из важнейших и неотъемлемых свобод человека, общечеловеческой социальной и духовной ценностью, конкретным проявлением свободы человека в обществе, важным этическим и правовым принципом и в то же время значимой философской, правовой, политической и религиоведческой категорией. Проблема свободы совести находится «на стыке» конституционного права и отраслевых юридических дисциплин, социальной философии, политической науки и религиоведения.

Свобода совести является понятием, которое возникло в определенных социально-исторических условиях и прошло достаточно тернистый путь своего становления от веротерпимости до свободы совести, т.е. права на свободный выбор человеком мировоззренческих ориентиров по велениям собственной совести. В каждую эпоху проблема свободы совести стояла и разрешалась по-разному, в зависимости от характера общественных отношений, от уровня развития производительных сил, уровню развития общества в целом, интересов и целей определенного класса, партии, даже мировоззренческих предпочтений некоторых правителей. По мере исторического развития последовательно распространялось понимание необходимости религиозной терпимости и свободомыслия, правовой защиты людей различных мировоззренческих ориентаций. Значительный вклад в разработку, правовое оформление и законодательное включение в жизнь принципов свободы совести внесли гуманисты эпохи Возрождения и Реформации, мыслители Просвещения, либералы XVIII–XIX вв.

Цель данного исследования – проанализировать с учётом аспектов политической науки конституционно-правовые основы свободы совести в Республике Беларусь.

Понимание свободы совести как естественного права человека, необходимости равноправия всех людей независимо от их религиозных взглядов становятся принципами национальных конституций некоторых стран, начиная с XVIII в. По мере распространения понимания принципа свободы совести расширялись и соответствующие конституционно-законодательные положения. Они касались отделения церкви от государства, правового равенства различных религиозных организаций, запрета на ограничение политической дееспособности граждан в зависимости от отношения к религии.

Анализ содержания международных актов по вопросам прав человека дает основание утверждать, что свобода совести включает следующие возможности: иметь религию или убеждения; принимать религию или убеждения на свой выбор; изменять

свою религию или убеждения; исповедовать религию или убеждения как единолично, так и совместно с другими, публично или частным образом, в отправлении культа, исполнения религиозных и ритуальных обрядов и учений; обеспечивать религиозное и моральное воспитание своих детей родителями или законными представителями в соответствии с собственными убеждениями.

Современное законодательство по правам человека в целом и о свободе совести в частности представляет собой многоуровневую систему правовых актов, в состав которой входят Конституция Республики Беларусь, международные акты, законы Республики Беларусь, подзаконные акты. Основным законом белорусского государства является Конституция Республики Беларусь 1994 г. с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. Перед тем как рассматривать базовые нормы, непосредственно регулирующие соблюдение свободы совести, следует обратить внимание на два важных момента.

1. Статья 2 Конституции Республики Беларусь гласит: «Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. Государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности». В Конституции Республики Беларусь есть положение, которое объявляет, что «Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства» (часть 1 ст. 8). Это открывает возможность прямого действия и применения норм международного права органами государственной власти, должностными лицами. Так как в Республике Беларусь «каждый вправе в соответствии с международно-правовыми актами, ратифицированными Республикой Беларусь, обращаться в международные организации с целью защиты своих прав и свобод, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты» (ст. 61).

2. Часть 1 ст. 137 гласит: «Конституция обладает высшей юридической силой. Законы, декреты, указы и иные акты государственных органов издаются на основе и в соответствии с Конституцией Республики Беларусь». Статья 31 Конституции Республики Беларусь объясняет смысл права свободы совести: «Каждый имеет право самостоятельно определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом». Ограничение прав и свобод личности, предусмотренные в ст. 23, «допускается только в случаях, предусмотренных законом в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц».

Конституция Республики Беларусь утверждает базовые положения современной белорусской государственности, особенно для религиозных организаций. Согласно части 2 ст. 4, «идеология политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан». Статья 16 фиксирует, что «религии и вероисповедания равны перед законом». Эти два положения для многоконфессионального государства и религиозных организаций носят принципиальный характер, так как они задают правовые параметры государственно-конфессиональных отношений.

По действующей конституции «запрещается деятельность религиозных организаций, их органов и представителей, которая направлена против суверенитета Республики Беларусь, ее конституционного строя и гражданского согласия либо сопряжена с нарушением прав и свобод граждан, а также препятствует исполнению гражданами их государственных, общественных, семейных обязанностей или наносит вред их здоровью и нравственности» (часть 3 ст. 16).

Базовые конституционно-правовые положения в отношении свободы совести в Республике Беларусь соответствуют демократическим принципам, в целом соответствуют правам и свободам человека, опираются при этом на многовековые традиции регулирования отношений между государством и религиозными организациями как социальными институтами, на исторические уроки как позитивного, так и негативного опыта таких отношений. В сравнении с рядом западноевропейских и постсоциалистических государств основные законодательные положения, как и система государственно-конфессиональных отношений в Республике Беларусь, являются демократическими, последовательными и более взвешенными.

Запрещающие положения законодательства в отношении религиозной свободы сведены к минимуму и приведены в соответствие с Конституцией Республики Беларусь и международно-правовыми нормами и стандартами, а предусмотренный Законом контроль со стороны государства осуществляется не за деятельностью религиозных организаций, а за соответствием их деятельности уставам этих религиозных организаций. Такой вид контроля присущ любому цивилизованному государству и одинаково касается любых субъектов права: государственных органов, религиозных общин, государственных служащих, общественных организаций и др.

Свобода совести – самостоятельное исторически сложившееся явление, находящееся во взаимосвязи с такими категориями, как свобода мысли и убеждений. Свобода представляет собой зависимость поведения индивида только от его сознания и воли. При этом данная категория тесно связана с понятием «необходимость», которая, по сути, является моральным законом и устанавливает определённые гарантии проявления свободы индивида.

Понятие свободы и субъективного права не являются тождественными. Свобода (в отличие от права) не имеет субъективной формы, поэтому применительно к конкретному лицу необходимо говорить о праве этого лица на свободу чего-либо, в частности, свободу совести. Совесть служит критерием выбора того или иного варианта поведения в конкретных жизненных обстоятельствах. Оценка собственного поведения не может осуществляться человеком изолированно, на неё неизбежно оказывает влияние существующие в обществе принципы и ценности.

Свобода совести как органическая совокупность понятий «свобода» и «совесть» представляет собой возможность человека выбирать нравственные ориентиры, вести себя в соответствии с ними и осуществлять на их основании оценку своих и чужих поступков. Между тем исторически сформировавшееся понятие «свобода совести», рассматриваемое с политико-правовой точки зрения, связывается именно с отношением человека к религии и находится в неразрывной взаимосвязи со свободой вероисповедания.

В настоящее время существует тенденция к расширению толкования понятия «свобода совести» путём включения в эту свободу не только религиозных и нерелигиозных, но и неких «иных убеждений». Нам представляется такой подход несостоятельным. Попытка трактовки иных убеждений как убеждений, отличных от религиозных, приводит либо к подмене понятия (нерелигиозные убеждения понимаются как антирелигиозные, а иные убеждения в этом случае выступают в качестве нейтральных), либо к включению в состав свободы совести убеждений, не имеющих отношения к мировоззрению. Последнее приводит к «размытости» свободы совести и усложняет её защиту.

Свобода совести – это системообразующее право в системе прав человека, основополагающее и неотъемлемое право каждого на свободный мировоззренческий выбор, не влекущий за собой ограничений в других гражданских правах и свободах или их утраты. Свобода совести включает право индивидуально и/или совместно с другими свободно выбирать, менять и распространять убеждения и действовать в соответствии с ними, не ущемляя свободы и личного достоинства других.

Свобода совести является стержнем идентичности человека, это право быть человеком. От реализации этого системообразующего права зависят способность индивида самореализоваться в личность, возможность преодолеть противоречия между тенденциями, обусловленными опережающим развитием цивилизации и природой человека, способность государства к устойчивому развитию без социальных взрывов и потрясений. Свобода совести неразрывно связана с понятием индивидуальной свободы, которая, в свою очередь, является важнейшей составляющей свободы личности.

Свободу совести целесообразно оценивать в качестве субъективного права, которое включает следующие права и свободы:

- 1) право свободно выбирать и принимать любую религию;
- 2) право иметь религиозные убеждения;
- 3) право исповедовать индивидуально любую религию;
- 4) право исповедовать совместно (с другими, коллективно) любую религию;
- 5) свободу изменять религиозные убеждения;
- 6) свободу распространять религиозные убеждения, а также исповедовать свою религию в обучении, преподавать вероучение или систему убеждений в приспособленных для этой цели местах;
- 7) свободу действовать в соответствии с религиозными убеждениями, выражать религиозные убеждения;
- 8) право на религиозное образование;
- 9) свободу исповедовать свою религию в богослужении, в исполнении религиозных ритуальных обрядов;
- 10) право на объединение в религиозные организации и свободу их деятельности.

Все элементы свободы совести могут быть объединены и сгруппированы по определенным признакам. При этом следует учитывать, что наиболее целесообразным было бы выделить отдельно индивидуальные и отдельно коллективные (совместные) правовые полномочия в данной сфере. В настоящее время появились новые элементы свободы совести, в частности, такие, как право на альтернативную гражданскую службу, право на религиозную безопасность. Кроме того, происходит переосмысление конституционного права на религиозное образование, появляются дополнительные возможности для его реализации. Следовательно, можно говорить о расширении содержания понятия «свобода совести» в условиях формирования светского государства. Происходит это экстенсивным и интенсивным способами. Экстенсивность подразумевает законодательное закрепление новых религиозных прав и свобод и создание механизма их реализации. Суть интенсивного способа состоит в наделении уже существующих религиозных прав новой смысловой нагрузкой и развитии гарантий их осуществления.

На наш взгляд, свобода совести – универсальное комплексное образование, которое не сводится лишь к одной группе прав человека. Придерживаясь трехчленной классификации прав и свобод человека (права и свободы в сфере личной безопасности и частной жизни, в сфере государственной и социально-политической жизни, в сфере экономической, социальной и культурной деятельности), мы думаем, что институт свободы совести можно включить в каждый из этих блоков как право, которое гарантирует индивидуальную свободу, самоопределение человека, беспрепятственный выбор его разных вариантов своего поведения и действий в отношении вопросов религии и атеизма, как право, которое проявляет духовные интересы и потребности гражданина, свобода совести принадлежит к личным правам человека и гражданина.

Как нормативное измерение социокультурной деятельности человека, как культурная ценность, детерминированная характером и уровнем развития экономического развития, социума в целом, свобода совести проявляется как одно из прав человека в сфере экономической, социальной и культурной деятельности. Конкретизация в дан-

ной группе прав свободы совести проявляется в праве на образование (в том числе и религиозного) (ст. 49 Конституции Республики Беларусь), на участие в культурной жизни (ст. 51 Конституции Республики Беларусь) и т.д. Представляется возможным право на свободу совести отнести также и к блоку прав в сфере государственного и социально-политической жизни, потому что он регулирует наиболее существенные отношения между властью, религиозными организациями и гражданами в сфере государственно-конфессиональных отношений.

Право на свободу совести как одна из составляющих правового статуса человека тесно взаимосвязано с другими конституционными правами и свободами. Характер и специфика такого соотношения обусловлены не только общими чертами правового положения человека как комплексного государственно-правового института, но и пограничным характером самой свободы совести, возможностью ее включения во все группы прав и свобод человека и гражданина. В Республике Беларусь осуществление принципов свободы совести неразрывно связано со статусом светского государства, что обеспечивается в данной сфере отделением религиозных организаций от государства и их равенство перед законом, невозможностью установления никакой религии в качестве обязательной для граждан. Светский характер государства обеспечивается невмешательством государства и религиозных сообществ во внутренние дела друг друга.

К другим принципам в данной сфере можно отнести равенство прав и свобод граждан, независимо от отношения к религии; запрет любых форм ограничений прав граждан по признакам религиозной принадлежности, недопущение пропаганды или агитации, возбуждающей религиозную ненависть и вражду. В совокупности вышеизложенные принципы формируют основу для проявления правового государства в этой сфере отношений.

В настоящее время в Республике Беларусь формируется современная модель государственной политики в сфере свободы совести для светского государства, которая включает концептуальные положения, нормативно-правовую базу и организационно-управленческие структуры. Формирование современной политико-правовой модели началось с принятия Конституции Республики Беларусь и Закона Республики Беларусь «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» (2002 г.) (далее – Закон о свободе совести). Впервые не идеология и государство, а человек, его права и свободы были правозглашены Конституцией Республики Беларусь высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав человека и гражданина – обязанностью государства. Это касается многоаспектной деятельности граждан, объединившихся для религиозных целей. Каждый, осуществляя право на свободу совести и вероисповедания, получил и право на консолидацию по своему волеизъявлению в форме религиозной организации с приобретением правоспособности юридического лица.

Государственная обязанность защиты прав и свобод человека требует выработки концепции отношений власти и религиозных организаций, выявления механизма осуществления конституционных принципов в форме модели. В правоприменительной сфере в её основу положены конституционные принципы свободы совести и вероисповедания, осуществление которых гарантируется государством каждому. Гарантии включают право не только исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, не только свободно выбирать или иметь, но и распространять религиозные и иные убеждения, действовать в соответствии с ними (ст. 31 Закона о свободе совести).

Такая формулировка свидетельствует о замещении дуалистического конституционно-правового принципа свободы совести советской модели. Советский принцип тоже утверждал право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Но гарантии сводились к отправлению религиозных культов или атеистической пропаганде. Закрепление в Конституции Республики Беларусь права свободы распространения

ния религиозных убеждений и действий в соответствии с ними означает отказ государства от идеологической монополии, прежней борьбы с религиозными организациями как субъектами права, религией как социальным феноменом, а также свободой мысли, слова, выражения мнения. Гражданин может свободно реализовывать присущие ему право на свободу совести через закрепление его в Основном Законе и действующей обязанности государства гарантировать свободу совести, как и другие конституционные права. Формой реализации отношений между государством и гражданином могут быть как конкретные правоотношения, так и отношения неурегулированные нормами права. Правоотношения можно разделить на: 1) субъекты правоотношений; 2) содержание правоотношений; 3) объекты правоотношений. При этом субъектами права на свободу совести являются физические лица, которые законно пребывают на территории Республики Беларусь, к которым принадлежат граждане Республики Беларусь, иностранные граждане, лица без гражданства. Объектами правоотношений в процессе реализации права на свободу совести являются: 1) предметы материального мира; 2) продукты духовного творчества; 3) особенности неимущественного блага; 4) поведение участников правоотношений; 5) результат поведения участников правоотношений.

Рассмотрение современной политики в сфере свободы совести связано с проблемами формирования правосознания на основе новых принципов в условиях конституционного права Республики Беларусь, правового демократического социального светского государства; с отсутствием кодифицированного права в данной области отношений; проявлениями в обществе и мире нетерпимости и дискриминации по религиозному признаку, представляющими угрозу социальной стабильности.

Правоотношения в области прав человека и гражданина на свободу совести и вероисповедания, а также правовое положение религиозных организаций регулирует Закон о свободе совести. В целом законодательство о свободе совести, вероисповедания и религиозных организациях состоит из данного закона, соответствующих положений Конституции Республики Беларусь, Гражданского кодекса Республики Беларусь, принимаемых в соответствии с ними нормативных правовых актов Республики Беларусь. Однако от юридического закрепления норм до их практического воплощения, как известно, большая дистанция. Осуществление конституционных прав и свобод в реальной жизни человека остаётся проблемой наиболее актуальной и очевидной, остро воспринимаемой как белорусскими гражданами, так и международным сообществом.

Политико-правовой механизм реализации свободы совести в Республике Беларусь – это осуществляемая государством правовая и организационная деятельность, реализуемая с помощью комплекса мер организационного, материально-технического, социально-психологического и иного характера, направленных на создание условий для успешной реализации политико-правовых норм, содержащихся в Конституции Республики Беларусь. Элементами механизма реализации свободы совести являются следующие: нормативная основа, регламентирующие общественные отношения в сфере свободы совести и способы реализации данной свободы в белорусском обществе и государстве. Эти группы элементов взаимодействуют через промежуточные звенья: правоотношения, юридические факты, правоприменительные акты, в том числе и охранительные; акты реализации прав и обязанностей. Данные звенья можно рассматривать также в качестве элементов политико-правового механизма реализации свободы совести.

Элементы, составляющие нормативную основу, определяют статистическое содержание изучаемого механизма, которое тесно связано с динамической стороной механизма реализации свободы совести. Данная сторона представлена стадиями реализации данной свободы: стадия создания политико-правовой основы для регламентации общественных отношений в сфере свободы совести, стадия индивидуализации и конкретизации прав и обязанностей в сфере свободы совести, реализация прав и обязанно-

стей в конкретных правоотношениях в сфере свободы совести. Основными элементами данной системы являются такие гарантии, как равенство всех индивидов и их религиозных организаций перед законом независимо от их отношения к религии; отделение религиозных организаций от государства; светский характер системы государственного образования; тайна исповеди и др.

Принципы политико-правового обеспечения свободы совести в Республике Беларусь можно классифицировать по двум основаниям: по характеру субъектов и по сфере общественных отношений, в которой реализуется данная свобода. По первому основанию дифференцированы принципы реализации свободы совести верующими индивидами и их религиозными организациями (принцип веротерпимости; принцип добросовестного прозелитизма и т.д.), а также принципы деятельности государства в сфере обеспечения свободы совести (принцип невмешательства государства во внутреннюю деятельность религиозных организаций, принцип взаимодействия государства с религиозными организациями и т.д.). По второму основанию классификации выделены принципы обеспечения свободы совести в сфере экономических отношений (принцип целевого использования собственности религиозных организаций); в сфере государственной службы (принцип недопущения использования должностных полномочий в интересах религиозных организаций); в сфере образования (принцип добровольности религиозного обучения детей); в сфере трудового права (принцип конфиденциальности религиозной принадлежности работника); принципы обеспечения вероисповедных отношений в Вооружённых Силах Республики Беларусь (принцип частного порядка осуществления вероисповедных потребностей военнослужащими).

Заключение

Общая оценка существующей тенденции реализации принципа свободы совести – отличие правоприменительной практики от того, что заявлено в Конституции Республики Беларусь и Законе о свободе совести. Конституционное право граждан на свободу совести порой сводится к свободе вероисповедания, т.е. широкое, объёмное понятие подменяется узким, одномерным; размываются такие конституционные принципы, как отделение религиозных организаций от государства; равенство религий и религиозных организаций перед законом; равенство прав верующих и неверующих; проявляется деформация основных идей и положений концепции светского государства, что ведёт к обострению отношений в межконфессиональной среде. Вопрос о праве человека на свободу совести всё чаще относится не к сфере частной жизни граждан, а к области публично-правовых отношений, общественно-политических интересов. Это ведёт к политизации деятельности различных религиозных организаций, к подмене интересов верующего гражданина интересами конфессиональной бюрократии.

Некоторые несовершенства белорусского законодательства, динамично складывающиеся государственно-конфессиональные отношения порождают ряд проблем политико-правового механизма реализации свободы совести в современной Беларуси. Это прежде всего неурегулированное законодательством тесное взаимодействие государственных структур: органов власти, образовательных учреждений, армии, правоохранительных органов с традиционными для Беларуси конфессиями.

К настоящему времени слабо проработана теоретическая и правовая основа для утверждения взвешенных научно-обоснованных критериев оценки влияния деятельности религиозных организаций на безопасность государства и установления таких запретительных норм, которые не умаляли бы прав и свобод человека и гражданина и не препятствовали бы реализации принципа свободы совести.

Существуют проблемы, ещё требующие своего изучения. Прежде всего они связаны с анализом современной религиозной ситуации и выявлением существующих тен-

денций и перспектив для дальнейшей реализации этого конституционного принципа важного с точки зрения прав человека и государственно-конфессиональных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.

2. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях»: Закон Республики Беларусь от 31 октября 2002 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 123. – 2/886.

Zemlyakov L.E., Severin E. N. Constitutional and Legal Bases of the Liberty of Conscience in the Republic of Belarus

The problem of political and legal regulations of the Liberty of Conscience is raised in the article. The authors provide their approach to the term. In the Republic of Belarus there have been undertaken certain measures for ensuring each citizen the Liberty of Conscience. There have also been achieved well-balanced relations between the state and religious organisations. At the moment a new model of state policy in the sphere of the Liberty of Conscience in a civil society is being formed.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 10.02.2011

УДК 947.6 + 323.15(476)

І.А. Пушкін

ЗАКАНАДАЎЧЫЯ АСНОВЫ МІЖНАЦЫЯНАЛЬНЫХ АДНОСІН У РЭСПУБЛІЦЫ БЕЛАРУСЬ (1991–2010 гг.)

Даследавана і прааналізавана заканадаўчае забеспячэнне праў асоб, якія належаць да нацыянальных супольнасцей, і яго рэалізацыя ў Рэспубліцы Беларусь у 1991–2010 гг. Вывучаны палітыка-прававыя асновы ўдзелу нацыянальных супольнасцей ў грамадскім і культурным жыцці Беларусі. Зроблена выснова пра наяўнасць неабходных умоў для самарэалізацыі нацыянальных супольнасцей рэспублікі. Устаноўлены асноўныя накірункі палітыкі дзяржаўнай улады ў адносінах да нацыянальных супольнасцей. Абгрунтаваны высновы аб адпаведнасці заканадаўства Рэспублікі Беларусь у сферы міжнацыянальных адносін міжнародным стандартам і правядзенні палітыкі, накіраванай на вольнае развіццё культур, традыцый усіх нацыянальных супольнасцей на прынцыпах равенства, павагі, уліку іх правоў і інтарэсаў.

Уводзіны

Сёння мы спрабуем падсумаваць вынікі дваццацігоддзя суверэнітэту Рэспублікі Беларусь. Без аналізу палітыка-прававых асноў удзелу нацыянальных супольнасцей у грамадскім і культурным жыцці Беларусі, адносін афіцыйных уладаў да нацыянальных супольнасцей, удзелу іх у грамадска-палітычным і культурным жыцці нашай краіны, усебаковага вывучэння альтэрнатыўных шляхоў грамадскага развіцця, вызначэння ролі нацыянальных арганізацый у нашым грамадстве немагчыма выпрацаваць глыбока прадуманую, адпаведную інтарэсам краіны, дзяржаўную палітыку. Урэгуляванасць і гарманічнасць адносін дзяржавы з нацыянальнымі супольнасцямі з'яўляецца важнай прыкметай цывілізаванай, прававой краіны.

Аб'ект нашага даследавання – міжнацыянальныя адносіны ў Беларусі. Прадмет даследавання – заканадаўства Рэспублікі Беларусь і тое, як яно забяспечвала у 1991–2010 гг. правы асоб, якія належаць да нацыянальных супольнасцей. Мэта даследавання – аналіз палітыка-прававых асноў ўдзелу нацыянальных супольнасцей у грамадскім і культурным жыцці Беларусі, характарыстыка магчымасці самарэалізацыі і ўплыву нацыянальных супольнасцей на агульныя працэсы развіцця Беларусі. Для дасягнення акрэсленых мэтай і задач выкарыстоўваліся заканадаўчыя акты Рэспублікі Беларусь [1–5], пастановы Ураду, указы і прамовы кіраўніка дзяржавы [6–10], матэрыялы справаздач упаўнаважанага па справах рэлігій і нацыянальнасцей пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь (СМ РБ), архіваў і апублікаваныя матэрыялы.

Праблемы заканадаўчага забеспячэння правоў нацыянальных супольнасцей і іх рэалізацыі, міжнацыянальных адносін і ўдасканалення заканадаўства Беларусі даследавалі А. Білык і Ю. Уральскі [11], Н. Бурая [12], Э. Іофе [13], Н. Кавалёва [14], А. Ліўшыц [15], А. Макрушыч [16], І. Пушкін [17], А. Рагімаў [18], М. Рыбакоў [19], Т. Кручкоўскі [20], З. Вінніцкі [21]. У 2004 г. быў выдадзены даведнік, у якім утрымліваліся міжнародныя і нарматыўна-прававыя дакументы Рэспублікі Беларусь аб правах асоб, якія адносяцца да нацыянальных супольнасцей [22]. Нягледзячы на з'яўленне шэрагу прац цэласнага даследавання праблемы не праведзена.

Рэспубліка Беларусь з'яўляецца ўнітарнай дзяржавай. На яе тэрыторыі пражываюць каля 9,5 млн. чалавек. Згодна перапіса насельніцтва 2009 г., 83,7% жыхароў краіны – беларусы, 8,3% – рускія, 3,1% – палякі, 1,7% – украінцы, 0,1% – яўрэі, 3,1% – іншыя. Калі параўнаць колькасць прадстаўнікоў розных нацыянальнасцей з папярэднімі перапісамі 1989, 1999 гг., то стала больш армян, азербайджанцаў, арабаў,

грузін, асечін, таджыкаў, туркмен; паменшылася колькасць амаль усіх іншых нацыянальнасцей (яўрэяў, рускіх, украінцаў, палякаў, татар, літоўцаў, латышоў, эстонцаў і інш.). У 2009 г. амаль у 4 разы павялічылася колькасць тых нацыянальнасцей, якія з'явіліся ў Беларусі у пасляваенны час і ў перыяд існавання незалежнай Рэспублікі Беларусь. Згодна апошняга перапісу, доля беларусаў перавысіла даваенны ўзровень 1939 г. У разглядаемы перыяд прадстаўнікі большасці нацыянальных супольнасцей пражывалі па ўсёй тэрыторыі Рэспублікі Беларусь дысперсна, у асноўным у гарадскіх пасёлках, і займалі даволі высокія статусныя пазіцыі (за выключэннем, напрыклад, цыган) у сацыяльнай структуры, эканоміцы, палітыцы і культуры беларускага грамадства. Гэта тлумачыцца тым, што нацыянальныя групы актыўна папаўняліся яшчэ ў перыяд існавання СССР за кошт высокаадукаваных мігрантаў з іншых саюзных рэспублік.

Прававую базу Рэспублікі Беларусь у сферы нацыянальна-дзяржаўных і міжнацыянальных адносін, барацьбы з распальваннем нацыянальнай, расавай ці рэлігійнай нянавісці складаюць Канстытуцыя РБ; законы РБ «Аб нацыянальных меншасцях Рэспублікі Беларусь», «Аб палітычных партыях», «Аб мовах у Рэспубліцы Беларусь», «Аб адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь», «Аб культуры ў Рэспубліцы Беларусь», «Аб грамадскіх аб'яднаннях», «Аб друку і іншых СМІ»; Крымінальны кодэкс, артыкулы Кодэкса Рэспублікі Беларусь аб адміністрацыйных правапарушэннях і іншыя законы. Заканадаўства Беларусі грунтуецца на міжнародных нарматыўных актах: «Дэкларацыя правоў асоб, якія належаць да нацыянальных ці этнічных, рэлігійных і моўных меншасцей», ухваленая ААН у 1992 г.; «Канвенцыя ў абарону нацыянальных меншасцей», прынятая Саветам Еўропы ў 1995 г. У справе забеспячэння праў нацыянальных супольнасцей Беларусь заключыла міжнародныя пагадненні з Літвой, Украінай, Расіяй, Польшчай і іншымі краінамі. Адным з першых было пагадненне з Польшчай 23.06.1992 г. [20, с. 130; 21, с. 20].

У канцы ХХ – на пачатку ХХІ стст. кіраўніцтвам краіны былі вызначаны асноўныя прынцыпы рэалізацыі дзяржаўнай нацыянальнай палітыкі. У 1996 г. Прэзідэнт А.Р. Лукашэнка ў сваім пасланні ўдзельнікам кангрэса дзеячоў культуры краін СНД адзначаў, што стварэнне грамадства раўнапраўных і свабодных культур павінна будавацца на ідэі іх глыбіннага ўзаемапрапікання. Беларускі народ выступае як кансалідатар культур іншых народаў [9, с. 3]. У 1999 г. у пасланні Нацыянальнаму сходу Прэзідэнт Беларусі падкрэсліў, што «у межах унутранага нацыянальна-культурнага развіцця меншасцей неабходна перадоленне настрояў некаторых грамадзян, накіраваных супраць некарэнных жыхароў краіны і бачанне беларускім народам свайго нацыянальнага развіцця ў цесным супрацоўніцтве з рускімі і ўкраінскім народамі, у цесным супрацоўніцтве з іншымі народамі» [8, с. 3]. 17.07.2001 г. была прынята Канцэпцыя нацыянальнай бяспекі Рэспублікі Беларусь. У ёй прадугледжваліся меры па захаванні этнічнай, культурнай і моўнай самабытнасці грамадзян Беларусі ўсіх нацыянальнасцей. У 2006 г., падводзячы некаторыя вынікі дзяржаўнай палітыкі за пяць гадоў, А.Р. Лукашэнка адзначаў, што ў Беларусі маюцца традыцыі бесканфліктнага існавання прадстаўнікоў розных этнасаў, якія падмацоўваюцца прадуманай дзяржаўнай палітыкай, дзяржаваю створаны спрыяльныя ўмовы для захавання і развіцця духоўных традыцый усіх людзей, што жывуць у Беларусі [10, с. 56].

Канстытуцыя і заканадаўства Рэспублікі Беларусь прызнаюць нацыянальныя супольнасці састаўной часткай народа Беларусі. Пасля рэфэрэндума 1996 г. у Канстытуцыі тэрмін нацыянальныя меншасці быў заменены тэрмінам нацыянальныя супольнасці. У адпаведнасці з артыкулам 14 Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь дзяржава рэгулюе адносіны паміж нацыянальнымі і іншымі супольнасцямі на аснове прынцыпаў роўнасці перад законам, павагі іх правоў і інтарэсаў [1]. Артыкул 15

прадугледжвае, што дзяржава адказна за захаванне гісторыка-культурнай спадчыны, свабоднае развіццё культур усіх нацыянальных супольнасцей, якія пражываюць у дзяржаве. Артыкулы 50, 51 сведчаць, што кожны мае права захоўваць сваю нацыянальную прыналежнасць, таксама як ніхто не можа быць прымушаны да вызначэння і ўказання нацыянальнай прыналежнасці. Знявага нацыянальнай годнасці караецца згодна з заканадаўствам. Кожны мае права карыстацца роднай мовай, выбіраць мову зносін. Дзяржава гарантуе, у адпаведнасці з законам, свабоду выбару мовы выхавання і навучання.

Вясною 1992 г. у Беларусі пачаўся працэс абмеркавання і прыняцця праекта Закона «Аб свабодным развіцці нацыянальных груп у Рэспубліцы Беларусь». Гэтая важная дзяржаўная справа, не засталася па-за ўвагаю грамадскай дзейнасці нацыянальна-культурных таварыстваў. Яны актыўна імкнуліся паўплываць на працэс падрыхтоўкі і прыняцця Закона з улікам іх нацыянальных інтарэсаў, каштоўнасцей і запатрабаванняў. Ад імя каардынацыйнай рады нацыянальных аб'яднанняў Беларусі на сесіі Вярхоўнага Савета (ВС) выступіў з прамоваю А. Шабановіч. 11.11.1992 г. пастановаю ВС Закон быў уведзены ў дзеянне пад назваю «Аб нацыянальных меншасцях у Рэспубліцы Беларусь». У снежні 2003 г. у гэты Закон дэпутатамі Нацыянальнага сходу былі ўнесены змяненні і дапаўненні, якія набылі моц згодна Закона Рэспублікі Беларусь за № 261–3 ад 5.01.2004 г. [3, с. 25; 17, с. 65].

У прэамбуле Закона «Аб нацыянальных меншасцях у Рэспубліцы Беларусь» сказана, што ён заснаваны на Канстытуцыі краіны, прынцыпах міжнароднага права ў вобласці правоў чалавека і нацыянальных супольнасцей і накіраваны на стварэнне ўмоў для свабоднага развіцця нацыянальных супольнасцей, а таксама на абарону іх правоў і законных інтарэсаў [3, с. 25]. У адпаведнасці з артыкулам 2 Закона «Аб нацыянальных меншасцях у Рэспубліцы Беларусь» прыналежнасць грамадзяніна краіны да нацыянальнай супольнасці з'яўляецца справай яго асабістага свабоднага выбару, з-за ажыццяўлення якой не могуць узнікаць ніякія неспрыяльныя вынікі. Артыкул 4 дадзенага Закона не дапускае якога-небудзь прамога або ўскоснага абмежавання правоў і свабод грамадзян за іх прыналежнасць да нацыянальных супольнасцей, а таксама спробы асіміляцыі супраць іх волі. Згодна артыкула 5, ніхто не можа быць прымушаны да вызначэння і ўказання сваёй нацыянальнай прыналежнасці, а таксама да даказвання нацыянальнай прыналежнасці або адказу ад яе.

У той жа час існавала інструкцыя «Аб парадку вызначэння нацыянальнай прыналежнасці грамадзян Рэспублікі Беларусь», узгодненая з намеснікам міністра ўнутраных спраў, старшынёю Камітэта па справах рэлігій і нацыянальнасцей, у адпаведнасці з якой у пашпарце грамадзяніна рабілася адзнака аб нацыянальнасці толькі тады, калі грамадзянін гэтага жадаў. Але пасля ўказання нацыянальнай прыналежнасці, яе змяніць магчыма было толькі ў судзе, у той час, як у артыкуле 5 Закона указваецца на недапушчальнасць прымусу даказваць сваю нацыянальнасць.

Артыкул 13 вышэй названага Закона прадугледжвае, што грамадзяне Рэспублікі Беларусь, незалежна ад іх нацыянальнай прыналежнасці, карыстаюцца абаронай дзяржавы на роўных асновах. За любыя дзеянні, накіраваныя на дыскрымінацыю па нацыянальных прыкметах, стварэнне перашкод у рэалізацыі нацыянальнымі супольнасцямі сваіх правоў, распальванне міжнацыянальнай варожасці, заканадаўствам прадугледжвалася адказнасць.

У Крымінальным кодэксе, які прыняты 2.06.1999 г. і ўступіў у сілу з 1.01.2001 г., ёсць артыкул 130, які сведчыць, што наўмысныя дзеянні, накіраваныя на ўзбуджэнне расавай, нацыянальнай, рэлігійнай варожасці, на ўніжэнне нацыянальнай годнасці, наказваюцца «штрафам, альбо арыштам на тэрмін да 6 мес., альбо абмежаваннем свабоды на тэрмін да 5 год, альбо пазбаўленнем свабоды на той жа тэрмін» [5]. Але ў

гэтым артыкуле няма ніякай адказнасці за прамое або ўскоснае абмежаванне правоў ці ўсталяванне прамых або ўскосных пераваг грамадзян. Такім чынам, службовыя асобы, якія ўшчэmlівалі б правы грамадзян у залежнасці ад расавай, нацыянальнай прыналежнасці, практычна не маглі быць прыцягнуты да адказнасці. Адсюль магчымы суб'ектыўны фактар адносін чыноўніка да пэўных нацыянальнасцей, што можа ўплываць на кадравую палітыку.

У адпаведнасці з артыкулам 6 Закона «Аб нацыянальных меншасцях у Рэспубліцы Беларусь» дзяржава гарантуе грамадзянам, якія адносяць сябе да нацыянальных супольнасцей, роўныя палітычныя, эканамічныя і сацыяльныя правы і свабоды. Прадугледжваецца роўнасць асоб, якія належаць да нацыянальных супольнасцей, без іх дзялення па прынцыпе даўнасці пражывання. Так, у адпаведнасці з артыкулам 1 Закона, пад асобамі, якія належаць да нацыянальных супольнасцей, разумеюцца асобы, якія заўсёды пражываюць на тэрыторыі Беларусі, маюць яе грамадзянства і якія па сваім паходжанні, мове, культуры або традыцыях адрозніваюцца ад асноўнага насельніцтва рэспублікі.

Грамадзянства можа набыць, у адпаведнасці з артыкулам 14 Закона «Аб грамадзянстве Рэспублікі Беларусь», прынятага ВС Рэспублікі Беларусь 18.10.1991 г., толькі асоба, якая пражывала на тэрыторыі дзяржавы апошнія сем год. Адсюль асобы, якія прыехалі ў Беларусь параўнальна нядаўна і не атрымалі яе грамадзянства, не падпадалі пад дзеянне Закона «Аб нацыянальных меншасцях у Рэспубліцы Беларусь» і не валодалі тымі правамі, якія прадугледжвала заканадаўства. Закон «Аб прававым становішчы замежных грамадзян і асоб без грамадзянства ў Рэспубліке Беларусь» быў прыняты ВС Рэспублікі Беларусь 3.06.1993 г., Закон «Аб бежанцах» у 2004 г. [17, с. 70].

З 1.02.2003 г. уступіў у дзеянне закон «Аб крымінальнай адказнасці за арганізацыю незаконнай міграцыі, а таксама за парушэнні правіл праезду і знаходжання замежных грамадзян у Рэспубліцы Беларусь», па якім прадугледжана крымінальная адказнасць за арганізацыю незаконнай міграцыі, парушэнне правіл знаходжання або транзітнага праезду замежных грамадзян праз тэрыторыі рэспублікі. Урадам прыняты пастановы, якія рэгламентуюць працоўную і прадпрымальніцкую дзейнасць замежных грамадзян і асоб без грамадзянства, якія часова пражываюць на тэрыторыі рэспублікі, а таксама парадак прыцягнення замежнай рабочай сілы. Паводле ацэнак дзяржаўных органаў і спецыялістаў, у краіне на нелегальным становішчы ў 2004 г. знаходзілася ад 150 да 200 тыс. мігрантаў, і найбольшая іх частка ў памежных абласцях – Магілёўскай, Гомельскай, Брэсцкай [18, с. 40].

Сярод правоў, асобна пералічаных артыкулам 6 Закона «Аб нацыянальных меншасцях», разгледзім некаторыя [3, с. 25–26].

Права на стварэнне грамадскіх аб'яднанняў і ўваход у дзеючыя грамадскія аб'яднанні. Яно рэалізуецца ў адпаведнасці з правіламі, устаноўленымі для ўсіх грамадскіх аб'яднанняў, у адпаведнасці з Законам Рэспублікі Беларусь «Аб грамадскіх аб'яднаннях» [4]. У краіне дзейнічалі грамадскія арганізацыі нацыянальных супольнасцей, якія ажыццяўлялі культурна-асветніцкія, дабрачынныя і адукацыйныя праграмы пры падтрымцы рэспубліканскіх і мясцовых улад. Дзейнасць усіх нацыянальных фарміраванняў была звязана перш за ўсё з вывучэннем роднай мовы, гісторыі, культуры, мастацтва сваіх народаў, правядзеннем сустрэч, семінараў, святаў, фестываляў, выстаў, канферэнцый, наладжваннем творчых сувязей з краінамі паходжання. Ствараліся культурна-асветніцкія цэнтры, калектывы самадзейнай народнай творчасці і г.д.

Права карыстацца роднай мовай, права выбару мовы зносін, а таксама права на свабоду выбару мовы выхавання і навучання. Паводле перапіса 1999 г. 82%

насельніцтва назвала роднай мовай мову сваёй нацыянальнасці, на мове сваёй нацыянальнасці размаўлялі дома 45% насельніцтва. Згодна дадзеных перапіса 2009 г., гэтыя лічбы складалі адпаведна 60% і 30%.

Артыкул 5 Закона «Аб адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь» устанаўлівае, што ў месцах кампактнага пражывання грамадзян пэўнай нацыянальнасці па заявах законных прадстаўнікоў дзяцей і па рашэнні мясцовых выканаўчых і распарадчых органаў могуць стварацца групы ў дашкольных установах і класы ў агульнаадукацыйных школах, у якіх навучэнне і выхаванне поўнасю або часткова здзяйсняюцца на мове нацыянальнай супольнасці або вывучаецца мова нацыянальнай супольнасці. У адпаведнасці з артыкулам 2 Закона «Аб мовах у Рэспубліцы Беларусь», зацверджанага Указам Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь № 178–3 ад 13.07.1998 г., наша краіна імкнулася праяўляць дзяржаўны клопат аб свабодным развіцці і выкарыстанні ўсіх нацыянальных моў, якімі карысталася насельніцтва рэспублікі. У той жа час заканадаўства Рэспублікі Беларусь не рэгламентуе выкарыстанне моў у неафіцыйных зносінах. Грамадзянам Беларусі гарантавалася права карыстацца іх нацыянальнай мовай, на адукацыю, стварэнне СМІ і развіццё культуры на мовах народаў, прадстаўнікі якіх пражываюць у рэспубліцы, звяртацца ў дзяржаўныя органы, органы мясцовага кіравання і самакіравання, на прадпрыемствы, ва ўстановы, арганізацыі і грамадскія аб'яднанні на беларускай, рускай або іншай дапушчальнай для бакоў мове, праводзіць канферэнцыі, мерапрыемствы на нацыянальных мовах і г.д.

На базе агульнаадукацыйных школ, пазашкольных, клубных, бібліятэчных устаноў сістэм Міністэрства адукацыі і Міністэрства культуры былі створаны школы, класы, факультатывы, гурткі па навучанні на роднай мове, даследаванні гісторыі і культуры нацыянальных супольнасцей. Дзейнічалі школы з польскай і літоўскай мовамі навучання. У 176 агульнаадукацыйных школах быў уведзены этнакультурны кампанент. Было створана больш за пяцьдзсят школ выхаднога дня для прадстаўнікоў армянскай, азербайджанскай, грузінскай, грэчаскай, яўрэйскай, літоўскай, малдаўскай, польскай, нямецкай, татарскай і ўкраінскай нацыянальнасцей, у якіх навучалася каля пяці тысяч чалавек.

Меліся праблемы, якія ўзніклі пры рэалізацыі права на крыстанне роднай мовай. Да іх можна аднесці недахоп падручнікаў, вучэбна-метадычных матэрыялаў, педагагічных кадраў. Значная частка нацыянальных супольнасцей Беларусі была акультурана ў беларускую або рускую культуру, лічыла сваёй роднай мовай беларускую або рускую мову, і ў сувязі з гэтым навучанне на мовах нацыянальных супольнасцей сутыкалася з такімі цяжкасцямі, як слабая паспяховасць, недастатковае засваенне ведаў на практычна незнаёмай мове з-за адсутнасці моўнай практыкі ў паўсядзённым жыцці.

Права на заснаванне сродкаў масавай інфармацыі, выдавецкую дзейнасць, а таксама на атрыманне, захоўванне і распаўсюджванне інфармацыі на роднай мове. У Беларусі выдаваліся газеты і часопісы на рускай, польскай, украінскай мовах. У сувязі з тым, што значная частка прадстаўнікоў этнічных супольнасцей па розных абставінах не валодала сваёй нацыянальнай мовай, то нацыянальныя грамадскія аб'яднанні выдавалі СМІ на рускай і беларускай мовах («Авів», «Берега» – яўрэйскія, «Байрам», «Жизнь» – татарскія, «Как дела» – нямецкая). З-за адсутнасці сродкаў многія аб'яднанні не маглі самастойна выдаваць газету ці часопіс. У даследуемы перыяд дзяржава не прадастаўляла магчымасці нацыянальным аб'яднанням выкарыстоўваць дзяржаўныя сродкі масавай інфармацыі (паласу, старонку, нумар у месяц і г.д.).

Права свабодна выбіраць і быць абраным у дзяржаўныя органы Рэспублікі Беларусь на аснове ўсеагульнага, роўнага, прамога або ўскоснага выбарчага права пры тайным галасаванні. У адпаведнасці з Канстытуцыяй, Выбарчым кодэксам

нацыянальная прыналежнасць асобы не магла паўплываць на рэалізацыю дадзенага права, таму што ніхто не мог быць прымушаны да яе вызначэння. Падчас правядзення першых у Рэспубліцы Беларусь выбараў Прэзідэнта краіны (1994 г.) праводзіўся збор подпісаў аб вылучэнні кандыдатам у Прэзідэнты: Ахрэма Э. – лідара палітычнай партыі «Польскае дэмакратычнае аб'яднанне» (дзейнічала з 1993 г. да 1995 г.); М. Шэляговіча – старшыні грамадска-культурнага аб'яднання «Поліс'есе» [23, арк. 26]. Аднак падзеі паказалі, што арганізацыя, якая прэтэндуе на палітычнае прадстаўніцтва і створаная па нацыянальнаму прызнаку, у Беларусі не мела шанцаў на поспех.

Права роўнага доступу да любых пасадаў у дзяржаўных органах Рэспублікі Беларусь. Нацыянальная прыналежнасць грамадзяніна Рэспублікі Беларусь не фіксавалася якім-небудзь чынам ні ў якіх дакументах і ў сувязі з гэтым не магла ўплываць на рашэнне пры разглядзе дзелавых якасцей кандыдатаў на пасаду ў органах дзяржаўнай улады і кіравання Рэспублікі Беларусь. У сувязі з гэтым адсутнічала фіксаванне нацыянальнай прыналежнасці дзяржаўных служачых і абагульняльная статыстыка па дадзеным пытанні. Хаця пэўныя звесткі па нацыянальным складзе дэпутатаў Віцебскай, Гродзенскай вобласці дазваляюць гаварыць аб іх прадстаўніцтве ў органах улады [17, с. 20].

Права на атрыманне дапамогі з боку дзяржавы ў справе развіцця нацыянальнай культуры і адукацыі і права на захаванне сваёй гісторыка-культурнай і духоўнай спадчыны, свабоднае развіццё культуры, у тым ліку прафесійнага і самадзейнага мастацтва. Дзяржаўныя структуры Беларусі імкнуліся да забеспячэння неабходных умоў для захавання і развіцця культур усіх нацыянальнасцей. Пры гэтым улічваліся аб'ектыўныя асаблівасці фарміравання канкрэтных нацыянальных супольнасцей на тэрыторыі дзяржавы, ступені захавання іх прадстаўнікамі нацыянальнай культуры і мовы, запытаў і рэальных патрабаванняў прадстаўнікоў нацыянальнай групы. У нашай краіне мелася «Праграма мер па рэгуляванні этнаканфесійнай сітуацыі ў Рэспубліцы Беларусь».

У адпаведнасці з Законам «Аб культуры ў Рэспубліцы Беларусь» (18.05.2004 г. была прынята новая рэдакцыя Закона), мэтай дзяржавы абвешчалася адраджэнне і развіццё беларускай нацыянальнай культуры і культур нацыянальных супольнасцей Беларусі як часткі агульнасусветнай культуры. Артыкулам 10 Закона асобам любой нацыянальнасці і этнічнай групы, якія пражывалі на тэрыторыі краіны, гарантавалася права на развіццё сваёй культуры і мовы, на стварэнне нацыянальных школ, прадпрыемстваў, устаноў культуры (тэатраў, музеяў, выдавецтваў і г.д.), аб'яднанняў, асацыяцый, культурна-асветніцкіх таварыстваў, культурных цэнтраў.

У адпаведнасці з артыкулам 8 Закона «Аб нацыянальных меншасцях у Рэспубліцы Беларусь», дзяржава садзейнічала стварэнню ўмоў для развіцця адукацыі і культур нацыянальных супольнасцей, шляхам выдзялення з рэспубліканскага і мясцовага бюджэтаў неабходных для гэтага грашовых сродкаў. Яны выдаткоўваліся без выдзялення іх з агульных расходаў на адукацыю ў Рэспубліцы Беларусь. З мясцовых бюджэтаў фінансавалася развіццё прафесійнага і самадзейнага мастацтва, дацэравалася дзейнасць устаноў культуры, створаных нацыянальнымі культурнымі аб'яднаннямі. Напрацаваны за апошнія гады вопыт па дзяржаўнай падтрымцы нацыянальна-культурных фарміраванняў акумуляваўся ў фестывалях нацыянальных культур. Былі створаны мінімальна неабходныя ўмовы для захавання і развіцця культуры нацыянальных супольнасцей, дзейнасці іх арганізацый, устаноў культуры і адукацыі. Артыкул 10 прадугледжваў падрыхтоўку спецыялістаў для забеспячэння інтарэсаў нацменшасцей у галіне адукацыі і культуры устаноў адукацыі Рэспублікі Беларусь. У адпаведнасці з артыкулам 11, помнікі гісторыі і культуры нацыянальных

супольнасцей, якія знаходзіліся на тэрыторыі краіны, з'яўляліся часткай культуры Рэспублікі Беларусь і ахоўваліся дзяржавай.

Захаванню гісторыка-культурнай спадчыны нацыянальных супольнасцей садзейнічалі шэраг заканадаўчых актаў і пастаноў. Сярод іх найбольш важныя: пастанова Урада Рэспублікі Беларусь № 579 ад 6.05.2002 г. «Аб пытаннях захавання гісторыка-культурнай спадчыны» [6], Указ Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь № 527 ад 18.10.2007 г. «Аб некаторых пытаннях аховы гісторыка-культурнай спадчыны» [7]. 9.01.2006 г. з'явілася новая рэдакцыя Закона «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь» [2]. Згодна артыкула 4, грамадскія аб'яднанні маглі аказваць дзяржаўным органам садзейнічанне ў рэалізацыі дзяржаўнай палітыкі ў сферы аховы гісторыка-культурнай спадчыны.

Права на ўстанаўленне культурных сувязей з суайчыннікамі за межамі Рэспублікі Беларусь. Гэта права ў практыцы дзейнасці нацыянальных культурных аб'яднанняў і дзяржаўных органаў Беларусі з-за адсутнасці спецыяльнай рэгламентацыі разглядалася даволі шырока. Сувязі з суайчыннікамі за мяжой здзяйсняліся нацыянальнымі культурнымі аб'яднаннямі ў адпаведнасці з артыкулам 30 Закона «Аб грамадскіх аб'яднаннях» [4], дзе замацавана, што грамадскія аб'яднанні маглі ўступаць у міжнародныя грамадскія аб'яднанні, удзельнічаць у стварэнні міжнародных саюзаў грамадскіх аб'яднанняў, падтрымліваць прамыя міжнародныя кантакты і сувязі, заключаць адпаведныя дамовы і пагадненні, прадпрымаць іншыя захады, якія не супярэчлівы заканадаўству Рэспублікі Беларусь і яе міжнародным абавязкам.

Права вызнаваць любую рэлігію ці не вызнаваць ніякай, удзельнічаць у выкананні рэлігійных культаў, рытуалаў, абрадаў на роднай мове. Гэтае права рэгулявалася Законам РБ «Аб свабодзе веравызнання і рэлігійных арганізацыях», які быў прыняты ў снежні 1992 г. [24, с. 17]. У рыма-каталіцкіх касцёлах вяліся набажэнствы на польскай і беларускай мовах.

Артыкул 12 Закона «Аб нацыянальных меншасцях у РБ» забараняе стварэнне і дзейнасць грамадскіх аб'яднанняў нацменшасцей, калі гэта супярэчыць заканадаўству Рэспублікі Беларусь аб грамадскіх аб'яднаннях, альбо калі грамадскія аб'яднанні нацменшасцей арганізацыйна злучаны ці з'яўляюцца часткай палітычнай арганізацыі замежнай дзяржавы. Артыкул 3 Закона прадугледжвае, што грамадзяне, якія адносяць сябе да нацыянальных меншасцей, павінны выконваць Канстытуцыю Рэспублікі Беларусь і іншыя заканадаўчыя акты рэспублікі, садзейнічаць захаванню суверэнітэта і тэрытарыяльнай цэласнасці дзяржавы, паважаць традыцыі грамадзян усіх нацыянальнасцей, якія пражываюць на яе тэрыторыі, іх мову і культуру.

Аналіз заканадаўства РБ 1991–2010 гг. дазваляе гаварыць аб яго пэўнай недапрацаванасці. Адною з галоўных праблем з'яўлялася недакладнасць тэрміналогіі. Так, артыкулам 14 Канстытуцыі замацаваны тэрмін «нацыянальныя супольнасці». Але ў нарматыўных актах, якія з'явіліся пазней, выкарыстоўваўся тэрмін «нацыянальныя меншасці»: Закон «Аб нацыянальных меншасцях у Рэспубліцы Беларусь» 2003 г., Закон «Аб унясенні змяненняў і дапаўненняў у Закон Рэспублікі Беларусь «Аб мовах у Рэспубліцы Беларусь» 1998 г. [3, с. 25–26; 13, с. 58–62]. На міжнародным узроўні таксама замацаваны тэрмін «нацыянальныя меншасці». Неабходна вызначыцца на адным тэрміне і выкарыстоўваць яго ва ўсёй заканадаўчай базе краіны.

Недахопам тэкстаў законаў з'яўлялася наяўнасць у артыкулах слоў «або», агаворак «могуць стварацца», «па рашэнні выканаўчых і распарадчых органаў». Яны парушалі прынцып артыкула 22 Канстытуцыі аб роўнасці правоў і законных інтарэсаў.

У 2003 г. пад эгідай ГА «Цэнтр па правах чалавека» ў Мінску праходзіла Міжнародная канферэнцыя на тэму «Міжнародна-прававая абарона нацыянальных супольнасцей». Удзельнічалі ў ёй прадстаўнікі органаў судовай і выканаўчай улады

Беларусі, вучоныя, юрысты, прадстаўнікі нацыянальных супольнасцей, эксперты з Вялікабрытаніі, Польшчы, Расіі, ЗША. Быў прыняты выніковы дакумент. У ім, у прыватнасці, адзначалася «ў цэлым станоўчая сітуацыя з забеспячэннем праў нацменшасцей на тэрыторыі Рэспублікі Беларусь». Сярод іншага ў рэзалюцыі прагучалі прапановы пра «ўнясенне ў айчыннае заканадаўства паняцця «нацыянальныя меншасці», ўвядзенне закона аб рэстытуцыі, ўнясенне змен у выбарчае заканадаўства для забеспячэння адпаведнага прадстаўніцтва нацыянальных меншасцей у органах улады» [17, с. 52].

Напрыканцы варта адзначыць, што заканадаўства Рэспублікі Беларусь давала магчымасць грамадзянам, якія адносілі сябе да нацыянальных супольнасцей, удзельнічаць у працэсе прыняцця рашэнняў па праблемах, якія закраналі іх правы і інтарэсы, наступнымі шляхамі:

- 1) удзельнічаць у палітычным працэсе (артыкулы 37, 38 Канстытуцыі РБ);
- 2) ствараць і ўдзельнічаць у грамадскіх аб'яднанняў нацыянальна-культурнай накіраванасці (артыкул 36 Канстытуцыі РБ);
- 3) звяртацца ў органы дзяржаўнай і мясцовай улады па актуальных праблемах (артыкул 40 Канстытуцыі РБ), прычым прадугледжана асабістая адказнасць чыноўнікаў за ігнараванне зваротаў грамадзян.

Заклучэнне

Такім чынам можна сцвярджаць, што беларуская Канстытуцыя і заканадаўства Рэспублікі Беларусь у сферы міжнацыянальных адносін забяспечвалі досыць камфортныя ўмовы для развіцця нацыянальных супольнасцей краіны. Гэта дазваляла праводзіць у жыццё прынцыпы нацыянальнай палітыкі, накіраванай на свабоднае развіццё культур, моў, традыцый усіх нацыянальных супольнасцей на аснове роўнасці, павагі і ўліку іх правоў і інтарэсаў.

Заканадаўства Рэспублікі Беларусь у сферы гарантый правоў асоб, якія належылі да нацыянальных супольнасцей, па заключэнні аўтарытэтных замежных экспертаў, адпавядала міжнародным стандартам.

Палітыка дзяржаўнай улады ў адносінах да грамадскага і культурнага развіцця нацыянальных супольнасцей Беларусі ў даследуемы перыяд насіла характар пратэксцыянізму і праводзілася ў цэлым выверанымі, прадуманымі крокамі пры наяўнасці пэўных недахопаў, якія можна выправіць. У дзеяннях уладаў прасочвалася тэндэнцыя да комплекснага вырашэння існуючых праблем нацыянальных супольнасцей. З пачатку XXI ст. заўважаецца імкненне да кантролю і рэгулявання грамадскай дзейнасцю, пераважае падтрымка інтэрнацыянальнага і выкарыстоўванне праграмных метадаў працы.

Характарызуючы сітуацыю, звязаную з міжнацыянальнымі адносінамі ў Рэспубліцы Беларусь, неабходна адзначыць яе стабільнасць і ўнікальнасць, што выражалася ў адсутнасці антаганістычных сутычак і канфліктаў на этнічнай, расавай, лінгвістычнай ці канфесіянальнай аснове. Такое становішча тлумачыцца менталітэтам беларускага народа, гістарычнымі традыцыямі мірнага міжэтнічнага супрацоўніцтва, даўнімі і трывалымі сувязямі паміж этнічнымі групамі, якія пражывалі на тэрыторыі Беларусі, у пэўнай ступені адносна невялікай колькасцю прадстаўнікоў неславянскага насельніцтва, а таксама нормамі заканадаўства ў сферы міжнацыянальных адносін.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями,

принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2008. – 64 с.

2. Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь: Закон Рэсп. Беларусь, 9.01.2006 г., № 98-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь (НРПА). – 2006. – № 9. – 2/1195.

3. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь»: Закон Рэсп. Беларусь, 5.01.2004 г., № 261-3 // НРПА. – 2004. – № 4. – С. 25–26.

4. Об общественных объединениях: Закон Республики Беларусь, 4 окт. 1994 г., № 3254 – XII: текст по сост. на 23 сент. 2004 г. – Минск : Дикта, 2004. – 16 с.

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь. – Минск : Амалфея, 2004. – 320 с.

6. О вопросах сохранения историко-культурного наследия: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 6 мая 2002 г., № 579 // НРПА. – 2002. – № 55. – 5/10410.

7. Аб некаторых пытаннях аховы гісторыка-культурнай спадчыны: Указ Президента Республики Беларусь, 18 окт. 2007 г., № 527 // НРПА. – 2007. – № 252. – 1/9038.

8. Лукашенко, А.Г. Послание Президента Национальному собранию. Речь от 7 апреля 1999 г. / А.Г. Лукашенко // Советская Белоруссия. – 1999. – 8 апр. – С. 1–3.

9. Лукашенко, А.Г. Послание Президента А.Г. Лукашенко участникам I Конгресса деятелей культуры стран СНГ / А.Г. Лукашенко // Рэспубліка. – 1996. – 31 мая. – С. 3.

10. Государство для народа : Доклад Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко // Государство для народа: документы и материалы Третьего Всебелорусского собрания, 2–3 марта 2006 года, Минск ; редкол.: А.Н. Рубинов [и др.]. – Минск : Беларусь, 2006. – С. 9–74.

11. Билык, А.Н. Законодательное обеспечение прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и его реализация в Республике Беларусь / А.Н. Билык, Ю.М. Уральский // Этнічныя супольнасці ў Беларусі: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы навук. канф., Мінск, 6–7 снежня 2001 г. / У.І. Навіцкі, М.С. Сташкевіч. – Мінск : «Дэполіс», 2001. – С. 310–318.

12. Бурая, Н.В. Уплыў дзяржаўнай палітыкі на развіццё нацыянальных і канфесіянальных адносін у Беларусі (1992–2004 гг.) / Н.В. Бурая // Весці БДПУ. Сер. 2. – 2007. – № 1. – С. 46–49.

13. Иоффе, Э.Г. Проблемы реализации прав национальных общностей и законодательство Республики Беларусь / Э.Г. Иоффе // Чалавек. Грамадства. Свет. – 2005. – № 1. – С. 58–62.

14. Ковалёва, Н.В. Процесс социокультурного развития национальных меньшинств в Республике Беларусь / Н.В. Ковалёва // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе : сб. материалов междунар. науч. конф., Гродно, 9–10 дек. 2000 г. : Гродн. гос. ун-т; редкол.: М.А. Можейко [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2000. – С. 67–69.

15. Лившиц, А. Развитие белорусского законодательства против антисемитизма, расовой и национальной вражды или дискриминации / А. Лившиц // Беларусь у XX ст. Вып.1. – Мінск : «Водолей», 2002. – С. 110–114.

16. Макрушич, Е.Н. Этнокультурная политика в отношении национальных меньшинств в Республике Беларусь (1995–1998 гг.) / Е.Н. Макрушич // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1. – 2008. – № 1. – С. 49–55.

17. Пушкін, І.А. Нацыянальныя супольнасці Беларусі: грамадска-палітычная і культурна-асветніцкая дзейнасць (1990–2005 гг.) : манаграфія / І.А. Пушкін. – Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2007. – 206 с.

18. Рагімаў, А. Міграцыя народаў Каўказа ў Рэспубліку Беларусь у 1980–1990-я гады / А. Рагімаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2004. – № 11. – С. 33–40.
19. Рыбаков, М.Л. О межнациональных отношениях и государственной политике в Республике Беларусь / М.Л. Рыбаков // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе : сб. науч. ст. / ГрГУ им Я. Купалы; редкол. : М.А. Можейко [отв. ред.]. – Гродно : ГрГУ, 2010. – С. 19–22.
20. Kruczkowski, T. Polacy jako mniejszość narodowa na Białorusi – warunki egzystencji i perspektywę / T. Kruczkowski // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси : материалы Междунар. науч. конф., Гродно, 7–9 нояб. 2003 г. / Обществ. объединение «Союз поляков на Беларуси». – Барановичи, 2004. – С. 115–138.
21. Winnicki, Z. Status publiczno-prawny polskiej mniejszości narodowej w Republice Białoruś / Z. Winnicki // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси : материалы Междунар. науч. конф., Гродно, 7–9 нояб. 2003 г. / Обществ. объединение «Союз поляков на Беларуси». – Барановичи, 2004. – С. 7–33.
22. Абарона правоў асоб, якія належаць да нацыянальных супольнасцей Рэспублікі Беларусь : даведнік / Склад. Н.В. Ходар. – Мінск : «Энцыклапедыкс», 2004. – 272 с.
23. Вынікі сбору подпісаў за вылучэнне кандыдатаў у Прэзідэнты Рэспублікі Беларусь // Дзяржаўны архіў Магілёўскай вобласці. – Фонд 7. – Воп. 5. – Спр. 4248.
24. Барыс, С. Адраджэнне рэлігійнага жыцця ў Беларусі ў 1988–2003 гг. / С. Барыс // Беларускі гістарычны часопіс. – 2004. – № 5. – С. 16–27.

Pushkin I.A. The Legal Basis of Relations between Nationalities in the Republic of Belarus (1991–2010)

The legal rights of persons belonging to national communities, and its implementation in the Republic of Belarus in the 1991–2010 years are studied and analyzed in the article. We study the political and legal basis for the participation of ethnic communities in social and cultural life of Belarus. It is concluded that the necessary conditions for self-ethnic communities exist in the republic. The basic policies of state power in the relation to the national community are revealed. The findings of compliance with the legislation of the Republic of Belarus in the sphere of international relations to international standards and implementation of policies aimed at the free development of the cultures and traditions of all ethnic communities on the principles of equality, respect and regard for their rights and interests are substantiated.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 11.02.2012

УДК 32.01

А.П. Мельников

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КИТАЯ

Статья посвящена рассмотрению политической культуры Китая. Значительное внимание уделяется историческим и политическим детерминантам политической культуры, специфическим чертам национального характера китайского народа, их влиянию на политический менталитет. Основное внимание автор сосредоточивает на раскрытии особенностей политической культуры китайского общества.

Политическая культура в самом общем плане – это совокупность политических знаний, убеждений и принципов, проявляющихся в способах и результатах политической деятельности людей. Она демонстрирует, насколько человеком освоены общезначимые и признанные образцы политического мышления и поведения. Политическая культура любого социума своеобразна, она обладает неповторимой национальной спецификой, особенностями или чертами, которые характерны только для данного народа и истоки которых уходят в глубину веков, кроются в его истории, национальном характере, традициях, менталитете в целом.

Изучение политической культуры Китая неразрывно связано, прежде всего, с необходимостью её антропологического измерения, воспроизведения духовного аспекта культуры, восходящего к ценностно-смысловым и личностным политическим структурам, сформированным традиционной системой китайского мышления и концептуально представленным как «внутреннее». Поэтому для понимания политической культуры китайского общества необходимо хотя бы вкратце реконструировать систему традиционных ценностей, лежащую в ее основе. Это позволит соотнести ценностно-смысловые позиции самого познающего субъекта с изучаемой политической культурой в отношениях «человек – политическая культура».

Анализ политической культуры Китая в политологическом аспекте в обобщённом виде представляет её как определенный способ существования политической системы. Концепция политической культуры как бы «снимает» в интегрированном виде весь опыт существования, функционирования и развития политической сферы китайского общества. Политическая культура Китая предстаёт как объективированный процесс, который содержит сумму воздействий субъективных факторов с функционированием объективных властных механизмов и отношений, составляющих в итоге содержание политической системы китайского общества, характеризующееся выраженными процессами традиционализма и модернизма.

Что же представляет собой политическая система Китая? Вначале отметим, что Китай – самая большая по численности населения страна в мире и одна из древнейших цивилизаций, которая возникла более 5 тысяч лет тому назад.

Нынешнее государство – Китайская Народная Республика – была провозглашена 1 октября 1949 г. после победы Коммунистической партии Китая (КПК) в гражданской войне. Китай был объявлен государством народной демократии. КПК как руководящая сила общества установила новую систему власти – «демократическую диктатуру народа», целью которой являлось строительство социализма. Согласно поправкам к последней Конституции, принятой в 1982 г., в стране признано право граждан на частную собственность, а также провозглашены права человека.

Высшим органом государственной власти в КНР является Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП). Это однопалатное представительное собрание,

члены которого избираются собраниями провинций и подразделениями вооружённых сил, которые, в свою очередь, избираются нижестоящими собраниями. Срок полномочий ВСНП, насчитывающего около 3 тысяч депутатов, 5 лет.

ВСНП вносит изменения в конституцию, контролирует её исполнение, принимает законы и вносит изменения в них, избирает председателя КНР и его заместителя, утверждает премьера Госсовета и по его представлению заместителей премьера, членов Госсовета и других высших сотрудников государственной администрации. ВСНП избирает председателя Центрального военного совета и утверждает его других членов, избирает также председателя Верховного народного суда, Генерального прокурора Верховной народной прокуратуры, рассматривает и утверждает планы экономического развития, государственный бюджет, решает вопросы войны и мира и др.

В перерывах между сессиями ВСНП его постоянно действующим рабочим органом является Постоянный комитет, состоящий из 150 человек. Конституция 1982 г. значительно повысила его роль, ныне он исполняет почти все функции громоздкого ВСНП. Как считают специалисты, это уникальный случай в послевоенной истории социалистических стран, когда Основной закон наделил полномочиями принимать общегосударственные законы не только высший представительный орган государственной власти, но и его Постоянный комитет – высший коллегиальный орган государственной власти. Этому решению предшествовала длительная дискуссия в партийных, юридических и научных кругах [1, с. 226].

Функции главы государства в стране выполняет председатель КНР, избираемый сроком на 5 лет и имеющий право избираться на следующий срок, но не более чем на 2 срока. Согласно Конституции 1982 г., это церемониальная структура власти: председатель обязан подписывать законы, принятые ВСНП, назначать премьера, вице-премьеров, членов Государственного совета, послов в зарубежные страны. Он может издавать специальные декреты, вводить чрезвычайное положение, объявлять войну.

Высшим исполнительным органом власти в современном Китае является Государственный совет КНР, именуемый также Центральным народным правительством. Он формируется ВСНП и подчиняется ему, а также Постоянному комитету. В состав Госсовета входит премьер и его заместители, члены Госсовета, министры, председатели государственных комитетов и комиссий, генеральный ревизор и начальник секретариата. Постоянный комитет Госсовета состоит из премьера, его, заместителей, членов Госсовета и ответственного секретаря. По мнению экспертов, китайское правительство не является структурой, уступающей по своему влиянию соответствующим партийным органам. Это происходит из-за пересекающегося членства в Политбюро ЦК КПК и Государственном совете.

В конце 70-х годов прошлого века руководство Китая, не отказываясь на словах от конечной цели – построения коммунизма, – разрабатывая и реализуя ближайшие планы, стало оперировать не социалистическими лозунгами, а прагматическими категориями. Высшими приоритетами государства и основной задачей Коммунистической партии были объявлены экономический рост и личное благосостояние граждан. Прагматическая фракция в КПК во главе с Дэн Сяопином приступила к осуществлению радикальных реформ в экономике с целью построения рыночного социализма, социалистических рыночных отношений. В декабре 1978 г. декабрьский пленум ЦК КПК принял стратегию четырёх модернизаций в области сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники с целью превращения Китая к началу XX в. в одну из ведущих держав мира. Акценты были сделаны на постепенное освобождение частной инициативы, ослабление государственного контроля над экономикой, повышение жизненного уровня населения. Была провозглашена политика «открытых дверей». Правительство предприняло значительные усилия по привлечению в страну иностранного капи-

тала и современных технологий. Китайская экономика стала активно интегрироваться в мировую экономику.

На пути экономических реформ Китай добился огромных успехов. По объему ВВП он вышел на второе место в мире, обогнав Японию. Экономические реформы в КНР смогли в какой-то мере подтолкнуть общество к переосмыслению своей истории и бытия, к восприятию новых экономических и политических идей, к признанию совершенно незнакомых для императорского, гоминдановского и коммунистического времени Мао Цзэдуна Китая определённых общечеловеческих ценностей; именно они инициировали развитие демократических тенденций в стране.

Вместе с тем рыночные реформы в Китае не сопровождались серьёзными политическими преобразованиями, демократизацией общества и государства. К середине 1990-х годов выявилось отставание реформы политической системы от реформирования экономики [2, с. 72]. Более того, реформы сопровождались усилением политического контроля над обществом. Хотя в стране вроде бы существует многопартийность, однако союзнические демократические партии фактически не допускаются к реальным рычагам власти [3, с. 493–494]. Поощряя рыночное хозяйство, руководство КНР отвергает политический плюрализм. Руководитель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей У Банго заявил, что «существующая разница между политическими системами Китая и «западных капиталистических стран» сохранится и в дальнейшем, и призвал депутатов сохранять «правильную политическую ориентацию». Китайская политическая система, по словам У Банго, – это «многопартийное сотрудничество и политические консультации под руководством КПК, а не многопартийная система Запада. Коммунистическая партия – руководящее ядро, правящая партия, а другие демократические партии – лишь активные участники демократического процесса» [4, с. 53]. Тем самым У Банго дал ответ тем, кто выступает за многопартийное поочерёдное правление, разделение властей, фракционную борьбу в парламенте и т.д. Руководящая роль 73-миллионной Коммунистической партии Китая остаётся неизменной, хотя и предусматривается дальнейшая демократизация общественной жизни, активизация участия масс в политическом процессе [2, с. 76–77].

Таким образом, несмотря на все оговорки, в КНР идёт поиск духовно-политической надстройки, которая могла бы синхронно сочетаться с экономическими преобразованиями, процессами модернизации. Речь идёт по сути о дальнейшей реформе политической системы, а этот процесс неразрывно связан с политической культурой общества. Политическая культура любого общества во многом детерминирована национальным характером, национальными традициями в политическом поведении, которые, сохраняя историческую непрерывность политического процесса той или иной социальной общности, формируют механизм наследования новыми поколениями наиболее устойчивых и специфических элементов культуры.

Отличительными особенностями национального характера китайцев является верность традициям и коллективизм. Коллективизм традиционен для Китая. Как отмечают многие исследователи, китайцы обычно связаны групповой ответственностью тех социальных образований, в которые они входят. Это прежде всего семья, школа, рабочая ячейка и община, интересы которых являются приоритетными. Это связывает во многом их инициативу, индивидуальные устремления, лишает социальной и территориальной мобильности. С точки зрения европейских традиций, некоторые рассматривают это как негатив, ограничение прав и свобод личности. «Если обратиться к культурно-мировоззренческим истокам подобных приоритетов, – пишет В.В. Анохина, – то станет очевидным, что отсутствие индивидуалистических ориентаций в традиционной китайской культуре, безусловный примат целого над частью, государства над индивидом, а также другие ценностные установки китайской традиции не способствуют

формированию в национальном менталитете принципа уважения личности, её прав и свобод» [5, с. 50]. В общем и целом, объективно так оно и есть. Однако сами китайцы в силу своих традиций и особенностей менталитета, по-видимому, так не считают.

Отличительными особенностями национальной психологии, национального характера китайского народа являются прилежание, трудолюбие, дисциплинированность, вежливость. Как отмечает А. Пожидаева, «им трудно отказать в трудолюбии, добросовестности, терпении, скромности, беспристрастности, непритязательности и бережливости. Они кажутся гармоничными в отношениях друг с другом (хорошо работают в команде), а с иностранцами обычно вежливы и уступчивы [6, с. 76].

Для того, чтобы понять, почему для китайцев характерны названные черты менталитета, а следовательно, и особенности их политической культуры, следует рассмотреть некоторые истоки их мировоззрения, религиозно-философских учений. На формирование политических взглядов китайцев важнейшее влияние оказали четыре учения: даосизм, буддизм, легизм и конфуцианство. При этом центральное место аналитики отводят конфуцианству. Данный факт объясняется как сущностью, так и историей развития перечисленных учений.

Так, в основу *даосизма* положен принцип «дао», что означает «путь», закономерности развития природы, смысл жизненного пути человека, бытия и концепция «недействия», которая подразумевает «не ничего неделание», а гармоничное встраивание индивида в «дао». Иными словами, главная жизненная задача человека – это соблюдение меры вещей, «недеяние», трактуемое не как пассивность, а как такая деятельность, которая не нарушает гармонии природы и человека. Поскольку указанная концепция стремится минимизировать политическое действие, то даосизм в какой-то мере можно рассматривать как уход от политических реалий.

Буддизм как религиозно-философское учение, возникшее в Индии и получившее значительное распространение в Китае, тоже не мог не сказаться на политической культуре китайского общества. Его основное содержание – вера в перевоплощение душ и освобождение человека от земных страданий. Поскольку страдание зависит от определённых условий, оно может быть прекращено в случае, если будут устранены эти условия. Путь освобождения – нравственное совершенствование. Он предполагает достижение «правильной решимости», правдивой речи, доброго поведения и праведной жизни через честное добывание средств к существованию. Всё это просветляет ум и порождает спокойствие. Политический аспект в этом учении занимает минимальное место. Его значимость для политической культуры – в гуманистической направленности.

Полной противоположностью даосизму и буддизму является *легизм* (школа закона) – материалистическое, политико-ориентированное течение, легитимирующее абсолютную власть суверена, а также самые радикальные меры по её поддержанию. Особое значение в нем придавалось обузданию человеческой природы посредством жестоких законов и насильственного характера их воплощения по принципу «доброта и человечность – мать проступков». Сторонники этого учения постулировали изначальное зло человеческой природы, проявляющееся в стремлении к собственным интересам наперекор общественному благу. Единственный способ преодоления этого – насильственное установление тотального государственного контроля над личностью.

Отдельные элементы легизма были заимствованы *конфуцианством*. Конфуцианство можно рассматривать как некую золотую середину между даосизмом и буддизмом, с одной стороны, с их аполитизмом, и легизмом – с другой, с его склонностью к чёткому позитивизму и реальной политике. С конфуцианством неразрывно связаны такие добродетели, как терпение, миролюбие и умение найти компромисс; предпочтение «золотой середины» во всём; неизменное благоговение перед предками, пожилыми и учёными людьми, а также зрелый гуманизм, ставящий человека в центр вселенной.

Важнейшей добродетелью в конфуцианстве является «верность долгу». Любой «благородный муж», утверждал Конфуций (в его понимании «благородный муж» – это нравственно полноценный человек), должен в своем поведении руководствоваться чувством долга. Эта нравственная норма трактовалась конфуцианцами не просто как выполнение обязанностей, а значительно шире. «Благородный муж, – поучал Конфуций, – ко всему подходит в соответствии с долгом; совершает поступки, основываясь на ритуале, в словах скромно, в поступках правдив» [7, с. 570]. Чувство долга тесно увязывалось конфуцианцами с честью, понимаемой как моральное право на уважение и общественное признание.

Центральным звеном политической доктрины конфуцианства выступает учение об идеальном государстве, целью которого является достижение гармонии во взаимоотношениях правителей и подданных и обеспечение такого социального порядка, где каждый должен жить в согласии с природой, а также с самим собой и другими людьми. Государство рассматривалось как механизм поддержания порядка и общения между людьми, регулирующий отношения между управляющими и управляемыми.

Конфуций развивал патерналистскую концепцию государства, которое трактуется им как большая семья. Власть императора уподобляется власти отца, а отношения правящих и подданных – семейным отношениям, где младшие зависят от старших. Изображаемая Конфуцием социально-политическая иерархия строится на принципе неравенства людей: «простолюдины», «низкие», «младшие» должны подчиняться «благородным мужам», «лучшим», «старшим». Призвание царя – накормить народ, обогатить и обучить его.

Будучи сторонником ненасильственных методов правления, Конфуций призывал правителей, чиновников и подданных строить свои взаимоотношения на началах добродетели, нравственности. Этот призыв прежде всего обращён к правящим, поскольку соблюдение ими требований добродетели играет решающую роль и предопределяет господство норм нравственности в поведении подданных. Впрочем, одной нравственности чиновников было мало для поддержания порядка и справедливости. Основу стабильности Конфуций видел в чёткой организации и формализации общественной деятельности, в том, чтобы каждый соблюдал свои обязанности и находился на отведённом ему месте. В свою очередь, основная добродетель подданных, по Конфуцию, состоит в преданности правителю, в послушании и почтительности к «старшим». Политическая этика Конфуция в целом направлена на достижение мира между верхами и низами общества и стабилизацию правления. Помимо чисто моральных факторов, он обращает внимание и на необходимость преодоления процессов поляризации богатства и бедности среди населения.

Конфуцианство отличается от легизма и даоизма значительным гуманизмом, что позволяет говорить о наличии в нём демократических черт. Гуманизм заключается не только в идее создания системы добродетельного консенсусного правления, но и в том, что Конфуций создал картину мира, избавленную от демонов и духов, поставив в центр её человека и тем самым, возвысил ценность человеческой личности.

Классическая китайская цивилизация в первоначальной форме уже давно исчерпала себя. Но конфуцианские ценности в морально-политической сфере, трансформируясь и модернизируясь, остаются традиционно прежними. Социальная гармония и личное благополучие достигаются в том числе соблюдением принципов конфуцианского общественного порядка. Целостность и могущество государства обеспечиваются моральным авторитетом властей и признанием его низами. Иными словами, конфуцианская традиция всегда искала гармонии в обществе и стремилась к усовершенствованию земной жизни политическими средствами. Конфуцианская этика создаёт прочные основы политической организации, поскольку выполнение социальных обязанностей

здесь обретает высший смысл. Всё это, естественно, не могло не найти отражения в политической культуре китайского общества.

Сила традиций оказалась очень живучей. Об этом свидетельствует хотя бы то, что, несмотря на огромные усилия, направленные Коммунистической партией Китая на формирование новой политической культуры населения и новой социалистической личности, эта задача в КНР так и не была решена, хотя руководство страны умело использовало многие элементы традиционной политической культуры для упрочения своего господства. Например, те же патриархальные отношения в семье, подчинение младших старшим служили моделью политических отношений. Ценности патриархальности в видоизменённой форме были использованы в социалистическом Китае, когда на смену императору пришли руководители компартии, а на смену конфуцианству – марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна. Они помогли легитимировать власть в глазах народа. Ту же роль сыграла идея конфуцианства о нравственном патерналистском начале верховной власти, которая обладает единственно верным учением, высшей добродетелью и неустанно, по-отечески заботится о благе простого человека.

На новый политический режим и его идеологию «работали» также коллективистские традиции конфуцианства, ибо основу коммунистической идеологии как раз и составляет идея коллективизма в противовес буржуазно-либеральному индивидуализму. Можно сказать, что коммунистическая идеология нашла в Китае с его конфуцианскими традициями очень благодатную почву. И тем не менее сформировать «нового человека» и создать царство справедливости не получилось.

Что касается политической культуры современного Китая, то, согласно исследованиям социологов, большинство китайцев по-прежнему разделяет традиционные конфуцианские ценности и строит своё социальное поведение в соответствии с ними. Более того, глобализация даже усилила национальные чувства китайцев, обострила их социокультурную идентичность. Отсюда некоторые исследователи делают вывод, что конфуцианские традиции противоречат модернизации Китая. Трактую политическую культуру конфуцианско-буддийской цивилизации как этатистскую, они подчёркивают, что либерально-демократические ценности по определению чужды китайской культуре, что они противоречат принципу индивидуализма, что конфуцианское требование социальной справедливости как принцип морали несовместим с принципом конкуренции, что нравственные ценности в конфуцианстве ставятся выше материальной заинтересованности и т.д. В этой связи В.В. Анохина пишет: «Если обратиться к культурно-мировоззренческим истокам подобных приоритетов, то станет очевидным, что отсутствие индивидуалистических ориентаций в традиционной китайской культуре, безусловный примат целого над частью, государства над индивидом, а также другие ценностные установки китайской традиции не способствуют формированию в национальном менталитете принципа уважения личности, её прав и свобод. Более того, древняя даосистская традиция, тесно переплетавшаяся в истории китайской культуры с буддизмом, вообще полагает личностное начало в человеке источником всех бед и заблуждений, препятствующих естественному ритму космического Дао. Поэтому в китайской ментальности нет установки на признание блага человека, неотчуждаемости его права на жизнь, свободу и социальное благополучие решающим критерием оценки общества и всех его социальных институтов. Подобная система ценностей, являющаяся безусловным достоянием европейской цивилизации, не может служить адекватным мериллом оценки китайского понимания качества жизни» [5, с. 56].

С одной стороны, это вроде бы действительно так. С другой – нельзя отрицать, что современный Китай, Япония, Южная Корея демонстрируют особенности конфуцианско-буддийской политической культуры в условиях высокого динамизма современного общества. Нынешние масштабные реформы в Китае, экономическая и политиче-

ская модернізацыя праводзіцца цэнтралізаванна, поўнасьцю кантралююцца власьцямі, і рыначная эканоміка ўспешна разьвіваецца пад кантралем гасударства. Усе гэта дае аснову палягаць, што ў сучаснай палітычнай культуры тыхоокеанскіх краін этатызм прыйшоў да творчага злучэньня з рыначнымі адносінамі. І палітычную культуру канфуцыянска-буддыскай цывілізацыі можна інтэрпрэтаваць як этатысцкую. Яна характарызуецца высокай унутранай гомэгеннасьцю, ібо складалася ў ўмовах значнага этнакультурнага аднароднага насельніцтва, што дапамагае падтрымліваць высокі ўзровень нацыянальнай самоідэнтыфікацыі, нацыянальнага самасьвяданьня, унутрыэтнічнай солідарнасьці.

Вместе с тем, вопреки широко распространённому мнению, эта культура внутренне не замкнута и не этноцентрична. Она вполне способна гибко воспринимать инокультурные ценности, но не механически перенося на свою национальную почву, а «переваривая», приспособляя их к своему национальному бытию. Ведь ни для кого не секрет, что модернізацыя ў Кітаі суправаджаецца актывным пранікнэньнем ў краіну інастранныга капітала, расшырэньнем камунікацыйна-інфармацыйнага абмену, распаўсюдзеньнем заходніх стэрэатыпаў успрыяць і ацэнкі дзейснасьці. Кромэ таго, грамадзяне Кітаю маюць магчымасьць з дапамогай многалічных СМІ, Інтэрнэту, пудэштэвіяў і кантактаў з інастранцамі палучаць агомнае калічэства інфармацыі, ў том лісьце і крытычнай, па адносіньню да дзейснай власьці. Аднак ад гэтага кітайская культура не размываецца, не становіцца менш «кітайскай». У апрадэляньм сьмьслэ сінтэз заходніх цэньнасьцяў і канфуцыянска-буддыскай традыцыі ў многам апрадэляе сутнасьць сучаснага этапа палітыка-культурнага разьвіцьця не толькі Кітаю, но ўсёга Азіатска-Тыхоокеанскага рэгіяна.

Отсюда важнейшей характеристикой политической культуры канфуцыянска-буддыскага тыпа сьледуе лічыць гібкасць спасьбнасьць да рэінтэрпрэтацыі традыцыйных цэньнасьцяў ў духе сучаснасьці, да перманэнтнаму самоабунаўленьню, да творчаму успрыяць і апрадэцыі інакультурных влїяньняў с апрай на нацыянальную традыцыю. Імьнна зьдэсь ў значнага ступьня скрыта разгадка «тыхоокеанскага чуда» – гігантскага рыўка «азіатскіх драконаў», да і самага Кітаю, практычна ў ўсех сфэрах жыцьця.

Многие особенности традиционной политической культуры не только не препятствуют обновлению современного Китая, но, напротив, способствуют его модернізацыі і дэмакратызацыі. Взяць хоць бы такія асабнасьці канфуцыянскай традыцыі, як прагматызм, энэргічнае і дэятельнае адносіньне да жыцьця, чувства даўга, сацыяльнай адветнасьці, тудалюбіе. Канфуцыянская этыка падчэрківае, што дабрадэятельны чалавек даўна пастаянна садействаваць прагрэсу і што цэньнасьць жыцьця заклучаецца ў актывным сазіданьні. Тудова дэятельнасьць і павьдзеньне чалавек даўна адветчаць апрадэляньм стандартам, іськлучаючы ўсякую неарганізаваннасьць і спонтанныя праявленьня як ў пэрыяд мірнага і благапалучнага разьвіцьця краіны, так і ў врэмяна туднасьцяў і пудрэсьняў.

Конфуцыянская этыка настаівае не на правах чалавек, а на чувстве адветнасьці: дэлае ўпра на адінства абшчэства, на поіські прыемлямага для каждага індывіда мьста ў сацыуме. Падобная павьдзеньцкая мадэль прэдапрагае самасьвэршэньства чалавек і аднаврэмяна яго дабравольнае самоаграьнічэньне і ў духавным, і псіхалогічэскым сьмьслэ. Адінства абшчэствэннага мьняньня дэстагаецца зьдэсь не пудём навязываньня ідэалагічэскіх стэрэатыпаў, а пудём длітэльных, пастэпэнных сагласаваньняў пазыцыяў, што прэдапрагае разьвіцьце ў абшчэстве духа сатуднічэства. Кромэ таго, ўпра на маральныя цэньнасьці, дэятельнасьць і самарэгуляцыю спасьбствае разьвіцьцю духа патрыатызма кітайскага нарада.

Ныне традиционное чувство китайского коллективизма, групповой фамильной ориентации наполняется новым содержанием. Если раньше приходилось жертвовать личными интересами ради общего блага, то после 1978 г. упор стал делаться на материальное стимулирование, рост благосостояния, подготовку к жизни в условиях жёсткой рыночной конкуренции. Политическая культура групповой ориентации, неиндивидуалистическое сознание, основанное на компромиссе, может быть, более гармонично формирует отношения в гражданском обществе, нежели «беспощадный» индивидуализм западной культуры. Принцип позитивного отношения к другим – «жэнь» (дословно «относиться к другим с любящим сердцем») – способствует созданию положительно-го микроклимата в китайских социальных группах.

Помимо всего сказанного следует иметь в виду, что традиционные ценности политической культуры не остаются неизменными. Как уже отмечалось, реинтерпретируясь, они наполняются новым содержанием и поэтому не могут быть препятствием для модернизации и демократизации китайского общества. В этой связи Фрэнсис Фукуяма подчёркивал, что существует несколько заблуждений относительно связей между политической культурой и демократией. «Культуры, – пишет он, – не статическое явление, подобное законам природы; они создание людей и находятся в процессе постоянной эволюции. На них может влиять экономическое развитие, войны и другие национальные потрясения, иммиграция или сознательные действия. Следовательно, к культурным «предусловиям» для демократии, хотя они определённы важны, надлежит относиться с некоторым скептицизмом» [8, с. 337].

Так что политическая культура современного Китая, как и любого другого общества, не является застывшей; она эволюционирует, развивается, в чём-то модифицируется. Вместе с тем в ней остаётся немало элементов морально-этических ценностей конфуцианства, вера в силу социального действия «благородного мужа» как неотъемлемый фактор функционирования и самого общества и системы управления [9, с. 157]. Идея нравственного совершенствования, культ предков и традиций, гармонии человека и окружающего мира – все эти ценности сближают Китай с другими странами тихоокеанского бассейна, создают ему более привлекательный имидж в современном мире. Давно замечено, что культуры, основанные на синтезе нескольких духовно-религиозных традиций, выделяются особенно сильной энергетикой, дают особенно мощные мотивации в политике. Разнородные начала, никогда полностью не сливаясь, усиливают и стимулируют совместное развитие.

Подводя итог изложенному, следует подчеркнуть, что, будучи официальной идеологией имперского Китая, конфуцианство оказало большое влияние на формирование политической культуры китайского народа. Вплоть до XX в. конфуцианство культивировалось главным образом в рамках института «большой семьи». Политическую культуру этого типа можно назвать культурой консенсуса и долга. Затем остатки конфуцианства в мышлении китайцев стали предпосылкой для возникновения современной политической культуры переходного типа. Политическая культура современного Китая довольно быстро меняется, стремясь соответствовать тем динамичным процессам, которые происходят в глобализирующемся мире. В ней наметилась тенденция к становлению черт индивидуализма. Появляются предпосылки для возникновения этического учения, сочетающего в себе ценности конфуцианства и предпринимательства, что может стать идеологической базой для процесса модернизации. Как отмечают исследователи, «Китай в условиях глобализации стремится определить собственные векторы социальной динамики, опираясь не только на объективные социально-экономические предпосылки модернизации, но также на специфически китайское прочтение постиндустриальной системы ценностей, основанное на избирательно-

селективном механизме культурной традиции, по-прежнему определяющей важнейшие особенности национального менталитета» [5, с. 57].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Попов, А.П. Политические системы и политические режимы в Китае XX века / А.П. Попов. – М. : Изд-во «Экзамен», 2007. – 287 с.
2. Чжао, Мэн. Политическая наука и реформа политической системы КНР / Мэн Чжао // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – № 3. – С. 72–77.
3. Восток и политика. Политические системы, политические культуры, политические приоритеты : науч.-метод. комплекс / Под ред. А.Д. Воскресенского. – М. : Аспект Пресс, 2011. – 685 с.
4. Бурмистров, П. Когда Китай станет многопартийным / П. Бурмистров, И. Плескачевская // Русский репортёр. – 2009. – № 42. – С. 52–53.
5. Анохина, В.В. Культурные традиции и парадоксы модернизации современного Китая / В.В. Анохина // Веснік БДУ. Сер. 3. – 2009. – № 1. – С. 48–58.
6. Пожидаева, А. Разные лица китайцев / А. Пожидаева // Гермес. – 2009. – № 6. – С. 75–77.
7. Беседы и суждения Конфуция. – СПб. : ООО «Издательство «Кристалл», 2001. – 1120 с.
8. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ МОСКВА : Полиграфиздат, 2010. – 588 с.
9. Переломов, Л.С. Раннее конфуцианство и легизм в политической культуре современного Китая / Л.С. Переломов // Китайская философия и современная цивилизация : сб. статей. – М. : Восточная литература, 1997. – 190 с.

Melnikov A.P. Political culture of China

The article is devoted to the political culture of China. It focuses on the historical and political determinants of political culture, specific features of the national character of the Chinese people and their influence on political mentality. The main attention is paid to the peculiarities of the political culture of the Chinese community.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 15.01.2012

УДК 323.21(477)

Н.Ю. Ротар

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ В ЭПОХУ ВТОРОГО МОДЕРНА: В ПОИСКАХ АДЕКВАТНОЙ МОДЕЛИ

Автор обосновывает идею о том, что Второй модерн в интерпретации авторов концепта является новым политическим проектом, который формируется и существует в обществе рисков и в условиях мирового сообщества. Установлено, что скорее можно говорить про определение направления поисков ответов на поставленные вопросы, чем об окончательной интерпретации Второго модерна как общественного явления, а сформулированные на сегодня идеи способствуют определению характера эволюции политического участия граждан на национальном и глобальном уровнях.

Политические преобразования на постсоветском пространстве, происходящие в противоречивый по природе и сути период, который объединил и одновременно усилил процессы глобализации и регионализации, интеграции и фрагментации, ставят перед политической наукой ряд проблемных вопросов, связанных с необходимостью объяснения новой реальности, требуют формулирования адекватных концептуальных положений о функциональных аспектах политической субъектности граждан. В этом контексте особую актуальность и значимость приобретает проблема осмысления участия граждан в политических процессах трансформационного периода, которые происходят в эпоху Второго модерна.

Исследование Второго модерна посредством парадигмы политического инструментария имеет непродолжительную практику. Однако интенсивность и характер дискуссий вокруг идей, интегрированных в сферу политологического дискурса У. Беком и Э. Гиденсом, демонстрируют их актуальность.

Понятие Второго модерна является достаточно новой категорией анализа социального и политического, которая трактуется по-разному. Э. Гидденс, характеризуя период модерна как радикальный модерн, определяет ряд его базовых черт. Во-первых, институциональное развитие формирует в массовом сознании чувства фрагментарности и дисперсии социальной реальности, которые диалектически связаны с основными тенденциями развития мира по пути глобальной интеграции. Во-вторых, активизируется процесс рефлексии гражданина относительно его самоидентификации. В-третьих, в общественном сознании проблемы глобального уровня начинают доминировать над локальными проблемами. В-четвертых, повседневная жизнь превращается в комплекс реакций на абстрактные системы, что приводит как к социальным потерям, так и к достижениям. В-пятых, скоординированные политические действия возможны и становятся необходимы одновременно как на глобальном, так и на локальном уровнях. В-шестых, развитие предполагает выход за пределы институтов радикального модерна, что может привести к постмодерну [1, p. 150].

Раскрывая характер радикального модерна, Э. Гидденс указывает на его максимально возможный динамизм и невероятную скорость изменений во всех сферах функционирования общества. Параллельно радикальный модерн провоцирует нарушение внутренней природы политических институтов, который на уровне политического процесса выражается в разрыве политической преемственности, нарушении структурно-функциональной целостности, характерной для линейной динамики модерна. Наконец, это приводит к динамичности знания о политическом, процессе трансформации поли-

тических институтов и моделей политического участия, которые постепенно избавляются от преемственности и традиционных оснований.

Рассматривая феномен глобализации модерна, Э. Гидденс указывает, что идея общества как связанной системы должна быть заменена идеей пространственно-временного дистанционирования. Концептуально Э. Гидденс направляет наше внимание на комплекс отношений между локальным привлечением (обстоятельствами из присутствия) и взаимодействием на расстоянии (связей присутствия и отсутствия). В современную эпоху уровень пространственно-временного дистанционирования значительно выше, чем в любой предыдущий период, и отношения между местными и удаленными социальными нормами и событиями становятся растянутыми. Глобализация принадлежит к процессам растяжения и является интенсификацией социальных отношений, которые связывают отдаленные районы таким образом, что локальные феномены формируются под влиянием событий, происходящих на большом расстоянии от них и наоборот. Глобализация имеет четыре институциональных измерения (мировая капиталистическая экономика, система национальных государств, мировой военный порядок и международное разделение труда), которые в совокупности меняют качественное состояние мира.

У. Бек также указывает на то, что на современном этапе модернизации стали более подвижными базовые принципы существования современного общества, в частности: 1) отождествление общества с национальным государством, соответственно, контейнерная модель национально-государственного организованного общества; 2) идеализация общества полной занятости, и, соответственно, формализованной системы трудовых отношений со стандартизированными трудовыми биографиями; 3) укоренение в классовых культурах массовых партий; 4) традиционная система гендерных отношений и распределения ролей в обществе [2, с. 7]. Эти процессы спровоцировали появление нового политического проекта – Второго модерна, который обозначен ростом модернизационных рисков и глобализационных процессов, формирующих в совокупности условия для системного изменения политического и политики. Общество Второго модерна постепенно вырабатывает основное базовое качество – рефлексивность политики, которая является самопротиставлением и самоконфронтацией модерна. В отдаленной перспективе рефлексивность политики приводит к полной рационализации действий человека в сфере политики.

Отрицая концепцию модерна и постмодерна, У. Бек предлагает использовать теорию Первого и Второго модерна, в которой рефлексивная модернизация является переходным периодом от Первого модерна ко Второму. Базовым отличием эпохи Второго модерна является процесс глобализации, который создает «транснациональные связи и пространства, обесценивает локальные культуры, что способствует возникновению третьих культур» [3, с. 28], заставляет пересмотреть все сферы функционирования общества в контексте дихотомии локальное – глобальное.

Итак, рефлексивная модернизация, по У. Беку, является модернизацией модерна: «модерн становится проблемой для самого себя; его базовые принципы, основные параметры и ключевые институты в процессе радикальной модернизации подвергаются коррозии изнутри; проект модерна должен быть заново обсужден, пересмотрен и реконструирован» [4, р. 47]. Ученый подчеркивает, что модернизация превращается из простой в рефлексивную по мере того, как разрушаются базовые установки модерна, которые со временем теряют легитимность как предпосылки и стандарты правового государства, социального государства, национальной экономики, корпоративной системы и системы парламентской демократии.

С разрушением базовых установок модерна происходит разрушение одной из основ политического участия – политических идентичностей в их традиционном по-

нимании. В соответствии с идеями У. Бека, глобализационные процессы будут способствовать формированию нового понимания и нового типа космополитической идентичности, которая предусматривает принципиальную открытость *другому* на глобальном уровне и одновременную привязку к конкретной локальной реальности. Размышляя над проблемами трансформации идентичности, в том числе и политических, российский исследователь Д. Драгунский подчеркивает, что идентичность эпохи модерна для гражданина определялась устойчивой и плотной сеткой внешних по отношению к нему координат, хотя и оставалась идентичностью в себе. Второй модерн разрушает привычные ориентиры, однако гражданин не испытывает радости от освобождения политических ограничений, связанных с границами и визовыми ограничениями. Наоборот, большинство пытается либо вернуться к привычной для себя сетки, либо сформировать для себя новую, адекватную современности сеть идентичностей [5, с. 5–7]. Однако политическая идентичность в иерархии идентичностей Второго модерна не занимает тех, достаточно высоких позиций, типичных для современных обществ. По нашему мнению, это связано с необходимостью переосмысления сути национальных и религиозных идентичностей, усвоением нового формата социально-экономических идентичностей и определением себя в системе новых идентичностей, возникающих на фоне содержательно обновленной социальности.

На уровне политического участия это оборачивается увеличением спроса на политическое неучастие, так называемый обновленный абсентеизм, который будет отличаться от абсентеизма первого модерна повышенной вероятностью отсутствия какого-либо опыта политического участия. С одной стороны, это объясняется переориентацией гражданина на представительство интересов на внеполитическом уровне, за пределами института политических партий. В этом контексте конструктивным представляется утверждение У. Бека, что в эпоху Второго модерна происходят опасные процессы потери политическими институтами ряда политических функций, которые переходят в социальные сети, не имеющие отношения к сфере власти и ее легитимации (инверсия политики и неполитиков). Это приводит к формированию системы субполитик – «дополнительного шанса для деятельности и узурпации власти за пределами политической системы» [4, с. 14].

Кроме того, в условиях глобализации происходит объективное уменьшение количества граждан, проживающих в тех национальных государствах, с которыми связаны их политические права, в частности, право политического участия. Оценивая эти процессы, У. Бек подчеркивает, что «политическое во Втором, глобальном модерне не вымерло, а эмигрировало. На наших глазах, нашими руками осуществляется смена понятий и форм политического, для восприятия и исследования которых пока отсутствуют исторически проверенные категории и формы мировосприятия. Структура шансов политического прорывается сквозь дуализм национального и интернационального и размещается в «глокальном» пространстве» [2, с. 12], которое сочетает черты глобального и локального, разрывая гражданина между этими двумя плоскостями социальности.

Следовательно, политическое как таковое не исчезает, а трансформируется, и центр внимания переносится в другую плоскость: в эпоху Второго модерна наибольшим потенциалом политизации наделяются риски – систематическое взаимодействие с угрозами и опасностями, которые вырабатываются самим процессом модернизации [6, с. 21]. Страх, соединенный с постоянным ожиданием негативных последствий социальных процессов и политических курсов, формирует специфическую политическую реальность. Общество рисков становится сконструированной неопределенностью в сфере политики, которая впоследствии приводит к коллективной безответственности и становится еще одной причиной распространения обновленного абсентеизма. Нельзя не согласиться с И. Кононовым, который, оценивая процесс и результаты трансформа-

ции политического поля в эпоху Второго модерна, делает вывод, что оно должно расширяться «и приобрести как минимум четырехуровневый характер – глобального, национального, регионального и местного» [7, с. 240], что будет способствовать уменьшению уровня самоконфронтационного потенциала Второго модерна. Соответственно, неизбежно трансформируется содержание политического участия. Если сегодня основные модели политического участия (электоральная, дискурсивная и протестная) [8] привязаны к электоральному циклу, то четырехуровневая модель политического выводит их за пределы национального электорального процесса. Существующая сегодня практика электорального участия на уровне выборов в Европарламент свидетельствует, что региональный и глобальный уровни политического недостаточно освоены гражданами европейских стран, а ориентации на участие в процессах наднационального уровня для большинства граждан находятся в зоне скептицизма.

Одним из основных источников самоконфронтации второго модерна У. Бек считает то, что «в наши дни не все, конечно, но все возрастающее количество людей торгуют, работают, любят, женятся, осуществляющих исследования на интернациональном уровне, а их дети воспитываются в нескольких государствах и получают образование также интернационально... Так какие же у нас основания ожидать, что политическая лояльность и идентичность по-прежнему остаются привязанными исключительно к нации? (имеется в виду национальному государству – Н.Р.)» [9, с. 20]. Безусловно, национальные государства не лишились своей силы в эпоху глобализации. Индикатором этих процессов является ограничение национальным государством транснациональности, в том числе и на уровне политического участия, которая сегодня находится в прямой зависимости от такой статусной позиции личности как гражданство.

Проблема участия неграждан в политическом процессе страны, в которой они проживают, является весьма актуальной для современной политической науки. Это обусловлено проблемой получения и реализации политических прав негражданами как в странах стабильной демократии, так и в странах постсоветского пространства.

В теоретическом решении проблемы политического участия неграждан в условиях Второго модерна можно, по нашему мнению, выделить несколько основных подходов. М. Дж. Миллер, будучи сторонником традиционного решения вопроса соотношения гражданства и политических прав человека, подчеркивает, что лишение неграждан политических прав не всегда должно иметь абсолютный характер. Например, Великобритания, которая как член наднационального Содружества наций предоставляет в полном объеме избирательные права всем негражданами, которые являются гражданами стран Содружества или Ирландии [10].

Ю. Хабермас предлагает систему гражданства национальных государств заменить на систему гражданства мира, что поможет избежать политических конфликтов мирового масштаба [11, с. 38–37]. Поддерживая Ю. Хабермаса, С. Конопацкий видит в космополитическом гражданстве ответ на современное развитие капитала, поэтому считает, что политические аспекты гражданства не должны становиться препятствием экономическому потенциалу глобализованного мира [12, р. 210].

Третий подход наиболее полно представлен идеями Р. Брубейкера, который утверждает, что правительства всех стран должны быть заинтересованы в том, чтобы большинство неграждан получили гражданство. Это касается как легализованных мигрантов в странах Западной Европы и Северной Америки, так и лиц без гражданства в странах Прибалтики. В последнее время в странах стабильной демократии получила развитие система двойного членства, которая представляет собой два концентрических круга. Внутренний круг символизирует тех членов общества, которые входят в национальное политическое сообщество и являются гражданами. Внешний круг символизирует членство в национальном социально-экономическом сообществе и охватывает помимо

граждан, постоянно проживающих в стране, иностранцев, неграждан и (в случае Европы) граждан стран ЕС, проживающих в стране. Членство в политическом сообществе, которое предусматривает привилегии и обязанности, в том числе и право в формировании общенациональной политики путем политического участия, не распространяется на членов более широкого социально-экономического сообщества. Парадоксом сосуществования двух концентрических полей Р. Брубейкер называет самоисключение или исключение члена социально-экономического сообщества из сообщества политической. Самоисключение связано с тем, что надежный статус натурализованного иностранца может удовлетворять человека и замедлять его действия на пути получения статуса гражданина. Однако демократия, по мнению исследователя, может состояться только при условии максимального соответствия контуров внешнего и внутреннего кругов [13].

Созвучным с идеями Р. Брубейкера является понимание политического участия, сформированное в рамках коммунитарной теории. Один из ее представителей Х. Ларди считает категорию политического участия центральной в процессе создания устойчивого политического сообщества (общины). С помощью политического участия индивидуальные акторы в первую очередь познают себя и осознают собственные политические интересы, социализируются и реализуются в определенной политической системе, согласно ее нормам и правилам. Поэтому неправильно отрицать право политического голоса за теми, у кого отсутствует юридический статус гражданина [14, p. 80].

Одновременно в современной политической науке авторитетным является консервативный подход, согласно которому только полноправные граждане (при всех прочих равных условиях) являются достаточно компетентными для участия в выработке решений, которые станут обязательными для всей политической системы. Автор идеи Р. Даль отмечает: «К корпусу граждан страны, которая управляется в соответствии с демократическими нормами, должны входить все лица, на которых распространяется юрисдикция данной страны, за исключением тех, кто находится в ней временно, и тех, чья недееспособность доказана» [15, с. 78]. Одновременно исследователь признает, что любая группа взрослых людей, которая исключена из демоса, поскольку нет гражданства, «неизбежно оказывается ущемленной в защите своих интересов. Исключая, демос обычно не защищает интересы исключенных» [16, с. 94].

По нашему мнению, дискуссия относительно характера и форм участия неграждан в политических процессах страны проживания в условиях Второго модерна приобретает особую актуальность. В условиях существенных диспропорций уровня политического и экономического развития стран современного мира говорить о космополитическом гражданстве не представляется возможным. Более адекватным будет предоставление легализованным негражданам прав участия в процессах управления на местном уровне.

В обществе Второго модерна одна из ведущих ролей принадлежит информационным технологиям, которые стимулируют усвоение гражданами новых форм политической активности, что приводит к формированию потребности в электронных формах политического участия, которое приближает гражданина к сфере политического и одновременно дистанцирует его от нее. Для реализации электронных форм политического участия особенно важное значение имеют способы политической коммуникации, которые воспринимаются обществом. Теоретики Второго модерна выделяют три основных способа политической коммуникации, которые основаны на использовании различных средств политической коммуникации: 1) коммуникация через средства массовой информации – печатные и электронные; 2) коммуникация через политические институты и организации, когда транслирующим звеном являются политические партии и группы интересов; 3) коммуникация через неформальные каналы с использованием личных связей.

Согласно теории Второго модерна, информация необходима для осуществления власти и принятия политических решений. Однако речь идет не об информации как таковой, не о «социальной информации». Ф. Ферраротти отмечает, что социальную информацию не следует путать с коллективной информацией – миром коммуникативных знаков и сообщений СМИ и другими знаками повседневного опыта человека: «Социальная информация – это такая информация, которая охватывает все политически и социально значимые темы, касающиеся взаимодействия граждан и институтов. В этом смысле абсолютно правомерно утверждать, что социальная информация касается и входит в само понятие власти» [17, р. 157]. Соответственно, Второй модерн провоцирует ситуацию, в которой тот, кто контролирует систему социальных коммуникаций, тот осуществляет власть и политическое влияние. Итак, поиск информации является выражением активной социальной позиции, а отсутствие информации означает неучастие в системах принятия решений и политических организациях, то есть является отчуждением от политики.

Ф. Ферраротти доказывает, что политическая власть как таковая должна быть исключительно коллективной функцией, а не прерогативой отдельных политиков, групп и классов. Для обеспечения выполнения политической властью этой функции, планирования политики и трансформации в системе политических отношений, необходимо поддерживать процесс формирования и трансляции именно социальной информации, которая необходима для того, чтобы, во-первых, защитить общественные инициативы от деструктивного влияния бюрократии; во-вторых, гарантировать эффективность давления снизу не путем декларации лозунгов или создания эмоционального кризиса, а через создание локальных автономных институтов, которые обеспечат участие граждан в процессах социальной и политической эволюции; в-третьих, обеспечить такие условия, чтобы политические решения отвечали интересам граждан, которые должны иметь возможность контролировать время и ритм политических изменений, защищая себя от авторитарных или патерналистских тенденций [17, р. 159]. Таким образом, очевидно, что Ф. Ферраротти является сторонником идеи о том, что необходимым императивом в рамках информационного общества является участие граждан в принятии политических решений.

Ключевым вопросом при оценке роли информационных технологий в обществах Второго модерна является то, насколько властные структуры и гражданское общество сумеют использовать возможности, предоставляемые новыми каналами информации и коммуникации, чтобы усиливать позиции базовых представительных институтов, объединяющих граждан и общество. Ведь если информатизация бурно развивается «наверху», не проникая в общество, она лишает граждан возможности следить за деятельностью госструктур, проверять их, а потому не только не делает государственную деятельность прозрачной, но и может усилить монополию государства на информацию. Коммуникативная информатизация «наверху» даст в руки правящей элиты дополнительные шансы манипуляции обществом и отдельным человеком. Технология может изменить методы регулирования, но не меняет их сути. Информационная открытость не станет прямым следствием оцифровки отношений граждан и государственных институтов и вряд ли приведет к либерализации общественных отношений.

Итак, Второй модерн в интерпретации авторов концепта является новым политическим проектом, который формируется и существует в обществе рисков и условиях мирового сообщества. И хотя скорее можно говорить про определение направления поисков ответов на поставленные вопросы, чем об окончательной интерпретации Второго модерна как общественного явления, сформулированные на сегодня идеи способствуют определению характера эволюции политического участия граждан на национальном и глобальном уровнях.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. Giddens, A. *The Consequences of Modernity* / A. Giddens. – Cambridge : Polity Press, 1990. – 188 p.
2. Інтерв'ю з професором Ульрихом Беком // Журнал соціології та соціальної антропології. – 2003. – Т. VI. – № 1. – С. 5–23.
3. Бек, У. Что такое глобализация? / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
4. Beck, U. *The reinvention of politics: Toward a theory of reflexive modernization* / U. Beck, A. Giddens, S. Lash // *Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetic in the modern social order*. – Cambridge : Polity Press, 1994. – P. 1–55.
5. Драгунский, Д. Массовые инициативы в эпоху второй модернизации / Д. Драгунский // *Космополис*. – 2006. – № 1(15). – С. 5–10.
6. Beck, U. *Risk society: Toward a new modernity* (Published in association with Theory, Culture & Society) / U. Beck. – London, 1992. – 260 p.
7. Кононов, І.Ф. Глобалізація: походження ризиків та можливості управляти ними / І.Ф. Кононов // *Сучасні суспільні проблеми у вимірі соціології управління* : Збірник наук. праць ДонДУУ. Т. X. Вип. 116 «Соціологія державного управління». Сер. «Спеціальні та галузеві соціології». – Донецьк : ДонДУУ, 2009. – С. 232–342.
8. Ротар, Н. Політична участь громадян України у системних трансформаціях перехідного періоду : монографія / Н. Ротар. – Чернівці : Рута, 2007. – 472 с.
9. Бек, У. Космополитическое общество и его враги / У. Бек // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2003. – Том VI. – № 1. – С. 24–53.
10. Миллер, М.Дж. Неграждане: участие в политической жизни и политическое представительство / М. Дж. Миллер // *Российский бюллетень по правам человека*. – 1995. – Вып. 7. – С. 85–95.
11. Хабермас, Ю. Гражданство и национальная идентичность / Ю. Хабермас // *Демократия. Разум. Нравственность*. – М. : АО „КАМІ», АCADEMIA, 1995. – С. 38–58.
12. Konopacki, S. *Citizenship in a global context* / S. Konopacki // *National and Ethnic Identity in the European context*. – Lodz, 2000. – P. 202–217.
13. Брубейкер, У.Р. Членство без гражданства: экономические и социальные права «неграждан» / У.Р. Брубейкер // <http://www.hrights.ru/text/b7/Chapte4.htm>.
14. Lardy, X. *Citizenship and the right to vote* / X. Lardy // *Oxford journal of legal studies*. – Oxford, 1997. – Vol. 17. – № 1. – P. 75–100.
15. Даль, Р. О демократии / Р. Даль. – М. : Аспект-Пресс, 2000. – С. 78.
16. Даль Р. Демократия и её критики / Р. Даль. – М. : РОССПЭН, 2003. – С. 144.
17. Ferrarotti, F. *The myth of inevitable progress* (Contributions in Political Science) / F. Ferrarotti [Текст]. – Westport (Conn.); London, 1985. – 208 p.

Rotar N.Y. Political Participation in the Era of the Second Modern: in Search of an Adequate Model

The author substantiates the idea that the Second modern interpretation of the authors of the concept is a new political project, which is formed and there is a risk in the community and the global community. It is established that more can be said about the determination of the direction search for answers to these questions, than of the final interpretation of the Second modernity as a social phenomenon, and the formulated ideas of today's contribute to defining the nature of the evolution of political participation of citizens at the national and global levels.

Рукапіс паступію у рэдкалегію 15.02.2012

УДК 94 (476) «18/19»

А.Д. Кузьмин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛОЖЕНИЯ ЧИНОВНИЧЕСТВА БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье рассматривается политика царского правительства в области организации государственной службы, исследуется чиновничий корпус местного государственного аппарата во второй половине XIX – начале XX вв. В системе местного управления царизма на белорусских землях существовал целый ряд отличий от центральных губерний империи. Эти отличия были обусловлены историческим наследием и политической ситуацией. После восстания 1863 г. правительство начало назначать на все наиболее важные должности выходцев из центральных губерний России. Только в 70-е гг. XIX в. польское дворянство вновь стали принимать на службу. Однако в первой половине 80-х гг. XIX в. была проведена чистка местных государственных учреждений от чиновников-поляков.

Введение

В контексте изучения социально-политической истории Беларуси второй половины XIX – начала XX вв. проблема чиновничества является одной из самых важных. Без изучения данной темы невозможно рассматривать политику царского правительства в отношении Беларуси. Вопросы функционирования местного государственного аппарата Российской империи в Беларуси в отечественной историографии изучена недостаточно. В историографии советского периода подробное исследование системы государственного управления выполнено Н.П. Ерошкиным. В его книгах и учебных пособиях приводится характеристика структуры, функций учреждений государственного аппарата губернского и уездного уровня. Однако исследователь не уделял пристального внимания особенностям в управлении белорусскими губерниями. Деятельность царской администрации в Беларуси во второй половине XIX в. получила доскональное отражение в монографии С.М. Самбук. Автор на основе богатого архивного материала показала сущность политики самодержавия, её главные направления и методы проведения в жизнь. В работе рассматривается также кадровая политика царского правительства относительно назначения чиновников на белорусских землях. Однако анализ состава служащих местного административного аппарата в монографии не проводится. Из работ современных белорусских историков необходимо упомянуть кандидатскую диссертацию гродненского историка С.М. Токтя, в которой специально рассматривался вопрос о составе чиновничества белорусских губерний в период 30–60-х гг. XIX в. Впервые в отечественной историографии выводы о составе чиновничества стали базироваться на фактических материалах [1].

В данной статье предпринимается попытка дать общую характеристику положения чиновничества Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв. В связи с этим определены следующие задачи: 1) проследить за изменениями в положении чиновничества на белорусских землях после подавления восстания 1863 г.; 2) определить основные принципы кадровой политики царского правительства в период контрреформ; 3) показать правовое и имущественное положение государственных служащих в указанный период.

Научный руководитель – Д.С. Лавринович, кандидат исторических наук, доцент, декан факультета иностранных языков Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова

Общая характеристика положения чиновничества Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв.

В белорусских изданиях XIX в. слово «чиновник» означало: «Тот, кто имел какой-либо чин на государственной службе». Однако в отдельных работах второй половины XIX ст., особенно в публицистике, это слово приобретало более выразительный смысл: «Чиновник – это государственный служащий, который защищал интересы царя и самодержавия» [2, с. 7].

После подавления восстания 1863 г. произошли коренные изменения в положении чиновничества на белорусских землях. Основную ставку царское правительство делало на усиление позиций русского дворянства при одновременном ослаблении польского дворянства. Почти все должностные лица, в обязанность которых входила непосредственная работа с населением – полицейские исправники и приставы, мировые посредники, судебные следователи, были выходцами из центральных губерний России. Именно эти чиновники стали опорой царского правительства на белорусских землях. В результате в 1868 г. среди 3 400 классных чиновников пяти белорусских губерний служащие православного вероисповедания составили 76,5 %. Только в 70-е гг. XIX в. польское дворянство вновь стали принимать на службу. Но в первой половине 80-х гг. XIX в. была проведена чистка местных государственных учреждений от чиновников-поляков. Так, принимая по вступлении в должность местных служащих, виленский генерал-губернатор Каханов заявил: «Я желаю видеть в вас истинно русских людей, русских умом и сердцем... Мне не могут быть товарищами и сослуживцами лица, стыдящиеся русского направления» [3, с. 100–101]. В 1884 г., касаясь службы лиц римско-католического исповедания из бывшей шляхты, а также польских дворян, местных мещан и в целом местных уроженцев в полиции, Виленский генерал-губернатор писал: «Нельзя упускать из виду, что местные уроженцы, выросши в известном обществе и нередко имея с ним одни общие интересы, а равно и родственные связи... несомненно не в состоянии отделять свою служебную деятельность от личных интересов и являться беспристрастными полицейскими служащими, но при этом следует ещё иметь в виду и то, что при свойственном католикам религиозном фанатизме и почти безусловном подчинении римско-католическому духовенству, характер деятельности и образ мыслей которого в здешнем крае далеко не согласен с видами и целями правительства – вряд ли можно рассчитывать на безупречную служебную деятельность лиц из указанной среды». В этом же послании имеется сноска самого генерал-губернатора, где он, подчёркивая значимость сказанного, ссылается на тот факт, что по дошедшим до него сведениям, многие из урядников на судебных разбирательствах с трудом объясняются по-русски, и это доказывает, что они или игнорируют русский язык, или просто плохо его знают, последствием чего должно явиться то, что они постоянно не только в семье, но публично говорят по-польски. Оставление подобных урядников на службе губернатор считал невозможным.

В конце 1893 г. Витебский генерал-губернатор князь Долгоруков циркулярно даёт знать полицмейстерам и уездным исправникам губернии: «До моего сведения дошло, что как служащие по вольному найму в Городских и Уездных Полицейских Управлениях и городских частях, так и письмоводители Становых Приставов и Полицейских надзирателей нередко бывают из лиц польского происхождения и римско-католического исповедания. Имея непосредственное соприкосновение с народом, они отдают полное предпочтение католикам к явному ущербу интересов православных, с которыми, при этом часто обращаются крайне дерзко и непочтительно». И далее: «Предписываю Вашему Высокоблагородию в месячный срок освободить лиц римско-католического исповедания от занятий во вверенном Вам Полицейском Управлении

и у исполнительных полицейских чиновников, заменить их лицами православного исповедания и впредь к занятиям не допускать» [4, с. 60–61].

20 февраля 1894 г. были изданы особые правила о недопущении поляков и русских, женатых на польках, на разные должности, кроме самых низших, на железных и шоссейных дорогах во всей западной части империи и об ограничении числа этих лиц на низших должностях. В войсках офицеры-поляки и русские, женатые на польках, не допускались на службу в некоторых специальных частях, число их в других воинских частях было ограничено процентными нормами. Кроме того, для поляков были закрыты двери военных академий. Подобные ограничения были несправедливы, т.к. многие поляки несли свои обязанности на государственной службе безупречно [5, с. 7].

В целом положение русского чиновника было почти в два раза более обеспечено, чем положение чиновника местного происхождения. Чтобы привлечь в Беларусь русских чиновников, необходимо было предоставить им какие-либо льготы и привилегии. Преимущества чиновникам русского происхождения, служащим в Беларуси, предоставлялись на основании Высочайше утверждённого 21 ноября 1869 г. Положения комитета министров и Высочайше утверждённых 13 июня 1886 г. правил и особых преимуществах гражданской службы в отдалённых местностях, а также в губерниях западных и Царства Польского. Причём в последнем документе круг предоставляемых преимуществ был значительно расширен. В соответствии с этими законами, чиновники русского происхождения, служащие в западных губерниях имели право на 50 процентную прибавку к жалованью. Им также положено было без различия занимаемых должностей выдавать прогоны на проезд на службу в западные губернии несмотря на расстояние, а также подъёмные деньги [11].

С назначением на должность гражданской службы канцелярский служитель или чиновник получал содержание, которое состояло из трёх элементов: 1) жалованье (основной элемент); 2) столовые деньги; 3) квартирные деньги или казённую квартиру. Размер каждого из этих элементов определялся в штатах, установленных для каждого ведомства или учреждения. По некоторым должностям производилось одно только жалованье вместе со столовыми и жалованье вместе с квартирными. Лица, служащие по вольному найму, получали содержание по соглашению с начальством. Количественное отношение трёх главных элементов содержания выяснялось из постановлений, относящихся к тем случаям, когда чиновники получали содержание в одной общей сумме. В этих случаях $\frac{1}{4}$ годового оклада считалась квартирными, если служащий не имел казённого помещения, а из остальных $\frac{3}{4}$ одна половина считалась жалованьем, а другая столовыми деньгами. Из общего же содержания лиц, пользующихся казённым помещением, одна половина причислялась к жалованью, а другая – к столовым деньгам. Выдача жалованья производилась ежемесячно (20-го числа каждого месяца), причём жалованье выдавалось за истёкший месяц, столовые – за месяц вперёд, квартирные – за треть года вперёд. В прибавках к жалованью, следующих через каждые 5 лет (в размере от 20 до 25 %), заключалось одно из главных преимуществ службы в отдалённых и привилегированных регионах империи. В тех случаях, где допускалось соединение двух должностей, должностное лицо получало по обеим должностям только жалованье и столовые деньги. Особые постановления имелись для случаев исправления должности и для отпусков. Начальник, который безосновательно задерживал выплату жалованья и других выплат, подвергался денежному взысканию в пользу обиженного вдвое против суммы или цены, неправильно им задержанной. Руководитель учреждения имел право содержать на службе меньше лиц, чем положено по штату. Сэкономленные таким способом деньги он мог использовать на содержание «наиболее отличающихся и способностями и усердием к службе». Даже советская историография вынуждена бы-

ла признать высокий уровень обеспеченности государственных служащих Российской империи в начале XX в.

В каких же суммах выражалось содержание чиновников и лиц, состоящих на государственной (гражданской, военной, городской) службе в губернском Могилёве? Например, могилёвский губернатор А.С. Дембовецкий, имевший на содержании жену и четырёх детей, в последний год своего пребывания в Могилёве имел: жалованья – 3 430 руб. (285 руб. в месяц), столовых – 3 465 руб., всего – 6 895 руб. Для сравнения: только одних столовых денег в 1899 г. командир полка имел 2 700 руб., батальона – 1 550 руб., батареи – 900 руб., младший штаб-офицер или ротный командир – 360 руб., полковой адъютант – 96 руб.

В 1913 г. годовое содержание Городского головы г. Могилёва составляло 3 600 руб., его заместителя – 2 400 руб., члена Городской управы – 2 000 руб., секретаря Городской управы – 1 200 руб., секретаря Городской думы – 600 руб. В этом же году младший полицейский получал 240 руб., старший – 300 руб., пристав – 750 руб. основного жалованья, 300 руб. квартирных, 100 руб. добавочных, 100 руб. на разъезды и 200 руб. на канцелярские расходы. Помощник пристава получал 500 руб. основного жалованья, 200 руб. квартирных и 25 руб. добавочных. Могилёвский полицмейстер только одних квартирных денег получал 600 руб. и ещё 900 руб. на разъезды.

Каковы же были цены на основные продукты питания и товары повседневного спроса? В 1903 г. в губернском центре 1 пуд сахара обходился покупателям в 5 руб. 35 коп., ветчины – в 5 руб., колбасы – в 8 руб., одна каспийская сельдь стоила 5–10 коп., ведро картофеля – 5 коп. Костюм-тройка стоил 4 руб. 95 коп., серебряные часы – 4–12 руб., 100 папирос фабрики «Меркурий» в красивой упаковке – 30 коп. Знаменитую швейную машину «Зингер» продавали за 25 руб., а «любимец семьи» граммофон стоил 36 руб. Таким образом, даже мелкому служащему были доступны и полноценное питание, и модная одежда, и прочие аксессуары [6, с. 95–98].

К числу выгод и преимуществ государственной службы с полным основанием можно отнести и особую защиту государством своих служащих. Должностное лицо имело право: 1) на закономерное повиновение своим распоряжениям; 2) право на уважение, соответствующее его положению, как представителю власти. Закон предполагал, что должностное лицо может встретить сопротивление в виде насильственных действий или угроз жизни. Такие действия квалифицировались как воспрепятствование должностному лицу исполнять свои обязанности. Виновному грозило лишение всех прав состояния, ссылка на каторжные работы от 4 до 6 лет. Если кто-либо удерживал чиновника от законного исполнения обязанностей угрозами, то такому лицу грозила ссылка до 2 лет. Если какая-то группа лиц без видимого сопротивления просто отказывалась выполнять постановления власти, то в зависимости от степени вины им грозило заключение в смитерильном доме на время до 3 лет или заключение в тюрьме от 6 месяцев до 2 лет.

К немаловажным преимуществам государственной службы относилось получение пенсий. Основанием выплаты пенсий становился тот факт, что ко времени прекращения службы в большинстве случаев должностные лица достигали такого возраста, в котором уже каким-либо иным способом содержать себя и свою семью они уже не могли. По общему правилу срок выслуги для получения пенсии определён был в 35 лет беспорочной службы. Прослуживший не менее 25 лет получал 50 % пенсионного оклада. Исходя из средних показателей поступления на службу после получения специальности в 20 лет, можно сделать вывод, что только к 60 годам должностное лицо могло выслужить пенсию, что, кстати, превышало среднюю продолжительность жизни в стране. Поэтому часто служащим не приходилось самим пользоваться такой пенсией, и её получала семья.

Все должности в государственном аппарате для получения пенсии были разделены на 9 разрядов, и, соответственно, её величина колебалась в начале XX в. От 85 руб. 80 коп. (9 разряд) до 1 143 руб. 60 коп. (1 разряд). В некоторых ведомствах существовали особые эмеритальные кассы, из которых их участникам (после выхода в отставку) или их семьям выплачивались дополнительные пенсии или единовременные пособия [7, с. 122–126].

Теперь рассмотрим, какую ответственность нес чиновник за порученное ему на службе дело. В данной статье хотелось бы остановиться на методах борьбы с одним из наиболее распространённых во все времена преступлением чиновников – взяточничеством. В «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных», принятом в 1845 г. одна из глав называлась «О мздоимстве и лихоимстве». В этом уголовном законе взяточничество разделялось на два состава (статьи 372 и 373 в редакции 1885 г.). Мздоимство трактовалось следующим образом: «Если чиновник или иное лицо, состоящее на службе государственной или общественной, по делу или действию, касающемуся до обязанностей его по службе, примет, хотя и без всякого в чём-либо нарушения сих обязанностей, подарок, состоящий в деньгах, вещах или в чём бы то ни было ином, или же, получив оный и без изъявления предварительного на то согласия, не возвратит его немедленно и во всяком случае не позднее как через три дня, то за сие, в случае, если подарок принят или получен уже после исполнения того, за что оный был предназначен, принявший его подвергается: денежному взысканию не свыше двойной цены подарка; когда же оный принят или получен прежде, то, сверх того же денежного взыскания, и отрешению его от должности». Стоит обратить внимание на использование в тексте этой уголовной статьи понятия «подарок». Никаких стоимостных пределов криминальности подарка царский законодатель не предусмотрел. К тому же он развёл по тяжести санкций обстоятельства получения подарка «до» и «после» исполнения им своих служебных обязанностей. Соответственно тяжести данного рода деяния предусмотрены были и санкции. Они носили характер не уголовного, а административного преследования мздоимца.

Лихоимство же имело более тяжкий состав преступления: «Кто для учинения или допущения чего-либо противного обязанностям службы, примет в дар деньги, вещи или что иное, сколько бы, впрочем, сумма денег или цена вещей, им полученных, ни была малозначительна, тот за сие злоупотребление власти или доверенности начальства приговаривается, смотря по обстоятельствам дела: к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и к отдаче в исправительные арестантские отделения по третьей или четвёртой степени ст. 31 сего Уложения». (Для справки: третья и четвёртая степени наказания предусматривали, соответственно, от 2,5 до 3-х и от 1,5 до 2,5 лет отбывания в исправительных арестантских отделениях. Причём этот вид лишения свободы по жёсткости режима содержания шёл вслед за каторгой). Ясно, что мздоимство и лихоимство – это два качественно разные вида преступления. Причём главным критерием отличия между мздоимством и лихоимством выступала отнюдь не стоимость взятки, а соответствие действий (или бездействия) чиновника «обязанностям службы». Качественное отличие мздоимства и лихоимства подчёркивалось в царском Уложении и различиями в тяжести наказания. Если мздоимцу грозило по сути лишь административное взыскание (штраф и увольнение со службы), то лихоимец попадал под действие уголовного законодательства с реальными сроками отсидки в исправительных арестантских отделениях [8, с. 21–22].

При принятии на государственную службу учитывались не только возраст и образование, но и происхождение чиновника. Это продолжалось вплоть до 1906 г., когда все сословия уравнили в правах при приёме на государственную службу. Однако необходимо отметить, что ещё в начале 60-х гг. XIX в. наметилась тенденция вытеснения

потомственных дворян чиновниками, которые являлись выходцами из податных сословий. Чиновничество стало превращаться в бессословную социальную группу капиталистического общества.

В 1856 г. устанавливались новые сроки для производства в чины. «При поступлении лиц, которые окончили высшие и средние учебные заведения, на гражданскую службу, они утверждаются в том классном чине, на который дают право их учёная степень, звание или аттестат учреждения, в котором они обучались» [9, с. 218]. Для производства в последующие чины устанавливались единые сроки в независимости от уровня образования и сословной принадлежности. При этом сохранялось два вида повышения по службе: «за выслугу лет» и «за отличную службу». Сроки производства в чин за выслугу лет назначались следующие: три года (XIV кл – VIII кл.); четыре года (VIII кл. – V кл.). При повышении «за отличную службу» данные сроки сокращались на год [9, с.239].

Титул чиновника зависел от класса и занимаемой должности, а также от его социального происхождения. Чинам I–II классов предоставлялся титул «высокопревосходительство», III и IV – «превосходительство», V – «высокородие», VI–VIII – «высокоблагородие», IX–XIV – «благородие».

Уже в «Уставе о службе гражданской» 1857 г. были введены определённые ограничения для лиц еврейской национальности. Евреи, которые не имели высшего образования, не принимались на государственную службу, однако на практике даже с высшим образованием их практически не было на госслужбе. В пункте о праве поступления на службу говорилось о детях священников православного и греко-униатского вероисповедания, а также о детях евангельских и реформаторских пастырей.

Анкета для поступающих на службу содержала следующие вопросы: национальность и вероисповедание; сословная принадлежность; наличие имени; наличие взысканий и наказаний, связанных с ограничениями в продвижении по службе и т.д. Для поступления на госслужбу требовалось подать прошение на имя императора. На протяжении службы на каждого чиновника по месту работы был заведён особый послужной список. При уходе в отставку служащий получал соответствующую аттестацию. За службу чиновники получали земельные наделы вплоть до 1917 г. Получалось так, что белорусский чиновник принадлежал к служилому сословию, однако по характеру оплаты – к землевладельческой аристократии.

В 1895 г. при Государственном совете была создана комиссия для пересмотра «Устава о службе гражданской». Вместе с вопросами чинопроизводства, продвижения по служебной лестнице, сословном цензе был рассмотрен и вопрос о состоянии образовательной подготовки. Если раньше при поступлении на службу было достаточно окончить поветовое училище, то теперь по решению комиссии был установлен минимальный образовательный ценз в количестве шести классов среднего учебного заведения. Таким образом, служебный рост государственных чиновников был поставлен в зависимость от образовательного уровня.

До 1917 г. просуществовала и система выслуги лет. Каким бы компетентным и старательным ни был чиновник, он не мог занять соответствующую своему уровню должность, не пройдя лестницу чиновничьей иерархии [10, с. 58].

Если в дореформенный период дворянское звание давало право получить любой российский орден, то, как прописано в Своде законов 1876 года издания, это достигалось только получением высших орденов, за исключением ордена св. Владимира IV степени, который давался за 35-летнюю безукоризненную службу (военные чины награждались им за 25-летнюю службу). Однако эта возможность была сильно ограничена. В августе 1887 г. был издан закон, по которому представление к ордену св. Владимира IV степени давало потомственное дворянство только тем ли-

цам, которые прослужили в обер-прокурорских чинах не менее 20 лет, а также имели орден св. Анны, который получали чиновники не ниже IV класса служебной согласно служебной иерархии. С 1900 г. на потомственное дворянство могли рассчитывать лица, уже получившие орден Владимира, но не IV, а III степени, которого могли удостоиться чиновники IV класса – действительные статские советники [2, с. 10].

Заклучение

Таким образом, на протяжении 60–90-х гг. XIX в. царское правительство предпринимало некоторые шаги по реформированию бюрократической системы Беларуси. Эта система существовала в тесной связи с системой государственного управления Российской империи. Отличия касались отношения царского правительства к чиновникам польского происхождения, католического вероисповедания.

Многие высококвалифицированные кадры польского происхождения были заменены на чиновников из центральных губерний Российской империи. Довольно часто они не отличались хорошими моральными и служебными качествами и, понятно, не приносили пользы государственной службе. В этот период резко изменился конфессиональный и национальный состав чиновничьего аппарата Беларуси.

Материал данной статьи может быть использован при исследовании отдельных проблем истории Беларуси в составе Российской империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Токць, С.М. Дзяржаўны апарат царызму ў Беларусі ў 30–60-х гг. XIX ст. (структура, функцыі, чыноўніцкі корпус): аўтарэф. ... дыс. канд. гіст. навук: 07.00.02 / С.М. Токць. – Мінск, 1997. – 21с.
2. Роцька, Н.А. Змены ў становішчы чыноўніцтва Беларусі (60–90-я гг. XIX ст.) / Н.А. Роцька // Вестник БДУ. Сер. 3. – 2002. – № 2. – С. 7–11.
3. Самбук, С.М. Политика царизма в Беларуси во второй половине XIX в. / С.М. Самбук. – Минск : Наука и техника, 1980. – 223 с.
4. Свиб, А.Ф. Государственно-правовой статус Белоруссии в составе России в пореформенный период (1861–1900): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.Ф. Свиб. – БГУ. – Минск, 1995. – 110 с.
5. О положении поляков в Западном крае: Записка членов Гос. Совета А. Мейштовича, К. Скимунта, С. Лопацинского. – Минск, 1915.
6. Сидоренко, Б.И. Жизненный уровень служащих губернского Могилёва в конце XIX – начале XX веков: заработная плата и цены / Б.И. Сидоренко // История, философия, политика, право : Науч. труды преподавателей гуманитар. дисциплин / МГУП; БИП–Институт правоведения; под общ. ред. В.Д. Выборного, А.А. Скикевича. – Вып. 1. – Могилёв, 2011. – С. 95–98.
7. Архипова, Т.Г. История государственной службы в России XVIII–XX вв. : учеб. пособие / Т.Г. Архипова, М.Ф. Румянцева, А.С. Сенин. – М., 1999. – 231 с.
8. Бубнов, Ю.М. Социологические очерки мздоимства / Ю.М. Бубнов. – Минск : Издат. центр БГУ, 2010. – 255 с.
9. Ерошкин, Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России : учебник для студентов вузов / Н.П. Ерошкин. – М : Высшая школа, 1983. – 352 с.
10. Гомон-Голутвина, О. Польза не доказана, а вред возможен / О. Гомон-Голутвина, В. Комаровский // Российская Федерация. – 1999. – № 1. – С. 57–60.
11. Высочайшее повеление об особых преимуществах гражданской службы в отдалённых местностях империи, а также губерниях западных и Царства Польского. – Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1886.

Kuzmin A. General Characteristic of Position of Officials of Belarus in the Second Half of the XIX-th – the beginning of the XX-th Centuries

The object of study is the internal policy of Russian government. The subject is the policy in the system of local control and court, officials assigning for the basic positions in Belarusian provinces at the second half of the XIX-th century – the beginning of the XX-th centuries. The purpose of the study is to determine the basic principles of policy of Russian government in reforming state institutes and acquisition by their personnel in Belarusian provinces in this period. The author comes to the conclusion that the system of local government on the Belarusian lands possessed a number of differences as compared with central provinces of the empire. After the uprising of 1863 the tsarist government began to use representatives of provinces of the empire as office – holders whose main obligation was working with local population.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 18.02.2012

УДК 338.48:316 (035.3)

Т.И. Яковук

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ТУРИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Обращение к проблеме туристического движения как к феномену социальной жизни в настоящее время представляется исключительно актуальным, несмотря на то, что его истоки располагаются в самых древних пластах человеческой истории. В статье с позиций социологии туризма и использования ее понятийного аппарата рассматриваются туристическое движение, а также проблемы, связанные с его классификацией и социальными формами функционирования в современных обществах. Они трактуются как комплекс отношений и феноменов, базирующихся на пространственном перемещении людей. Проанализированы также шесть групп факторов, определяющих формирование туристических предпочтений. В статье представлен авторский подход, предлагающий классифицировать все типы туристического движения по трем группам в зависимости от целей туристической активности.

Туристическое движение, как и сам туризм, является сложным понятием, поскольку под ним подразумевается целый комплекс отношений и феноменов, базирующихся на пространственном перемещении людей. Более того, концентрируясь на таких проблемах, как организационная деятельность, обслуживание и сопутствующие ему материальные средства, состояние туризма и контроль качества системы туристического сервиса, осуществляемый органами государственного надзора, туристическое движение охватывает также организационно-правовую систему туризма [1]. В основе всех форм туристического движения лежат туристические выезды, мотивированные индивидуальными потребностями человека. Источником туристического движения является социальная потребность поиска формы использования свободного времени. Эти два положения позволяют выяснить суть феномена «туристическое движение».

Для воссоздания фактической социологической картины туристического движения в данной статье будут рассмотрены следующие исключительно важные проблемы:

- 1) понятие туристическое движение;
- 2) типология и классификация туристического движения;
- 3) специфические формы туризма в современном мире.

Понятие туристическое движения

В настоящее время не существует дефиниции туристического движения, выстроенной на принципах классической логики, поскольку это достаточно сложный феномен, включающий в себя разнородные явления. Приступая к анализу феномена туристического движения, следует выделить те черты, которые отличают его от иных форм путешествий и изменения места постоянного проживания.

Поскольку туристическое движение является сложным феноменом, то на практике оно может приобретать различные формы и реализовываться на основе широкого спектра мотиваций. Поэтому, как подчеркивает известный польский социолог туризма Е. Супревич, есть основания говорить о туристическом движении экскурсионном, праздничном, связанным с отдыхом, учебой и т.п. [2]. Туристическое движение является объективно существующим социальным феноменом, происходящим в конкретном месте и в конкретное время. Суть этого явления заключается во временном перемещении конкретных лиц и групп людей из места их постоянного проживания в какое-либо иное место. В свою очередь, разнородность форм путешествия определяется прежде

всего индивидуальными потребностями людей, при этом, что особенно важно, данные выезды не связаны с мотивами заработка денег вне места постоянного проживания.

По мнению К. Пшецлавского, одного из ведущих польских социологов туризма, можно выделить девять групп мотивации туристических выездов, определяемых следующими параметрами:

- 1) стремлением попасть в какое-либо конкретное место;
- 2) желанием на какое-то время покинуть родной дом и сменить обстановку;
- 3) стремлением провести определенное время вне дома с кем-то близким;
- 4) стремлением к знакомству с новыми людьми;
- 5) стремлением к соблюдению канонов, принятых в локальной общности, например, обязательного летнего отдыха в горах или на побережье теплого моря;
- 6) стремлением к удовлетворению эмоциональных и эстетических потребностей;
- 7) стремлением к удовлетворению творческих планов;
- 8) удовлетворением биологических потребностей (например, регенерации сил, лечением); стремлением к занятию туризмом, например, паломничеством, пешеходным туризмом и т.п. [3, с. 56– 61].

Вышеуказанные мотивации туристических выездов подтверждают, что туризм связан прежде всего с отдыхом и наличием свободного времени. Суть различных форм туристического движения связана с различными мотивациями занятия туризмом и различным поведением туристов. В свете современных исследований и анализов принято считать, что это, как правило, физические, психические, интерперсональные, культурные и престижные мотивации [4].

Различные формы организации свободного времени, предпочитаемые туристами, определяют их туристическое поведение. Мы можем выделить шесть групп факторов, обуславливающих это поведение:

- 1) социально-экономические и демографические параметры туристов;
- 2) состояние здоровья, физическая кондиция туристов;
- 3) личностные черты;
- 4) географические факторы;
- 5) факторы, связанные с теми феноменами, которые принято называть достопримечательностями;
- 6) правовые аспекты, связанные с отпусками, выходными днями, возможностями получения визы для въезда на территорию иностранного государства.

По мнению ведущих российских теоретиков туризма М.Б. Биржакова, А.Д. Чудновского, И.В. Зорина, Т.П. Кавериной, В.А. Квартальнова и А.В. Бабкина, именно эти шесть групп факторов определяют формирование туристических предпочтений [5–8].

Классификация туристического движения

По мере постоянного расширения организационных форм занятия туризмом возникает проблема классификации туристических движений, т.е. систематизации различных типов и категорий туризма, форм участия в нем и разных видов занятия туризмом. В этой связи обращает на себя внимание классификация Е. Супревича: в основу критериев такого разделения он предложил положить степень двигательной активности туриста, овладение туристическими техниками, а также занятие туризмом в той мере, которая не вызывает дисфункций. Исходя из этого, он выделил пять относительно однородных и логически замкнутых форм:

1. Массовый туризм, возникший после окончания второй мировой войны. Выезды туристов связаны со значительными спортивными, культурными, экономическими, религиозными событиями и отпускным отдыхом.
2. Альтернативный туризм, ведущий свой отсчет также со второй половины 40-х

годов прошлого столетия, или иначе – экологический и этнический туризм.

3. Активный туризм, период становления которого приходится на конец XX века. Эта форма связана с «активным отдыхом», рекреацией на природе, т.е. с зимними, водными, авиационными, конными и прочими видами спорта, играми, охотой, рыбной ловлей, собирательством грибов и ягод, пешеходными паломничествами и т.п.

4. Квалификационный туризм, берущий свое начало во второй половине XX века и связанный с выездом на туристические базы и лагеря, с походами, экскурсиями, квалифицированными пешеходными маршрутами, велоспортом, лыжным, гребным видами спорта.

5. Экстремальный туризм, возникший в начале 70-х годов прошлого века. Это туризм с исключительно высоким уровнем туристической активности, возникший в высокоразвитых урбанизированных западных странах в условиях «асфальтобетонного» пейзажа. Экстремальный туризм в большинстве случаев связан с такими видами спорта, как, например, лыжный спорт вне трасы (ski-alpinizm), каньонинг (сплав по горным рекам и водопадам), даунхелл (крутой съезд на горном велосипеде по узким тропинкам, поросшим корнями деревьев) [2, с. 120–121].

Наряду с классификацией, предложенной Е. Супревичем, в теории и практике туристического движения существуют иные классификации. Наиболее перспективные из них информируют о том, кто является участником туристического движения (детский, молодежный, взрослый туризм), какую форму принимает предпочитаемый людьми туризм (культурный, спортивный и т.п.), какой регион выбирают туристы (европейский, азиатский и т.п. туризм), какие цели преследует турист (обучающий, оздоровительный и т.п.), кто финансирует выезды (коммерческий, социальный, корпоративный туризм), каково количество туристов (индивидуальный или групповой туризм), какое время года выбрано для туризма (зимний, летний и т.п.), какие транспортные средства задействованы для перевозки туристов (автотуры, авиационный туризм, морские круизы и т.п.), какие стандарты отдыха (эксклюзивный туризм или бродяжничество с рюкзаком на плечах, использование автостопа и т.п.).

В российской научной литературе по данной теме рекомендуется классификация туризма, подразделяющая его на типы, категории, виды и формы [5]. Типы определяются национальной принадлежностью туристов, отсюда деление на внутренний, въездной и выездной туризм. Внутренний туризм занимается организацией туристического движения внутри страны, въездной обслуживает внутри страны граждан других государств, выездной занимается организацией туристических услуг для граждан своей страны за ее пределами. Различные сочетания данных типов туризма образуют следующие его категории:

1) туризм в пределах страны, включающий обслуживание собственных граждан, а также обслуживание на ее территории иностранных граждан;

2) национальный туризм, включающий внутренний и выездной туризм граждан определенной страны;

3) международный туризм, включающий въездной туризм иностранцев и выездной туризм за границу граждан данной страны.

Указанные категории могут использоваться в отношении к отдельной стране, ее определенных регионов либо к региону, включающему несколько стран.

Функциональная классификация видов туризма определяется целью туристических выездов, в соответствии с чем можно выделить такие основные виды туризма:

1) рекреационный, включающий посещение зрелищно-развлекательных мероприятий, организованную охоту, рыбалку и т.п.;

2) лечебно-оздоровительный, предполагающий пребывание на водных и горных курортах, в санаториях и профилакториях, а также в гостиничных комплексах, оказывающих СПА-услуги;

3) познавательный, включающий в себя поездки по миру с целью посещения привлекательных, с туристической точки зрения, мест, достопримечательностей, музеев (часто познавательный туризм сочетается с отдыхом на побережьях теплых морей, при этом экскурсионные программы носят факультативный характер);

4) деловой туризм, включающий выезды, связанные с деловыми поездками, конгрессами, научно-практическими конференциями, семинарами, заключениями новых контрактов, а также выезды, финансируемые работодателями с целью стимулирования лучших работников;

5) спортивный туризм, связанный с организацией и проведением спортивных мероприятий;

6) любительский туризм, в основном связанный с определенными видами водного, горного, воздушного и пустынного спорта;

7) этнический туризм, ориентированный на посещение мест рождения или происхождения рода. В Беларуси, например, такой вид туризма может быть направлен на прием и обслуживания граждан Израиля, по тем или иным причинам покинувших Беларусь, а также их потомков. Организация такого вида туризма достаточно перспективна, если учесть тот факт, что Беларусь является родиной многих выдающихся деятелей государства Израиль;

8) религиозный туризм, являющийся одним из родоначальников современного туризма и основанный на религиозных верованиях представителей различных конфессий; подразделяется на паломничество к святым местам и религиозный туризм экскурсионно-познавательной направленности. К этому виду туризма относится, например, библейский туризм, занимающийся организацией религиозных поездок представителей различных конфессий по библейским местам современного Ближнего Востока;

9) транзитный туризм, предполагающий либо авиационные посадки в той или иной стране с целью пересадки или дозаправки самолета, либо транзитный проезд через страну туристов, направляющихся в третьи страны;

10) образовательный туризм, берущий свое начало в эпоху Средневековья и достигший расцвета в период Нового времени. В настоящее время наиболее популярны двух- трехнедельные образовательные туры с целью изучения иностранных языков.

Примечательно, что чаще всего люди совершают туристические выезды с рекреационными и познавательными целями. Так, например, достойным конкурентом Великобритании по организации образовательных туров, связанных с изучением английского языка, является ее бывшая колония Мальта, предлагающая не только великолепное образование, но и замечательный отдых на средиземноморском побережье.

В зависимости от способа организации выделяют *организованный* и *неорганизованный* туризм. Организованный туризм предполагает заранее разработанный туристический продукт, соответствующий ожиданиям туриста, от начала и до конца организованный туристическими предприятиями. Неорганизованный туризм весьма популярен в западноевропейских странах: занятие таким туризмом стало возможным благодаря существованию шенгенской безвизовой зоны для жителей большинства европейских государств, наличию хорошо развитой туристической инфраструктуры, относительно небольшим расстояниям, а также хорошему знанию иностранных языков, в частности, английского, как языка межличностного общения в странах Евросоюза.

В зависимости от продолжительности различают краткосрочный (туры выходного дня и туры до 5–7 дней, кратковременные деловые поездки и командировки, однодневные экскурсии) и долгосрочный (продолжительный, отпускной и оздоровитель-

ный туризм). В последние десятилетия люди стали отдыхать чаще, но выезды совершенствуют, как правило, продолжительностью до 10 дней. Модно и престижно в последние годы ездить на рождественские каникулы в Прагу или Египет. На зимние каникулы желательнее попасть на горнолыжный курорт, а летом неделю отдохнуть на морском берегу. В Германии, например, большинство туристов выезжает на отдых 3–4 раза в году.

В зависимости от используемых транспортных средств различают железнодорожный, авиационный, теплоходный/водный (речной и морской), автомобильный, автобусный, велосипедный, туризм с использованием прочих средств передвижения (воздушные шары, дельтапланы и т.п.), а также пешеходный туризм.

По интенсивности туризм делится на постоянный и сезонный.

По возрастной категории туризм делится на детский, молодежный, лиц среднего возраста, лиц «третьего» возраста (туризм сеньоров).

По источникам финансирования туризм подразделяется на коммерческий и социальный, финансируемый государством, профсоюзами, предприятиями, пенсионными и прочими фондами.

В качестве видов туризма можно рассматривать экологический, сельский, приключенческий, спортивный.

В качестве форм туристических мероприятий выделяют туристический поход, слет, экспедиция, туристско-спортивное соревнование, таймшер. Под формами туризма может пониматься также тип организации туристической деятельности: индивидуальный (до 5 человек) и групповой (свыше 6 человек, сюда же относится массовый, клубный, семейный туризм).

Специальные формы туризма в современных обществах

С точки зрения социологических научных теорий, анализирующих феномен туризма, можно выделить также иные формы туризма, которые определяются на основе использования различных критериев классификации. Так, на основе мотиваций туристической деятельности в зависимости от специфики выделяют различные их виды. Например, с точки зрения физической мотивации (отдых, лечение, спорт), можно выделить туризм рекреационный, лечебный и спортивный.

Положив в основание классификации психическую мотивацию (бегство от повседневности, развлечение, стремление к переживаниям), можно выделить эмоциональный, образовательный и клубный туризм.

На основе интерперсональной мотивации различают посещение родственников и друзей, участие в общественной жизни, социальные контакты, эскапизм, трактуемый как бегство от природы и уход от реальности, отсюда выделение следующих форм туризма: семейный, клубный, эмоциональный и кемпинговый.

Культурные мотивы туристической активности, базирующиеся на стремлении познакомиться с природой, культурой, историей и современной жизнью той или иной страны или региона, интерес к искусству или религиозные верования становятся основой для выделения культурного, образовательного и религиозного туризма как самостоятельных туристических форм.

Мотивация престижа, предполагающая образование и совершенствование, желание быть признанным и уважаемым, ведут к появлению таких форм туризма, как конференционный туризм, бизнес-туризм и эмоциональный туризм, ориентированный на переживание определенных эмоций.

Поскольку туристическая деятельность сказывается на платежном балансе, а во многих привлекательных с туристической точки зрения странах и регионах она является одним из основных источников пополнения платежного баланса, то принято также различать иностранный/международный въездной туризм (активный, поскольку ведет

к пополнению баланса) и иностранный/международный выездной (пассивный, поскольку способствует вывозу собственными туристами иностранной валюты из страны и снижению тем самым платежного баланса).

Российский теоретик туризма А.В. Бабкин к специальным видам туризма относит туры, которые полностью или частично характеризуются следующими признаками:

- 1) немассовые, достаточно редкие виды туризма;
- 2) трудоемкие по созданию конечного турпродукта;
- 3) капиталоемкие виды туризма;
- 4) туры, сочетающие признаки различных видов туризма;
- 5) новые виды туризма, обусловленные вторичными потребностями человека;
- 6) виды туризма с использованием нетрадиционных источников финансирования.

К специальным, наиболее распространенным видам туризма, которые отвечают вышеперечисленным требованиям, по мнению этого авторитетного исследователя туризма, можно отнести следующие:

- 1) религиозный туризм;
- 2) деловой туризм: конгрессно-выставочный туризм и инсентив-туризм, включающий в себя проведение выездных семинаров, совещаний, конференций «без галстуков», а также поездки отдельной командой на отдых, совмещенный с презентацией каких-либо новых товаров и т.п.);
- 3) лечебно-оздоровительный туризм;
- 4) экологический туризм;
- 5) событийный туризм;
- 6) горнолыжный туризм;
- 7) экстремальный туризм;
- 8) круизный туризм [8].

Итак, рассматривая с социологической точки зрения феномен туристического движения, проблемы его классификации, а также специальные формы существования в современных обществах, можно сделать вывод о том, что категории и количество специальных видов туризма не являются раз и навсегда заданными. С изменением потребностей туристов могут появляться его новые специальные виды, и в то же время ряд специальных видов туризма постепенно может переходить в разряд ординарных и привычных.

Что касается проблемы классификации туристического движения, то мы предлагаем авторский, на наш взгляд, вполне продуктивный подход, при котором все типы туристического движения можно классифицировать по трем группам в зависимости от того, каковы цели туристической активности:

- 1) познавательный туризм (образовательный, культурный, просветительный, промышленный, т.е. поездки на предприятия, виртуальный – путешествие в виртуальную реальность);
- 2) оздоровительный туризм (лечебный туризм и туризм, связанный с отдыхом, рекреацией, СПА-услугами, занятием спортом);
- 3) воспитательный туризм (краеведческий, религиозный, военный).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bor, R. Turystyka / R. Bor, A. Doliński – Warszawa, 1978.
2. Suprewicz, E. Socjologia turystyki / E. Suprewicz. – Lublin, 2005.
3. Przeclawski, K. Socjologiczne problemy turystyki / K. Przeclawski. – Warszawa, 1979.
4. Gaworecki, W.W. Turystyka / W.W. Gaworecki. – Warszawa, 1998.

5. Биржаков, М.Б. Введение в туризм / М.Б. Биржаков. – СПб. : Издат. Торговый Дом «Герда». – 192 с.
6. Чудновский, А.Д. Управление индустрией туризма : учеб. пособие / А.Д. Чудновский [и др.]. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : КНОРУС. – 440 с.
7. Зорин, И.В. Туризм как вид деятельности : учебник / И.В. Зорин, Т.П. Каверина, В.А. Квартальнов. – М. : Финансы и статистика, 2005. – 288 с.
8. Бабкин, А.В. Специальные виды туризма : учеб. пособие / А.В. Бабкин. – Ростов н/Д, 2008.
9. Александрова, А.Ю. Международный туризм : учебник / А.Ю. Александрова. – М. : Аспект Пресс. – 470 с.

Yakovuk T.I. Sociological Approach to the Conception of Tourist Movement

The attention towards the problem of tourist movement as a phenomenon of social life seems exceptionally actual, in spite of the fact that the sources of this movement is to be found in the deepest strata of human history. The author of the article analyses the tourist movement from the point of view of sociology of tourism and the use of its conceptual apparatus, as well as the problems related to its classification and social forms of functioning of tourism in the contemporary society. They are considered as a complex of relations and phenomena, based on the moving of people within a space. The author analyzed six main groups of factors, determining the formation of tourist preferences. The article demonstrates the author's approach, involving the classification of all types of tourist movement in the form of three main groups, depending on the purpose of tourist activity.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 09.02.2012

УДК 322+338.48

Г.М. Грибов, А.И. Лысюк, М.Г. Соколовская

АГРОЭКОТУРИЗМ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ БЕЛОРУССКИХ ЭКСПЕРТОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье представлены результаты экспертного социологического опроса, посвященного изучению потенциала сферы агроэкотуристических услуг в приграничных регионах современной Беларуси. Определена степень привлекательности для белорусских и иностранных туристов отдельных сфер агроэкотуризма и его приоритеты. Указано на перспективы и наиболее эффективные способы организации агроэкотуристической деятельности на приграничных территориях. Даны рекомендации субъектам сельского туризма по оптимизации их деятельности в этой области.

Введение

В современном мире, в том числе и в Беларуси, агроэкотуризм является одним из наиболее динамично развивающихся видов туристической деятельности. Правда, если в нашей стране он находится на начальной стадии развития, то в соседней Польше уже является важным сегментом сферы туризма. В этих условиях разработка и развитие совместных трансграничных белорусско-польских «зеленых маршрутов» позволяет не только прикоснуться к позитивному польскому опыту, но и усилить коэффициент полезного действия их (маршрутов) использования.

Агроэкотуризм обладает высокой притягательностью для многих жителей Беларуси, иностранных туристов, поскольку достаточно гармонично включает в себя важные для них элементы: 1) активный отдых; 2) наличие познавательного компонента; 3) доступные цены; 4) экологические ориентации; 5) хорошее питание; 6) межличностные коммуникации; 7) высокий рекреационный потенциал; 8) климатическая совместимость для граждан Евросоюза и др.

Перспективы развития сельского туризма в любой стране существенным образом зависят от правильности выбора стратегий и технологий его субъектами, что, в свою очередь, определяется качеством экспертного сопровождения агротуристической деятельности. Исследователями БрГУ им. А.С. Пушкина и БрГТУ в рамках проекта Программы поддержки Беларуси Федеральным правительством Германии был проведен экспертный опрос с целью определить потенциал развития агроэкотуризма, в особенности в приграничных регионах Беларуси и Польши с акцентом на создание туристической инфраструктуры, приемлемой для иностранных туристов, главным образом, из стран Европейского союза.

В ходе исследования летом–осенью 2011 года нами были опрошены 46 белорусских экспертов в области сельского туризма, представляющих академическое сообщество, практикующих хозяев сельских усадеб, представителей местных администраций, журналистов и др.

Результаты исследования

В первую очередь, нам представлялось важным и целесообразным выяснить, в какой степени обладает Беларусь туристической привлекательностью для иностранных туристов и в каких сферах туризма.

Опрошенные нами белорусские эксперты высоко оценивают туристический потенциал своей страны. Без малого четверть из них (73,9%) указывают на это безоговорочно, а 21,7% – с оговорками. Только 4,4% респондентов отрицают туристическую привлекательность современной Беларуси (таблица 1).

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос «Обладает ли Беларусь туристической привлекательностью для иностранных туристов?», %

Обладает	73,9
Обладает в ограниченной степени	21,7
Не обладает	4,4
Затрудняюсь ответить	0

Что же касается конкретно самих туристических объектов и соответствующих предпочтений, то, с точки зрения наших экспертов, безусловное лидерство здесь сохраняет «природа», на что указали 71,7%. Действительно, в отличие от близлежащей Восточной и Западной Европы в Беларуси сохранилось значительное число естественных природных угодий.

Второе место, по мнению 54,3% экспертов, – за «людьми» и «народными традициями». К этой же позиции примыкают 10,9% опрошенных, которые в графе «другое» указали на значимость нематериального (духовного) наследия. В этом важность и огромный потенциал зарождающегося в сельских регионах страны фестивального движения, основанного на народных традициях и обычаях.

Историко-культурные памятники назвали в качестве привлекательных для иностранных туристов 52,2% экспертов. Учитывая, что многие из них находятся в разрушенном или полуразрушенном состоянии, очевидно, что потребуются колоссальные усилия государства по их восстановлению.

50% опрошенных обозначили в качестве аттрактивных туристических объектов «зеленые маршруты», а 32,5% из них – народную гастрономию. Все эти объекты напрямую связаны с сельским туризмом (таблица 2). Поэтому не стоит удивляться, что, отвечая на вопрос о том, какие же сферы туризма в современной Беларуси являются наиболее привлекательными для иностранных туристов, 84,8% экспертов указали именно на агроэкотуризм, который опередил со значительным перевесом отдых в санаториях/турбазах, охоту/рыбалку, медицинский, сакральный, спортивный туризм и др.

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос: «Какие туристические объекты Беларуси могут представлять интерес для жителей других стран?», %

Природа	71,7
Люди, народные традиции	54,3
Историко-культурные памятники	52,2
«Зеленые маршруты»	50,0
Санатории, турбазы	36,9
Народная гастрономия	32,5
Советская архитектура	8,8
Спортивные объекты	4,4
Другое	10,9

При всей безусловной значимости агроэкотуризма в системе белорусской туристической индустрии не следует, по мнению экспертов, переоценивать либо преувеличивать его потенциал. Большинство из них (60,8%) оценивают его как «средний», 34,8% экспертов – как «высокий» и только 4,4% – как «низкий» (таблица 3). Действительно, необходимо четко осознавать, что в современном мире на рынке агротуристических услуг существует жесткая конкуренция, успешно выдержать которую белору-

сам можно только тогда, когда радикальным образом изменится инфраструктура сельского туризма, его рамочные условия, включая и политико-административный аспект.

Таблица 3 – Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы в целом оценили потенциал сельского туризма в Беларуси?», %

Высокий	34,8
Средний	60,8
Низкий	4,4
Затрудняюсь ответить	0

Эффективный сельский туризм может состояться только при условии совпадения ожиданий туристов с предложениями хозяев сельских усадеб, других субъектов агроэкотуризма. Что же, по мнению белорусских экспертов, может представлять интерес для клиентов этого сегмента туризма и как это соотносится с их (клиентов) собственными представлениями? Образно говоря, что же ищут они «в краю сельском»? В представлении и понимании экспертов, совсем немного. В первую очередь, называется природный компонент и некоторые его производные. Так, на «природу» указали 73,9% экспертов, на «тишину и покой» – 71,7%, на «натуральные продукты» – 63,0%, на «отдых от городской жизни» – 47,8%. Но очевидно, что природа, несмотря на то, что она дана как некая объективная реальность, естественным образом нуждается в соблюдении местным населением определенных экологических стандартов и повышением его экологической культуры. По мнению ряда экспертов, для определенной части агроэкотуристов привлекательным является познавательный компонент: 36,9% указали на важность «знакомства с сельской жизнью», что действительно актуально в условиях нарастающей урбанизации белорусского общества, а 28,3% опрошенных отметили значимость «знакомства с историко-культурными памятниками».

Сельский туризм, в представлении экспертов, может быть интересен также своими рекреационной и развлекательной составляющими, а именно экзотикой и романтикой (на это указали 23,9%), возможностью отдыха с друзьями (15,2%), уединением с любимым человеком (13,0%), развлечениями и экстримом (10,9%). Обращает на себя внимание тот социологический факт, что стоимость агротуристических услуг в нынешних белорусских условиях не является значимым фактором в выборе отдыха на сельской усадьбе (таблица 4).

Таблица 4 – Распределение ответов на вопрос «Чем для Вас может быть ценным и интересным отдых на сельской усадьбе?», %

Природа	73,9
Тишина и покой	71,7
Натуральные продукты	63,0
Отдых от городской жизни	47,8
Знакомство с сельской жизнью	36,9
Экзотика и романтика	23,9
Приемлемая цена	19,6
Возможность коллективного (с друзьями) отдыха	15,2
Уединение с любимым человеком	13,0
Развлечение/экстрим	10,9
Лечение	0
Другое	0

Сельский туризм в современной Беларуси является бурно развивающимся сегментом туризма. В этих условиях принципиальное значение имеет определение совокупности средств, инструментов, способных сделать отдых на белорусских сельских усадьбах более привлекательным для туристов других стран. По мнению большинства белорусских экспертов, в первую очередь, необходимо убрать административные барьеры, связанные с преодолением границ, получением виз и регистрацией в милиции. Так, 95,7% экспертов высказались за отмену (упрощение) для туристов визового режима, а 54,3 % – за отмену их регистрации в органах внутренних дел.

Почти две трети опрошенных (65,2%) полагают, что эффективность агротуристической деятельности вырастет в результате проведения соответствующих рекламных акций. В этом направлении в современной Беларуси, главным образом силами исполкомов и международных фондов уже много сделано: изданы рекламные бюллетени, созданы специализированные интернет-сайты, проводятся выставки и фестивали и т.п.

Половина опрошенных экспертов (50,0%) указали на необходимость улучшения условий проживания туристов. Не вызывает сомнения тот факт, что белорусские сельские усадьбы развиваются, и некоторые из них приближаются к международным стандартам. Но очевидным тормозом в этом направлении является недостаток финансовых средств, проблема получения кредитов, выделение которых в настоящее время является скорее исключением, чем правилом.

30,4% экспертов отметили необходимость повышения имиджа сельского туризма. Следует отметить, что в последние годы были осуществлены масштабные рекламные и политико-правовые акции, направленные на формирование позитивного имиджа этого сегмента туризма. 23,9% опрошенных констатировали важность развития экологического туризма, участники которого в силу его специфики с неизбежностью становятся потребителями агротуристических услуг.

Особая и пока еще новая для Беларуси проблема – обеспечение туристов экологически чистыми продуктами. Если спрос на подобную продукцию для белорусских туристов не является принципиальным, то для иностранных туристов он может иметь критический характер. Во всяком случае, на это указывают 23,9% опрошенных экспертов (таблица 5).

Таблица 5 – Распределение ответов на вопрос: «Что нужно сделать для того, чтобы отдых на сельских усадьбах стал более привлекательными для туристов?», %

Отменить/упростить визовый режим	95,7
Провести рекламные акции	65,2
Отменить регистрацию в милиции	54,3
Улучшить условия проживания	50,0
Развивать экологический туризм	28,5
Повысить имидж сельского туризма	30,4
Обеспечить экологически чистыми продуктами	23,9
Снизить цены	17,4
Другое	4,4

Какие же услуги должны предоставлять хозяева сельских усадеб в представлении наших экспертов, и насколько они способны это сделать?

76,1% экспертов полагают, что обязательным является питание туристов. При этом (что принципиально) речь идет не просто об обедах и ужинах, а о питании оригинальном, основанном на народных традициях и национальной гастрономии. Сосиски, поданные к столу на сельской усадьбе, – это безусловный нонсенс.

Отдых на сельской усадьбе изначально предполагает особую, ни в коем случае не формальную и формализованную коммуникативную теплоту. Как следствие этого, 67,4% экспертов думают, что хозяева сельских усадеб должны гарантировать теплый прием и гостеприимство.

Отдых в деревне – это не просто чистый воздух, парное молоко и банька с вениками. Подобный отдых, по мнению 60,9% экспертов, обязательно включает в себя и познавательный компонент, связанный с экскурсиями по местным культурным и природным достопримечательностям. Поэтому хозяева усадеб либо сами должны выступить в роли экскурсоводов, либо нанимать специально подготовленных людей.

Многие агроэкотуристы предпочитают активный образ жизни и стремятся выйти за пределы сельской усадьбы. Поэтому важно, чтобы на ней был соответствующий спортивный инвентарь. 45,7% опрошенных полагают, что в число услуг на сельской усадьбе должны входить аренда велосипедов и байдарок/лодок.

Сельские усадьбы в своем большинстве находятся в «глухих местах», вне рейсовых автобусных маршрутов и далеко от железнодорожных станций, следовательно, существует проблема доставки сельских туристов. По этой причине 41,3% экспертов указывают, что в число услуг должна входить доставка клиентов на усадьбу и обратно.

Важным компонентом пребывания на сельской усадьбе, в представлении 36,9% экспертов, является организация рыбалки, сбора ягод и грибов (таблица 6).

Таблица 6 – Распределение ответов на вопрос: «Какие услуги туристам должны предоставлять хозяева сельских усадеб?», %

Питание	76,1
Теплый прием, гостеприимство	67,4
Экскурсии по природным и культурным достопримечательностям	60,9
Хорошие санитарные условия	50,0
Велосипеды и лодки/байдарки	45,7
Доставка на усадьбу и обратно	41,3
Рыбалка, сбор грибов и ягод	36,9
Комфортабельное жилье	34,8
Изготовление и продажа ремесленных изделий	28,3
Другое	8,8

Принципиальное значение в любом сегменте туризма имеет экономическая составляющая, т.е. цена оказанных услуг. Как показывают результаты социологических исследований, этот фактор в системе выбора белорусскими туристами отдыха в формате сельского туризма не играет существенной роли [1, с. 101]. Эту позицию подтверждают и оценки белорусскими экспертами стоимости услуг на сельской усадьбе: 54,3% из них воспринимают цены за подобные услуги как «справедливые», но 23,9% из них оценивают их как «завышенные». Обращает на себя внимание тот факт, что никто из опрошенных не назвал сложившиеся в этом секторе цены низкими (таблица 7).

Очевидно, что в ситуации несформированности рынка агротуристических услуг, а также сезонного (летнего) превышения спроса над предложением на многих усадьбах для белорусских (но не иностранных) туристов наблюдается картина чрезмерного завышения цен, особенно по сравнению с аналогичными предложениями в Польше и Литве. Думается, что в ближайшие годы в условиях повышения конкуренции стоимость оказанных агротуристических стабилизируется и услуг придет в равновесное состояние.

Таблица 7 – Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы оценили стоимость услуг на сельских усадьбах?», %

Цены завышенные	23,9
Цены справедливые	54,3
Цены низкие	0
Затрудняюсь ответить	21,8

Что же касается «справедливости» самой цены, то большинство экспертов (около трех четвертей) полагает, что при трехразовом питании адекватная цена за сутки проживания в зависимости от степени обустройства усадьбы должна составлять 20–30 долларов США, что является более чем приемлемой ценой для туристов из других стран, но чрезмерной для большинства белорусов. Отсюда необходима политика дифференциации цен для клиентов из разных стран.

Стоимость проживания на сельской усадьбе в определенной степени зависит от престижности этого вида отдыха и, соответственно, от категорий социальных групп, которые пользуются подобными услугами. Оценивая степень подобной престижности, эксперты отмечают, что, во-первых, в чем-то подобный отдых престижен, а в иных своих аспектах – нет. Во-вторых, престижность напрямую связана с качеством «сельской усадьбы». Только 8,7% из опрошенных считает агроэкотуризм «непрестижным», а 13,0% затруднились ответить (таблица 8).

Таблица 8 – Распределение ответов на вопрос «Как вы думаете, является агроэкотуризм престижным видом туризма или нет?», %

Престижным	13,0
В чем-то да, а в чем-то нет	43,5
Непрестижным	8,7
Смотря на какой усадьбе	21,7
Затрудняюсь ответить	13,0

Что касается определения категории клиентов сельских усадеб, то, по мнению 80,4% экспертов, ими являются городские жители, многие из которых обладают, как известно, высоким по сравнению с сельчанами, материальным достатком. 34,8% экспертов среди клиентов сельских усадеб назвали таких «солидных» (денежных) «постояльцев», как иностранные туристы, 17,4% – бизнесменов, 13,0% – участников корпоративных мероприятий.

Отдых на сельских усадьбах является достаточно демократическим видом отдыха, поскольку, что называется, «по карману» для разных категорий населения. Поэтому, по мнению 36,9% опрошенных, этот вид отдыха вполне доступен также не обремененной финансовыми доходами молодежи, 32,6% – просто туристам из Беларуси, а 28,3% – «зеленым туристам» (таблица 9).

Таблица 9 – Распределение ответов на вопрос «Кто чаще всего отдыхает на сельских усадьбах?», %

Городские жители	80,4
Молодежь	36,9
Иностранные туристы	34,8

Продолжение таблицы 9

Туристы из Беларуси	32,6
«Зеленые туристы»	28,3
Бизнесмены	17,4
Корпоративные/семейные торжества	13,0
Случайные люди	8,8
Люди с невысоким доходом	6,5

Успешность сельского туризма, как и любого вида туристической деятельности, напрямую связана с эффективностью рекламных акций. Какие источники информации об отдыхе на сельских усадьбах являются наиболее распространенными? По мнению 87,0% белорусских экспертов, безусловным лидером является Интернет. Достаточно важным источником информации об отдыхе на сельских усадьбах, в представлении 60,8% опрошенных, выступают газеты и телевидение. Следует отметить, что тема отдыха в формате сельского туризма стала уже частью межличностных коммуникаций близких и знакомых. Эксперты указывают, что пока как бы «провисают» дорожные указатели как поставщики информации об отдыхе на сельских усадьбах (таблица 10).

Таблица 10 – Распределение ответов на вопрос «Из каких источников чаще всего белорусы и иностранцы получают информацию об отдыхе на сельских усадьбах?», %

Интернет	87,0
Газеты, телевидение, радио	60,8
Близкие/знакомые	39,1
Я отдыхал на сельской усадьбе	36,9
Книги, рекламные бюллетени	21,7
Дорожные указатели	6,5
Другое	4,4

В настоящее время отдых на сельских усадьбах является достаточно распространенной разновидностью туризма. Поэтому важно выяснить, каким же является качество предоставляемых на них услуг? За ответом на этот вопрос обратимся к нашим экспертам, тем более что, согласно данным социологического опроса, 36,9% из них уже отдыхали на сельских усадьбах.

По их мнению, безусловные и неоспоримые успехи в обслуживании туристов на сельских усадьбах достигнуты в позициях питания и гостеприимства, чему, как правило, специально не учатся. Правда, в последнее время в Брестской области было проведено немало «кулинарных фэстов», на которых белорусские хозяйки усадеб смогли обменяться опытом. Кроме этого, изданы кулинарные книги, в которых изложены национальные гастрономические традиции.

Наименьшие баллы ожидаемо получили условия проживания и санитарное состояние сельских усадеб. Однако и в этом направлении наблюдается неуклонный и поступательный прогресс: многие хозяева усадеб, получая доходы от агротуристической деятельности, вкладывают их в собственное развитие.

Достаточно противоречиво было оценено нашими экспертами качество обслуживания – сфера, требующая, как правило, профессионального обучения, которое обычно ограничивается несколькими днями на отдельных (и редких) семинарах и тренингах (таблица 11).

Таблица 11 – «Как бы Вы оценили качество предоставляемых услуг на белорусских сельских усадьбах?», %

	Отлично	Хорошо	Удовлетворительно	Неудовлетворительно
Питание	41,2	58,8	0	0
Санитарное состояние	11,8	29,5	58,8	0
Качество обслуживания	17,6	52,9	29,5	0
Условия проживания	11,8	58,8	29,5	0
Гостеприимство	64,8	17,6	17,6	0

Особая проблема – развитие сельского туризма посредством обслуживания его субъектами национальных и трансграничных «зеленых маршрутов».

Мир постоянно «зеленеет», включая и сегмент туризма. Как уже отмечалось, белорусские эксперты убеждены, что именно в агроэкотуризме заключен важный источник туристической привлекательности нашей страны для иностранных туристов. Сердцевиной же агроэкотуризма является продвижение по «зеленым маршрутам».

Следует отметить, что в последние годы в Беларуси разработано, описано, картографировано и опубликовано, в том числе в рекламных вариантах, множество «зеленых маршрутов». Насколько же они могут быть использованы и востребованы на международном рынке? Наши эксперты видят в этом направлении туризма большие перспективы. 52,2% из них отмечают, что «зеленые маршруты» могут быть привлекательны для иностранных туристов «в значительной степени», а 23,0% – «в определенной степени» (таблица 12).

Таблица 12 – Распределение ответов на вопрос: «В какой степени являются для иностранных туристов привлекательными «зеленые маршруты» по территории Беларуси?», %

В значительной степени	52,2
В определенной степени	23,9
Совсем не привлекательны	6,5
Все зависит от маршрута	17,4
Затрудняюсь ответить	0

Одновременно очевидно, что число передвигающихся по «зеленым маршрутам» Беларуси иностранных туристов невелико. Поэтому возникает естественный вопрос: что же необходимо сделать, чтобы они были востребованы гражданами других государств? Ответ на этот вопрос для нашей страны имеет принципиальное значение.

Большинство экспертов (69,6%) убеждено, что, в первую очередь, необходимо создать инфраструктуру экологического туризма. Действительно, палаточный вариант устраивает явное меньшинство иностранных туристов – необходимы обустроенные сельские усадьбы.

65,2% опрошенных убеждены, что важно и целесообразно разработать не просто маршруты, но «интересные «зеленые маршруты». Дело в том, что иногда разработчики маршрутов подходят к делу формально и не учитывают специфики «зарубежного интереса».

54,3% экспертов настаивают на необходимости проведения рекламных акций, особенно в Интернете. 41,3% опрошенных полагают, что существенное значение имеет уменьшение стоимости виз или же их отмена, а еще 15,2% – предлагают отменить регистрацию в милиции.

Обращает на себя внимание то, что 28,3% экспертов указывают на необходимость повышения экологической культуры населения, 19,6% предлагают установить специальные дорожные указатели, а 15,2% – заинтересовать туристические фирмы (таблица 13). Действительно, давно назрела необходимость превратить «зеленые маршруты» в туристический продукт.

Таблица 13 – Распределение ответов на вопрос: «Что необходимо сделать для того, чтобы «зеленые маршруты» стали более привлекательными для туристов?», %

Создать необходимую инфраструктуру	69,6
Разработать интересные «зеленые маршруты»	65,2
Провести рекламные акции	54,3
Уменьшить стоимость виз или отменить их	41,3
Повысить экологическую культуру населения	28,3
Заинтересовать туристические фирмы	15,2
Установить специальные дорожные указатели	19,6
Отменить регистрацию в милиции	15,2
Затрудняюсь ответить	10,9

Правда, при этом возникает специальный вопрос: учитывая то, что для «зеленых туристов» особую ценность имеют природные достопримечательности, насколько целесообразно включать в качестве объектов посещения историко-культурные достопримечательности? 71,7% экспертов полагают, что это безусловно важно сделать, а 15,2% – что «все зависит от маршрута» (таблица 14).

Таблица 14 – Распределение ответов на вопрос: «Насколько для иностранных туристов важно ознакомиться во время передвижения по «зеленым маршрутам с историей и культурой данной местности?», %

Важно	71,7
Все зависит от маршрута	15,2
Совсем не важно	4,3
Затрудняюсь ответить	8,8

Разумеется, возникает вопрос об оптимальных способах передвижения по «зеленым маршрутам». Наибольшее число экспертов (67,4%) отдают предпочтение велосипедам. 54,3 % из опрошенных отметили преимущества передвижения на байдарках, а 32,6% – демократический «пеший ход». 21,7% опрошенных указали на возможность передвижения на лошадях, а 10,9% – на комбинированные методы передвижения (в графе «другое») (таблица 15). Учитывая это, сельские усадьбы должны быть в состоянии предоставить «зеленым туристам» хотя бы некоторые из указанных средств передвижения, которые, за исключением велосипедов, как правило, на них отсутствуют.

Таблица 15 – Распределение ответов на вопрос: «Какой способ передвижения по «зеленым маршрутам» представляется наиболее подходящим и востребованным?», %

На велосипеде	67,4
На байдарках	54,3
Пешим ходом	32,6
На лошадях	21,7
Другое	10,9
Затрудняюсь ответить	0

Заклучение

Полученные эмпирические данные позволяют определить некоторые перспективы и способы организации агроэкологического туризма на приграничных территориях Беларуси.

Во-первых, агроэкологический туризм является в современной Беларуси наиболее перспективным направлением развития туризма для граждан иностранных государств.

Во-вторых, привлекательность этого вида туризма обусловлена ценностью приходящего к нему природного компонента и некоторых его производных, сохранившихся в Беларуси в естественном состоянии.

В-третьих, обращает на себя внимание тот социологический факт, что стоимость агроэкологического туризма не является значимым фактором в выборе отдыха на сельской усадьбе. Большинство экспертов цены за предоставленные услуги воспринимаются как справедливые.

В-четвертых, главным препятствием на пути развития сельского туризма являются визовые и административные барьеры. Необходимо также провести соответствующие рекламные акции и улучшить условия проживания туристов, особенно санитарные.

В-пятых, наиболее высоко эксперты оценивают качество питания и гостеприимство, предоставляемые хозяевами сельских усадеб. Можно утверждать, что экологически чистое питание является в финансовом отношении недооцененным.

В-шестых, безусловными лидерами в качестве поставщиков информации о сельском туризме являются Интернет, а также газеты и телевидение.

В-седьмых, белорусские эксперты указывают на высокую привлекательность для иностранных туристов «зеленых маршрутов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грибов, Г.М. Общественное мнение о сельском туризме: социологический анализ / Г.М. Грибов, А.И. Лысюк, М.Г. Соколовская // Вестник Брестского государственного технического университета. – 2010. – № 6 (66). – С. 101–104.

Lysiuk A.I., Gribov G.M., Sokolovskaya M.G. Agroecotourism in the Perception of Belarusian Experts: Sociological Analysis

In the given article the results of the expert sociological survey, dedicated to the study of the potential of agroecotourist services in near-boarder regions of contemporary Belarus are described. The level of attractiveness for Belarusian and international tourists of separate spheres of agroecotourism and its priorities is measured. Perspectives and the most effective means of agroecotourism organization on the near-boarder territories are discussed. The recommendations to the subjects of rural tourism concerning the optimization of their activities are given.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 15.02.2012

УДК 316.7

И.В. Лапук

КОНЦЕПТ «КУЛЬТУРА» В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

В статье представлены основные подходы к изучению феномена «культура» в социально-гуманитарном знании. Обозначена специфика социологического интереса к данной проблематике. Автором предпринята попытка конструирования аксиологически-деятельностного подхода к изучению современной культуры, суть которого в следующем: в основании различного рода выборов индивидов и групп лежат аксиологические приоритеты, однако существуют они не сами по себе, а в связке с деятельностным компонентом в том смысле, что реализуются в реальной практической деятельности людей. Ценностные основания, проявляющиеся моделях поведения, определяют выбор индивида и социальных групп в различных сферах, в том числе и в культуре. На основе разработанных методологических основ представлена методика изучения социокультурных стратегий поведения жителей Беларуси.

Феномен «культура» изучается сегодня многими учеными: культурологами, социологами, психологами и т.д. В современном социально-гуманитарном знании выделяется несколько основных подходов к пониманию и интерпретации этого многозначного и междисциплинарного понятия:

1. С середины 1960-х гг. культура рассматривалась как совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человеком. Именно такая трактовка нашла отражение в Философской энциклопедии и других довольно многочисленных публикациях [1; 2]. Представители этого направления понимают культуру как совокупность продуктов человеческой деятельности. Обладая большой широтой, этот подход отличается высокой степенью неопределенности, так как отсутствуют точные критерии того, что же считать ценностями культуры.

2. Деятельностный подход. Представители данного направления считают, что культура выступает специфическим способом человеческой жизнедеятельности и рассматривается как диалектически реализующийся процесс в единстве его объективных и субъективных моментов, предпосылок и результатов. Поиски содержательного определения культуры приводят, таким образом, к пониманию родового способа бытия человека в мире, а именно к человеческой деятельности как подлинной субстанции человеческой природы. Деятельностный подход рассматривает культуру в контексте личностного становления (Н. Злобин, П. Коган, В. Межуев и др.) [3–6].

3. Технологический подход. Представители данного направления характеризуют культуру как универсальное свойство общественной жизни (В. Давидович, Ю. Жданов, М. Каган, З. Файнбург, Э. Маркарян) [7–11]. Культура выступает в данном подходе как «способ деятельности» (В. Давидович, Ю. Жданов) [12; 13], «технологический контекст деятельности» (З. Файнбург) [9], что придает человеческой активности внутреннюю целостность и особого рода направленность. Тем самым культура есть способ регуляции, сохранения, воспроизведения и развития общества, она понимается как «технология производства и воспроизводства человека и общества», своего рода «ген» жизнедеятельности людей, основа творческой активности человека, механизм адаптации и самодетерминации личности в обществе. Такой подход тяготеет к технологической трактовке культуры, что вытекает из специфики человеческой деятельности, в которой люди руководствуются внебиологическими выработанными и социально закреплёнными средствами и механизмами, образующими культуру. С этой точки зрения, она и выступает как своего рода «технология» человеческой деятельности. Таким образом, культура в рамках данного подхода является способом деятельности, а так же системой

внебиологических механизмов, которые стимулируют, программируют и реализуют адаптивную и преобразующую деятельность людей.

4. Социально-антропологический. Представители данного направления считают, что существуют общие функции во всех культурах, которые образуют «функциональное единство» культур. Культура есть целое, интегрированное из множества частей (элементов), каждый элемент отвечает определённой потребности, функции. Эта функция задана целым, культурой (или её компонентами). Существует дифференциация структур, т.е. их разделение. Единство общества обеспечивается единством его культуры, производством и воспроизводством функций (ритуал, нормы, традиции и т.д.).

Значительный вклад в изучение культуры в рамках социально-антропологического подхода внесли Б. Малиновский и А. Рэдклифф-Браун. Б. Малиновский, следуя принципам функционализма, сторонником которого оставался всю жизнь, считал, что в культуре нет ничего лишнего, в ней все функционально связано друг с другом. А то, что кажется лишним, свидетельствует о нашем непонимании местной культуры. Всякое культурное событие или явление благотворно потому, что наделено функцией. Надо только обнаружить ее. У каждой социальной группы свои инновации, т.е. реакции на изменяющуюся реальность. Если бы все они сохранялись, человеческая культура представляла собой хаотическое образование. Множеству социальных и национальных групп в обществе соответствует множественность культурных ответов на одну и ту же потребность. Малиновский предлагал взглянуть на проблему изнутри, понять внутренние мотивы поведения представителей местной культуры. Его метод получил в науке название включенного наблюдения. Огромное значение он придавал статистическому анализу этнографических данных, который проводил на основе составления карт и таблиц, генеалогии и данных переписей.

Основываясь на своем опыте практических исследований, Малиновский разработал методологию, согласно которой антрополог обязан некоторое время быть наблюдателем в обществе, которое он изучает. Он стремился толковать те или иные проблемы конкретной культуры в терминах фундаментальных человеческих ситуаций, изучать функционирование отдельных элементов культуры внутри культуры как целого [14–16].

А. Рэдклифф-Браун понимал антропологию как науку о человеке и всех аспектах человеческой жизни. Науку о культуре он делил на две части: этнологию и социальную (культурную) антропологию. Этнология представляет собой конкретно-историческое изучение отдельных народов, их внутреннего развития, культурных связей между ними. Основной метод этнологии – историческая реконструкция. Социальная антропология имеет своей задачей поиски общих закономерностей социального и культурного функционирования и развития. Особенностью научного кредо Рэдклифф-Брауна являлось то, что он (в отличие от Малиновского) не отрицал исторического изучения культур [17; 18].

Особенностью функционалистской теории культур (в большей степени это касается учения Рэдклифф-Брауна) была практическая направленность исследований. Сторонники этого подхода стремились создать социальную антропологию как прикладную науку, обеспечивающую решение актуальных практических задач, прежде всего в колониях Великобритании. Одним из важнейших итогов развития функционализма была постановка и попытка решения задачи управления в культурах, имеющих иную природу, чем западноевропейские. Осуществить это начинание предполагалось на основе знания структуры и функциональной значимости элементов культур как целостных образований.

5. Аксиологический подход. Культура в рамках данного направления – это совокупность норм, ценностей, представлений. Аксиологический (ценностный) подход заключается в выделении той сферы бытия человека, которую можно назвать миром ценностей. Именно к этому миру, с точки зрения сторонников данной концепции, и при-

менимо понятие культуры. Она выступает своего рода итогом всего многообразия деятельности человека как совокупность материальных и духовных ценностей, как сложная иерархия идеалов и смыслов, значимых для конкретного общественного организма. Согласно ценностному подходу, культура есть не что иное, как реализация идеально-ценностных целей, предметный мир, взятый под углом зрения его значения для человека. Этот подход выступает как реализация субъектно-объективных отношений. Его главные проблемы — понимание природы ценностей, их происхождение и значимость (Н. Чавчавадзе, З. Какабадзе, Л.Н. Столович) [19–21].

Важный аксиологический аспект изучения культурного поведения индивида – проблема соотношения между ценностями, которые декларированы и которые выступают реальной побудительной силой, поскольку всякая общезначимая ценность становится действительно значимой только в индивидуальном контексте (М.М. Бахтин) [22].

6. Знаково-семиотический и текстовый подходы. Представители данного направления считают, что культура – система определенных знаков и текстов, а также их взаимодействие. Так, Р. Барт рассматривает всю культуру как *текст*. Знаковая реальность – реальность культуры – предзадана человеку, она может быть рассмотрена как «*миф*» или как «*письмо*», не имеющее «автора», как устойчивая семиотическая структура [23; 24].

При семиотическом подходе культура фиксируется в качестве ее сущностной характеристики: внебиологический знаковый механизм передачи опыта через так называемый социокод как знаково закрепленную совокупность деятельностных схем, обеспечивающих социальное наследование (М. Петров) [25; 26]. Здесь подчеркивается, что, поскольку культура является общественным образованием, принципиально важно для ее понимания рассмотрение роли знаковых систем. Кроме того, символы, знаки являются теми средствами реализации ценностей и смыслов культуры, которые наиболее доступны для изучения. Тем самым культура имеет символически коммуникационную природу.

7. Информационно-коммуникативный подход. Представители данного направления акцентируют внимание на изучении влияния средств массовой коммуникации на формирование и трансляцию различных аспектов культуры. На основе обозначенного интереса сформировалась специальное социологическое направление – социология средств массовых коммуникаций, предмет которой – закономерности массовых информационных процессов и деятельности социальных институтов, производящих и распространяющих массовую информацию. Исследования средств массовых коммуникаций традиционно разделяют на изучение проблем коммуникатора, аудитории, содержания и проблем восприятия массовой информации, проблем изучения функционирования отдельных средств массовой коммуникации (печать радио, телевидение, Интернет, кино, рекламы), всей системы массовой информации в целом.

Социологический дискурс в изучении культуры рассматривает ее в контексте организации и образования жизни общества. Впервые понятие «социология культуры» было введено М. Адлером. Под предметом социологии культуры он понимал изучение социальных факторов становления и функционирования культурных ценностей и норм, их воздействие на общество и социальное поведение человека [27]. Однако в такой трактовке понятие «социология культуры» не получило широкого распространения в западноевропейской социологии. Основная причина заключалась в традиционной близости понятий общество и культура. Основные аргументы критиков М. Адлера сводились к тому, что социология культуры подменяет понятие «социология».

Теоретик и социолог культуры Л.Г. Ионин, размышляя об особенностях социологического подхода к пониманию и исследованию культуры, обращается к понятию репрезентативной культуры, введенному современным немецким философом Ф. Тенбруком. «Культура, – пишет Тенбрук, – является общественным фактом постольку, поскольку она является репрезентативной культурой, то есть производит идеи, значе-

ния и ценности, которые действительны в силу их фактического признания. Она охватывает все верования, представления, мировоззрения, идеи и идеологии, которые воздействуют на социальное поведение, поскольку они либо активно разделяются людьми, либо пользуются пассивным признанием» [28, с. 334]. Ионин приходит к выводу, что социология как культурный анализ оказывается шире и масштабнее, чем объективистская, натуралистическая социология, ибо она предполагает не только объективное изучение социальных явлений и процессов, но и изучение предпосылок и условий этой объективности. При этом социология возникает и продолжает существовать как наука о культуре [29].

В данной статье мы попытаемся соединить аксиологическое (ценностное) и деятельностьное (в широком смысле) понимание культуры. В основании различного рода выборов индивидов и групп лежат аксиологические приоритеты. Однако существуют они не сами по себе, а в связке с деятельностным компонентом в том смысле, что реализуются в реальной практической деятельности людей. Ценностные основания, проявляющиеся в поведенческих моделях поведения, определяют выбор индивидом и социальными группами в различных сферах, в том числе и в культурной. То есть «культурный» выбор осуществляется на основании ценностных предпочтений индивидов и социальных групп, с одной стороны. С другой – аксиологический компонент закрепляется в определенных моделях поведения. Таким образом и формируются стратегии социокультурного поведения, обусловленные культурными (ценностными) основаниями и проявляющиеся в реальном поведении (социально-деятельностный аспект).

В этой связи центральной категорией, определяющей и культурные ориентации, и стратегии социокультурного поведения, является реальная деятельностная социокультурная позиция индивидов и социальных групп белорусского общества. Произведем концептуальную проработку обозначенного теоретического конструкта.

В первую очередь, отметим, что в рамках социологического познания мы конструируем реальность как социокультурное пространство. Понятие «социокультурное» в социологии было введено П. Сорокиным. Структура социокультурного взаимодействия имеет, по его мнению, три аспекта, неотделимых друг от друга:

- 1) личность как субъект взаимодействия;
- 2) общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами;
- 3) культура как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения [30, с. 218].

Различия между «социальным» и «культурным» он видит в том, что «социальный» означает сосредоточение на совокупности взаимодействующих людей и их отношениях, тогда как «культурный» – на значениях, ценностях и нормах, а также на их материальных носителях (или материальной культуре).

Мы понимаем социокультурное пространство как, с одной стороны, «архив» норм, ценностей, идей, представлений и т.п. (культура), с другой – сферу реализации этих норм, ценностей, представлений в социальных практиках (социальное). Социокультурное пространство тогда, обладая характеристиками и культуры, и социальности, представляет собой актуализированный (т.е. задействованный, вовлеченный в социальное воспроизводство) архив культуры. Тогда социокультурная позиция представляет собой определенный набор ценностных ориентиров, закрепляемых в поведенческих моделях посредством «втягивания» в повседневную практику имеющихся в распоряжении индивидов и групп капиталов (ресурсов).

Следует также отметить, что мы различаем «реальную» позицию и позицию «на бумаге». Под формальной позицией мы понимаем наличие определенных ценностных оснований и капиталов, которые не реализуются в повседневной практике индиви-

дов и групп. Примером такого «статуса на бумаге» является наличие диплома о высшем образовании, а также стремления реализовать свой потенциал и отсутствие реальной профессиональной деятельности. При определенных условиях этот ресурс может понадобиться и «включиться» в повседневную жизнь, и тогда потенциальный капитал перестанет быть формальным и, соответственно, позиция в образовательном пространстве станет реальной. В этом смысле именно «реальная» позиция, а не «на бумаге» определяет стратификационное расслоение в современном обществе.

Так мы переходим к третьей характеристике – «деятельностная» позиция, – поскольку реализовываться имеющиеся ценности и капиталы могут только в каждодневной повседневной деятельности индивидов и групп. Вслед за феноменологами, а затем и конструктивистами мы считаем, что именно в повседневном действии и взаимодействии проявляется и «объективность» и «субъективность» социальной реальности. Однако возникает вопрос определения и измерения обозначенной позиции в реальном социологическом исследовательском проекте. Социокультурная позиция в рамках нашего методологического подхода определяется ценностными приоритетами личностей и социальных групп.

В социологии сегодня существует множество методических разработок по измерению и построению структуры ценностных предпочтений различных социальных групп общества. Однако большинство эмпирических исследований ценностей в той или иной степени основываются на методике М. Рокича, которая базируется на прямом ранжировании их списка. М. Рокич различает два класса ценностей: терминальные (убеждения в том, что конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться; набор из 18 ценностей) и инструментальные (убеждения в том, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации; набор из 18 ценностей). Это деление соответствует традиционному делению на ценности-цели и ценности-средства [31].

В рамках исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2010 году изучались базовые (предельные) и инструментальные ценности. Так, базовые ценности представляют собой ядро личности, являются основным мотивом социальной активности, обеспечивают ее целостность и определяют программы и стратегии жизнедеятельности. Базовые ценности можно определить как предельные мотиваторы социальной активности агента. Предельные, поскольку они представляют собой наивысший уровень регуляции поведения личности и за ними уже ничего другого поставить нельзя; мотиваторы – поскольку эти ценности требуют реализации в социальных практиках и побуждают к этому; социальной активности – поскольку эта активность необходимо должна быть направлена на другого.

Инструментальные ценности понимаются как социально-значимые ресурсы, которые используются индивидами в социальных практиках. В отличие от базовых ценностей, характеризующих то, что движет людьми, инструментальные ценности относятся к средствам, которые люди используют для достижения собственных целей. «Закрепление», формирование, воспроизводство ценностных иерархий происходит в повседневном взаимодействии людей или в повседневном мире.

Применительно к изучаемой нами проблематике оказывается, что социокультурная позиция проявляется в действиях индивидов и групп в возникающих проблемных жизненных ситуациях. Проблемная жизненная ситуация возникает тогда, когда нарушается упорядоченность привычного течения жизни. Необходимость решать ту или иную проблему (или несколько проблем одновременно) требует от человека повышенной целенаправленной активности, выработки жизненно важных решений и, наконец, выбора той или иной стратегии деятельности, а также средств и способов достижения нужного результата. С другой стороны, тип проблем, стоящих перед человеком, несет на себе пе-

чать политического, экономического и культурного контекста, в котором они возникают, а также социального окружения. В таком случае значимость инструментальных ценностей определяется степенью «включения» в решение проблемных жизненных ситуаций.

Инструментальные ценности, или ценности-средства, интерпретируются нами одновременно и как «включенные» в повседневную практику капиталы. То есть не каждый из имеющихся у человека ресурсов помогает ему в различного рода проблемных жизненных ситуациях; в этом случае он является капиталом «на бумаге», или формальным ресурсом. Реальным он станет только в том случае, когда «включится» и закрепится в повседневных моделях поведения.

Итак, реальная деятельностная социокультурная позиция определяется, таким образом, степенью и комбинацией «втягивания» различных форм и видов капиталов или инструментальных средств в решении возникающих проблемных жизненных ситуаций с учетом смысложизненных ориентиров индивидов и групп. Результаты проведенного эмпирического замера показали, что смысложизненные ориентиры достаточно стабильны и устойчивы: семья, дети, здоровье. Это вполне логично, поскольку они являются «предельными», базовыми ценностями, определяющими направленность жизни в целом.

Относительно инструментальных ценностей определено 5 основных направлений их «включенности» в решение жизненных проблем:

1. Профессионально-образовательные ценности: престиж профессии; хорошее образование; профессиональные знания, умения; занимаемая должность; личный авторитет, известность, репутация.

2. Личностные качества: личный авторитет, известность, репутация; деловые качества; нравственные качества; жизненный опыт; информированность.

3. Корыстный вектор: личный авторитет, известность, репутация; наличие собственности; наличие нужных связей, знакомств; деньги; друзья.

4. Нравственно-правовые ресурсы: государство; обращение к закону; вера в Бога.

5. Семейные ценности – семья.

На основе факторного анализа был выстроен индекс, изменяющийся от -3 до 3 и показывающий степень значимости каждого из выделенных инструментальных векторов. В результате оказалось, что наибольшую ценность для респондентов имеет семья, затем корыстный фактор и личностные качества. Дальнейшие статистические расчеты позволили получить интегрированный индекс, показывающий степень востребованности всех векторных групп капиталов. Последующая кластеризация (методом k-means) дала возможность выделить группы респондентов, отличающихся между собой в зависимости от реальной деятельностной социокультурной позиции (рисунок).

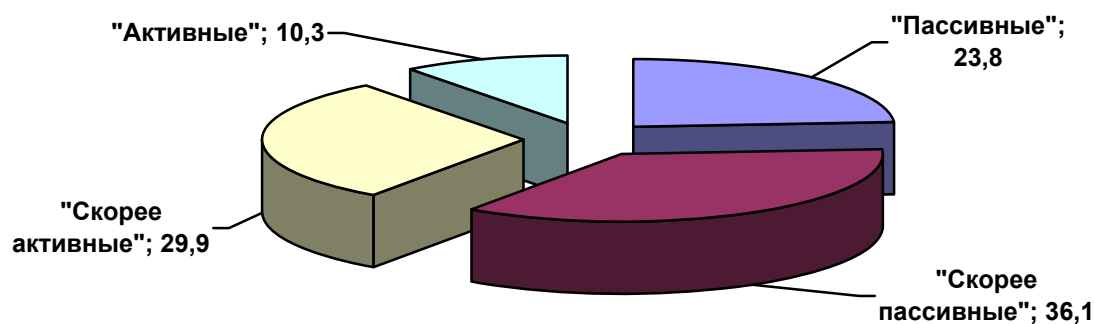

Рисунок – Социокультурная активность жителей республики, %

Статистические расчеты показали, что выделенные типы достоверно различаются в зависимости от социально-демографических (возраст, уровень образования, семейное положение и т.д.) и территориальных (регион проживания, тип населенного пункта) характеристик.

Таким образом, предложенные методологические основания позволяют выйти на другой, более глубокий уровень социологического анализа феномена «культура». Одновременно возможно решать практические задачи в этой области:

- 1) выявить культурные ориентации различных социально-демографических и территориальных групп белорусского общества;
- 2) изучить потребительские предпочтения населения Беларуси на рынке культурных продуктов и услуг;
- 3) исследовать особенности социокультурного поведения различных социально-демографических и территориальных групп белорусского общества;
- 4) построить социальный портрет целевой аудитории для приоритетных культурных продуктов и услуг Беларуси.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Философская энциклопедия : в 5 т. / под ред. Ф.В. Константинова. – М. : Советская энциклопедия, 1970. – 740 с.
2. Столович, Л.Н. История русской философии : очерки / Л.Н. Столович. – М. : Республика, 2005. – 495 с.
3. Межуев, В.М. История культурологии / В.М. Межуев [и др.]. – М. : Гардарики, 2006. – 384 с.
4. Злобин, Н.С. Культура и общественный прогресс / Н.С. Злобин. – М., 1973. – 303 с.
5. Злобин, Н.С. Духовное производство и культура / Н.С. Злобин. – М. : Наука, 1980. – 293 с.
6. Межуев, В.М. Философия культуры: эпоха классики : курс лекций / В.М. Межуев. – М., 2003. – 199 с.
7. Каган, М.С. Философия культуры / М.С. Каган. – СПб. : Петрополис, 1996. – 416 с.
8. Культурология : учеб. пособие / под ред. Г.В. Драч. – Ростов н/Д. : Феникс, 2006. – 576 с.
9. Файнбург, З.И. Методологические проблемы теории культуры: состояние и перспективы / З.И. Файнбург // Диалектика культуры : сборник статей – Куйбышев, 1982. – С. 17–21.
10. Маркарян, Э.С. Проблема целостного исследования культуры в антропологии США / Э.С. Маркарян // Этнология в США и Канаде : сборник статей; под ред. Е.А. Веселкина, В.А. Тишкова. – М., 1989. – С. 15–61.
11. Маркарян, Э.С. Теория культуры и современная наука. Логико-методологический анализ / Э.С. Маркарян. – М. : Мысль, 1983. – 284 с.
12. Ритцер, Дж. Современные социологические теории / Дж. Ритцер. – 5-е изд. – СПб. : Питер, 2002. – 688 с.
13. Культурология : учеб. пособие / под ред. Г.В. Драч. – Ростов н/Д. : Феникс, 2006. – 576 с.
14. Малиновский, Б.Н. Зарождение функционализма / Б.Н. Малиновский // [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://ethnopsychology.narod.ru/study/functionalism/malinovsky.htm>. – Дата доступа: 27.03.2011.

15. Малиновский, Б.Н. Научные принципы и методы исследования культурного изменения / Б.Н. Малиновский // Антология исследований культуры. – Т. 1 : Интерпретации культуры. – СПб., 1997. – С. 371–385.
16. Малиновский, Б.Н. Функциональный анализ / Б.Н. Малиновский // Антология исследований культуры. Т.1: Интерпретации культуры. – СПб., 1997. – С. 681–703.
17. Redcliffe-Brown, A.R. A Natural Science of Society / A.R. Redcliffe-Brown. – Glencoe, IL: Free Press, 1957. – 318 p.
18. Минюшев, Ф.И. Социология культуры: учеб. пособие / Ф.И. Минюшев. – М. : Академический проект, 2004. – 272 с.
19. Ритцер, Дж. Современные социологические теории / Дж. Ритцер. – 5-е изд. – СПб. : Питер, 2002. – 688 с.
20. Столович, Л.Н. История русской философии : очерки / Л.Н. Столович. – М. : Республика, 2005. – 495 с.
21. Столович, Л.Н. Философия. Эстетика. Смех / Л.Н. Столович. – СПб. – Тарту, 1999, – 384с.
22. Бахтин, М.М. К философии поступка / М.М. Бахтин // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984–1985. – М., 1986. – С. 80–160.
23. Барт, Р. Структурализм как деятельность / Р. Барт // Избранные работы [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://ihtik.lib.ru>. – Дата доступа: 21.01.2011.
24. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт; под общ. ред. Г. К. Косикова. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
25. Петров, М.К. Язык, знак, культура / М.К. Петров. – 2-е изд. – М. : Едиториал-УРСС, 2004. – 328 с.
26. Петров, М.К. Самосознание и научное творчество / М.К. Петров. – Ростов н/Д. : РГУ, 1992. – 272 с.
27. Соколов, Э.В. Культурология: очерки теорий культуры / Э.В. Соколов. – М. : «Интерпракс», 1994. – 269 с.
28. Шпакова, Р.П. Немецкая социология / Р.П. Шпакова. – СПб. : Наука, 2003. – 561 с.
29. Ионин, Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие: учеб. пособие / Л.Г. Ионин. – М. : Логос, 2000. – 431 с.
30. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
31. Рокич, М. Методика определения ценностных ориентаций / М. Рокич // Ценностные ориентации [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.hrportal.ru/tool/metodika-opredeleniya-tsennostnykh-orientatsii-m-rokicha>. – Дата доступа: 13.01.2011.

Lashuk I.V. Concept «Culture» in Modern Sociology

In article the basic approaches to studying of a phenomenon «culture» in socially-humanitarian knowledge are presented. Specificity of sociological interest to the given problematic is designated. The author undertakes the designing attempt of the value-activity approach to the studying of modern culture, the essence of which is in the following: values priorities lie on any basis of elections of individuals and groups. However they exist not in itself, but together with the activity component in terms that they are realized in real practical activities of people. The valuable bases shown in activity models of behavior, define a choice of the individual and social groups in various directions, including in the culture. On the basis of the developed methodological bases the studying technique of sociocultural strategy of behavior of inhabitants of Belarus is presented.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 11.02.2012

УДК 316

Ю.М. Бубнов

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ НЕТЕРПИМОСТИ В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье представлена проблематика межнациональной нетерпимости по материалам социологических опросов, проведённых в Могилёвской области, а также в г. Минске и в г. Гродно. Рассматриваются исторические предпосылки толерантности. Измерен уровень этнической нетерпимости в молодёжной среде. Исследованы социально-демографические факторы, влияющие на уровень этнической толерантности в современном белорусском обществе. На основе социологических опросов 1997–2009 годов определена тенденция изменения уровня этнической нетерпимости.

Ежегодно 16 ноября мировая общественность отмечает День толерантности. Этот факт свидетельствует о всемирной значимости толерантности в современном глобализированном мире. В этой статье попытаемся ответить на вопросы, в чем суть толерантности и насколько граждане Беларуси толерантны.

Латинский корень слова «толерантность» (*tolerantia*) указывает на смысл этого термина – терпение, терпимость, снисходительность к кому-нибудь или чему-нибудь [1, с. 510]. Толерантность – это принятие другого таким, каков он есть, признание, наряду со своим, его картины мира, это уважение к особенностям его вида, образа мысли и стиля жизни, это терпимость к слабостям и недостаткам другого, это психологическая совместимость, взаимопонимание, понимание и признание особенностей национальной психологии, гендерной, конфессиональной, возрастной, профессиональной и любой иной групповой и индивидуальной специфики, признание прав других быть самим собой, это отсутствие силового навязывания своей картины мира другим людям. Толерантность не означает отказа от своей собственной картины мира. Толерантность не означает и отсутствия борьбы различных картин мира. Но борьба эта может вестись только не насильственными методами, а исключительно убеждением и добрым примером.

В «Декларации принципов толерантности», утвержденной резолюцией 5.61 на Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1995 года, утверждается, что «толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность – это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая, и правовая потребность. Толерантность – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира» [2].

Русский аналог понятия «толерантность» – терпимость – наводит на мысль о пассивном терпении чужих особенностей. Однако, как подчёркивает Декларация принципов толерантности, «толерантность – это не уступка, снисхождение или потворство. Толерантность – это, прежде всего, активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Ни при каких обстоятельствах толерантность не может служить оправданием посягательств на эти основные ценности, толерантность должны проявлять отдельные люди, группы и государства». В статье 1.4 Преамбулы Декларации подчёркивается, что «проявление толерантности, которое созвучно уважению прав человека, не означает терпимого отношения к соци-

альной несправедливости, отказа от своих или уступки чужим убеждениям. Это означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими. Это означает признание того, что люди по своей природе различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность. Это также означает, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим».

Сфера применения толерантности отнюдь не ограничивается межличностными взаимоотношениями. Политическую направленность толерантности нельзя недооценивать. «Декларация принципов толерантности» не оставляет сомнений на этот счёт, определяя толерантность как «обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма), демократии и правопорядка. Толерантность – это понятие, означающее отказ от догматизма, от абсолютизации истины и утверждающее нормы, установленные в международных правовых актах в области прав человека».

Подобно тому, как для врача интерес представляет не здоровье, а болезнь, так и у социолога, изучающего толерантность, внимание фокусируется на различных проявлениях нетерпимости. Нетерпимость, соответственно, представляет собой качество, противоположное толерантности. По мнению Дж. Локка, нетерпимость является результатом «развращенной, честолюбивой человеческой природы» [3, с. 70]. Однако вряд ли стоит видеть в многообразных проявлениях этнической нетерпимости исключительно порчу толерантной человеческой природы. Скорее, наоборот, исконное человеческое естество явственно просматривается в широко распространённых актах нетерпимости к инородцам, иноверцам, инакомыслящим и всем прочим, отличающимся внешним видом, поведением или идеями, чужакам. Дело в том, что нетерпимость выступает первичным, самым примитивным фактором этнической идентичности. «Свои» осознаются таковыми поначалу только в противопоставлении с «чужими». Осознание человеком своей этнической идентичности многими учеными признаётся базовым, чаще всего даже рационально не осознаваемым чувством. Важнейшим условием становления и укрепления этнической идентичности человека является обособление себя и себе подобных от всех остальных, не принадлежащих к его этнической группе. Такое обособление может иметь различную степень выраженности, вплоть до крайней враждебности к чужакам. Отношение недоверия и враждебности к представителям других этнических, религиозных или идеологических групп имеет глубокие исторические корни. Самоназвания многих древних этносов переводятся «человек», «люди». Само собой разумеется, что все иные, не принадлежащие к «людям», людьми для наших далёких предков не являлись. Поэтому их можно было убивать и даже в исключительных случаях употреблять в пищу, как животных. Моральные нормы практически всех народов имели этническую (позже также и социально-классовую) сферу применения, за пределами которой понятия добра и зла зачастую менялись местами. Так, например, Ветхий Завет запрещает евреям давать деньги в рост своим соплеменникам, однако не предусматривает никаких ограничений по отношению к клиентам-иноверцам. Подобные нормы существовали в Средние века и во многих странах Европы. К слову сказать, этим можно объяснить тот факт, что евреи издревле преобладали на мировом рынке ростовщических услуг, заторных или запрещённых для местных жителей. Этническое размежевание, частоходящее до прямого геноцида, приходится считать одним из важнейших факторов человеческой истории вплоть до сегодняшнего дня.

Современность добавила новые сюжеты к многовековой истории межэтнических отношений. Наше время не без основания называют веком прогрессирующей глобализации. И действительно, сформированы и всё более эффективно действуют политические, экономические, культурные, информационные и разные прочие структуры,

учреждения, организации и предприятия, сфера деятельности которых – весь земной шар. Процесс глобализации в той или иной мере сказывается на очень многих сторонах жизни всех народов, населяющих Землю. Особенно остро процесс глобализации затрагивает наиболее ранимые национальные чувства людей. Это и понятно, ведь глобализация во многих отношениях унифицирует образ жизни подвергнувшихся её влиянию людей, принуждая их покупать одни и те же товары, смотреть одни и те же фильмы, слушать одну и ту же музыку, говорить на одном языке. Подавляющее большинство людей воспринимает этот процесс как благо, открывающее перед ними новые, более широкие возможности обеспечить себе и своим близким высокий общественный статус и материальное благосостояние. Однако заметная часть представителей народов, вовлечённых в процесс глобализации, проявляет беспокойство по поводу утраты своей этнической идентичности. На этой основе могут активизироваться различные формы этнической нетерпимости, вплоть до экстремистских, насильственных мер воздействия на представителей других этносов, как правило, составляющих меньшинство в данном сообществе. Обращает на себя внимание тот факт, что как среди апологетов, так и среди противников глобализации преобладают молодые люди, среди которых немало и тех, кто облекает свой протест против утраты собственной этнической идентичности в формы насильственных действий по отношению к представителям других народов.

В европейской философской традиции терпимость сначала рассматривалась почти исключительно как веротерпимость, как «терпимость по отношению к тем, кто в религиозных вопросах придерживается других взглядов»[3, с. 93]. Посредством веротерпимости пробивала себе дорогу свобода совести, которая в тех конкретных исторических условиях означала право протестантов на выбор вероисповедания. Затем лозунг толерантности подхватила укрепившаяся буржуазия, заинтересованная в расширении рынков получения сырья и сбыта товаров за счёт освоения чужих национальных территорий. Современная глобализация является следствием экономической экспансии транснациональных корпораций. Толерантность расчищает им путь к доселе закрытым национальным рынкам. Такова политэкономическая подоплёка идеологии толерантности. Однако нельзя не признать и тот факт, что только толерантность позволяет жить в мире людям, социальным группам и народам, различающимся этническими признаками, религиозными верованиями, политическими взглядами, культурными ценностями и образом жизни. Невнимание к вопросам толерантности чревато ситуацией «войны всех против всех», что ставит крест на будущем всей человеческой цивилизации. Поэтому иного пути, кроме расширения зоны всесторонней толерантности, у современно-го глобализованного общества нет.

Считается, что в Беларуси живут люди, толерантные от рождения. Белорусы гордятся этой национальной особенностью, другие негодуют и иронизируют по поводу безропотной терпимости своих земляков. Однако сами белорусы, равно как и их соседи, в большинстве своём соглашаются с тем, что они-де толерантная нация. И действительно, по сравнению со странами-соседями, особенно бывшими советскими республиками на юге, востоке и севере, белорусское общество может служить положительным примером мирного совместного проживания различных этносов и конфессий. Этому способствуют объективные и субъективные обстоятельства. Важнейшим основанием межнационального мира в нашей стране является высокая степень этнической однородности белорусского общества. Очень близкие по языку, обычаям, религии белорусы, русские, поляки и украинцы в сумме составляют более 95 процентов населения Беларуси. Многие исследователи и политики указывают на особенности национального характера белорусов как на главную причину этнического спокойствия в Беларуси. В предлагаемом отчёте мы попытаемся проанализировать субъективный фактор межэтнической терпимости, основываясь на результатах собственных социологических

опросов молодых жителей Беларуси. Опросы молодёжи Могилёвской области проводились группой сотрудников кафедры гуманитарных дисциплин Могилёвского государственного университета продовольствия с 1997 г. по 2009 г. В общей сложности было опрошено более 5 000 молодых людей обоёго пола в возрасте до 30 лет, проживающих в Могилёвской области, а также в г. Минске и в г. Гродно.

Итак, в какой степени социальное качество терпимости развито у наших сограждан? У социолога, много лет изучающего белорусский социум, есть возможность дать количественную оценку уровню толерантности своих земляков. Для того, чтобы придать материалу проблемную остроту, мы чаще будем говорить не о толерантности, а о нетолерантности, нетерпимости, что характеризует анализируемое явление с противоположной стороны.

Приходится признать, что радикализм, в том числе и в сфере межэтнических отношений, доходящий нередко до актов насилия, является неотъемлемой характерной чертой заметной части населения Беларуси, в особенности молодёжи. В этом мы убедились в ходе проведения социологических опросов молодёжи.

Одним из самых популярных лозунгов идеологов и практиков этнической нетерпимости является тезис, согласно которому преимущественное право на проживание на определённой территории раз и навсегда закреплено за так называемой «коренной» нацией. Вряд ли стоит доказывать, что пресловутое «естественное» право является вопиющей формой дискриминации по национальному признаку и недопустимо в современном глобализирующемся мире. Тем не менее страхи, связанные с «распродажей родной земли иностранцам», охватывают немало людей в самых разных странах. Насколько популярны идеи «естественного права» среди молодых граждан Беларуси? Это можно увидеть на диаграмме рисунка 1, на которой представлены результаты нашего опроса жителей Могилёвщины в 2007 и в 2009 гг.

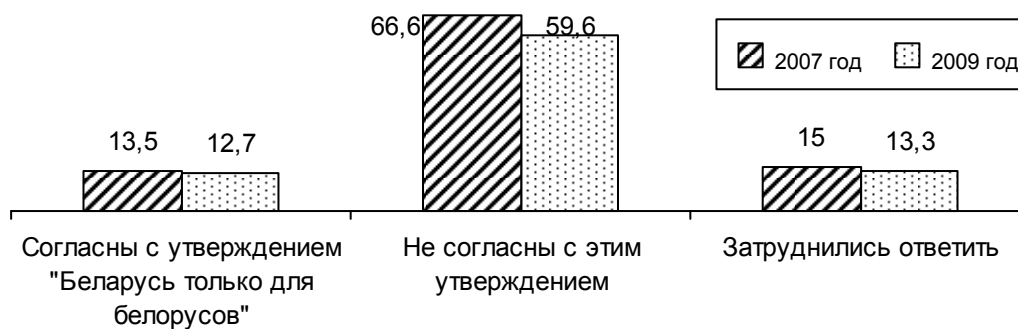

Рисунок 1 – Отношение жителей Могилёвской области к утверждению «Беларусь только для белорусов», %

Как видим, немало молодых жителей Могилёвщины являются приверженцами белорусской редакции националистического по сути лозунга, ставшего в своё время психологической основой нацистской идеологии. Среди представителей белорусской молодёжи выявилось 13,5% сторонников ограничения места проживания людей по национальному признаку. Представители старших поколений почти в два раза реже соглашались с лозунгом «Беларусь только для белорусов». Вероятно, они лучше молодых людей понимают всю взрывоопасность практической реализации принципа «естественного права» в политике и в экономике. К тому же для проведения этого принципа в жизнь потребуются решить неразрешимую задачу поиска объективных критериев принадлежности индивида к коренной нации, в данном случае, к белорусскому этносу, который, как известно, представляет собой сложный сплав угров, славян, балтов и гер-

манцев. А при решении этой задачи никак не избежать процедуры измерения параметров черепа и формы носа у представителей «коренной нации» и определения на этой основе эталонного этнического типа. Вряд ли стоит тратить время и печатное место для того, чтобы доказывать абсурдность подобных попыток, уже, кстати, имевших место в европейской истории и опровергнутых серьёзными учёными [4]. А вот напомнить о том, чем чреваты такие опыты, очень даже следует всем тем, кто успел забыть о фашистских концлагерях и многочисленных примерах этнического геноцида. Разделение населения страны на «коренную» нацию и «пришлых», на «своих» и «чужих» создаёт ситуацию необоснованных привилегий одних и справедливого недовольства других социальных групп, что никак не способствует социальной гармонии. А смещение критериев вертикальной социальной мобильности в сторону этнического происхождения, когда политическую и экономическую элиту составляют лишь представители «коренной» нации, ставит крест на прогрессе страны. Имеющие место в истории и современности примеры привилегированного положения одной нации над другими лишь подтверждают отмеченную выше закономерность.

И тем не менее, как видно из результатов опроса, среди нашей молодёжи нашлось немало сторонников лозунга «Беларусь только для белорусов». К ним следует присмотреться повнимательнее, учитывая социально-политические риски, исходящие от этой группы граждан. В группе сторонников «естественного права» на место проживания две трети составляют юноши и лишь одну треть девушки. Довольно интересно половозрастное распределение молодёжи, согласившейся с лозунгом «Беларусь только для белорусов» (рисунок 2).

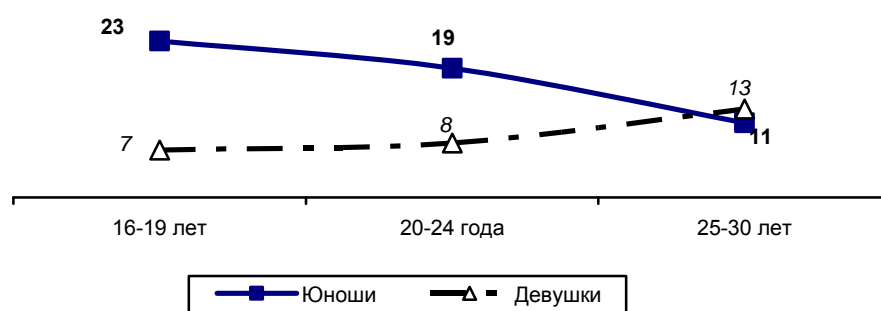

Рисунок 2 – Половозрастное распределение сторонников утверждения «Беларусь только для белорусов», %

Уровень этнической нетерпимости у юношей с годами падает в два раза (с 23% среди 16–19-летних до 11% среди 25–30-летних), а вот у девушек, напротив, нетерпимость в два раза возрастает (с 7% среди тинэйджеров до 13% в группе 25–30-летних). У юношей такая динамика, вероятно, обусловлена процессом профессиональной социализации, в ходе которой они избавляются от этнонациональных предрассудков. У девушек же тенденция усиления этнической нетерпимости в возрастном диапазоне от 25 до 30 лет, возможно, связана с негативным опытом общения с представителями иных этносов в сверхкоммуникативный предбрачный период.

Итоги социологического опроса свидетельствуют о том, что лозунг «Беларусь только для белорусов» быстрее находит положительный отклик в сознании людей, чей ум не слишком обременён образованием. Зависимость нацистской ориентации белорусской молодёжи от уровня образования можно наблюдать на рисунке 3.

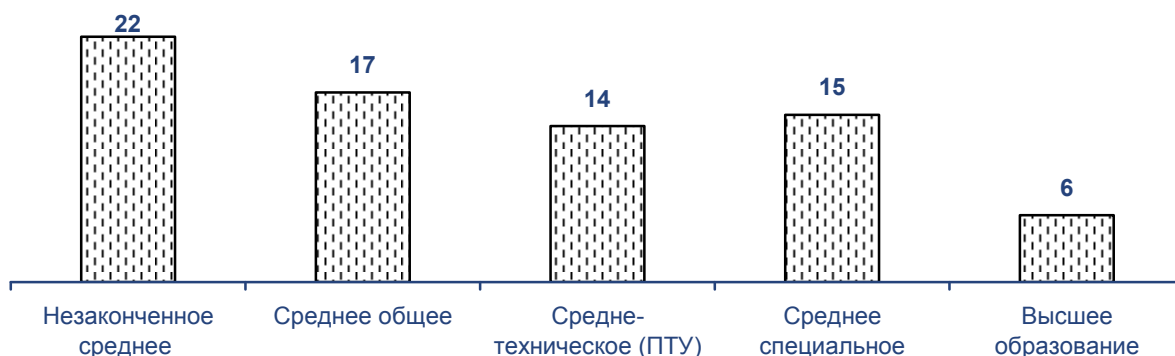

Рисунок 3 – Распределение сторонников утверждения «Беларусь только для белорусов» в зависимости от уровня образования, %

Заметно, что высшее образование в целом повышает иммунитет молодого человека к нацистской идеологии. Так, среди обладателей дипломов высших учебных заведений сторонников принципа ограничения людей по их национальности оказалось в 3 раза меньше, чем среди учащихся школ (соответственно 6% и 17%). Однако зависимость здесь не простая и отнюдь не линейная. Как выяснилось в ходе анализа социологических данных, важно не то, где учится респондент, а то, как он там учится. Во всяком случае приверженность молодых людей нормам «естественного права» сильно зависит от того, насколько хорошими учениками они были в школе. Так, среди молодых людей со средним баллом общеобразовательной школы 4 и выше (по пятибалльной системе) популярность лозунга «Беларусь только для белорусов» оказалась в два с половиной раза ниже, чем среди тех, кто учился на «удовлетворительно». Таким образом, данные социологического исследования лишний раз доказали пользу качественного образования, которое, как выяснилось, повышает и уровень толерантности молодых людей.

Род профессиональных занятий также довольно заметно влияет на уровень толерантности. Самыми толерантными оказались медики, среди которых лишь 5% полностью согласились с девизом националистов, а также будущие гуманитарии и экономисты (15% и 12%). Лидируют же по шкале национализма будущие офицеры и строители, среди которых безоговорочно поддерживает лозунг «Беларусь только для белорусов» каждый второй.

Итак, на поверку оказалось, что, вопреки распространённому мнению о природной толерантности белорусского народа, 13,5% представителей нашей молодёжи заражены нацистской бациллой этнической нетерпимости, фактически согласившись с лозунгом немецких фашистов «Германия только для немцев» в белорусской редакции «Беларусь только для белорусов». Такое утверждение предполагает, что есть нации, представители которых нежелательны на территории Беларуси. Для того чтобы поставить все точки над *i*, мы попросили участников опроса определиться и на этот счёт. Позиция молодых жителей Могилёвщины представлена на диаграмме рисунка 4.

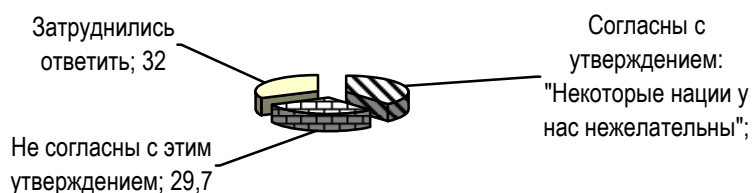

Рисунок 4 – Отношение жителей Могилевской области в возрасте 16–30 лет к утверждению «Некоторые нации у нас нежелательны», %

Результаты опроса превзошли все опасения. Теперь уже не 13,5%, а 38,3% наших молодых соотечественников фактически согласились с принципом этнической сегрегации. Это означает, что часть наших соотечественников при оценке людей исходят не из их личных достоинств и недостатков, а из их национальной принадлежности. Такой подход является основанием нацистской идеологии.

Пребывание каких наций на территории Беларуси считается наиболее нежелательным? Ответить на такой вопрос мы попросили участников опроса в открытой форме. Респонденты сами вписывали в свободной строке то, что хотели сказать по этому поводу, то есть для того, чтобы высказать свою позицию, они должны были приложить какие-то усилия. Данный факт, по нашему мнению, только придаёт вес результатам опроса (таблица 1).

Таблица 1 – Распределение ответов молодёжи на вопрос: «Пребывание каких наций на территории Беларуси Вы считаете нежелательным», %

Ответы	Возраст респондентов, лет	
	16–30	старше 30
Чеченцы	10,3	8,6
Цыгане	9,1	6,7
Кавказцы	8,1	6,2
Азиаты	4,8	5,2
Негры	4,7	3,3
Грузины	4,4	2,4
Армяне	3,2	2,4
Арабы	3,2	1,9
Китайцы	2,9	3,3
Мусульмане	2,5	1,4
Израильтяне	2,5	0,5
Азербайджанцы	2,1	1,4
Узбеки	1,9	1,0
Американцы	1,6	0,5
Таджики	1,5	1,0
Все желательны	24,6	27,6
Не задумывались	16,4	9,0
Не ответили	18,6	35,7

Оказалось, что лишь четверть (24,6%) молодых жителей Могилёвщины – последовательные интернационалисты. Оставляют надежду на отсутствие бацилл нацизма те участники опроса, которые не задумывались над этим вопросом (16,4%), а также те, кто проигнорировал его (18,6%). Остальные же 40% наших молодых земляков подтвердили конкретно, какие нации у нас, по их мнению, нежелательны.

Зададимся вопросом о причинах этнической антипатии, проявившейся в ответах молодых граждан Беларуси. О причинах неприятия нашей молодёжью людей по этническому признаку можно узнать, взглянув на таблицу 2.

Таблица 2 – Причины неприятия молодёжью некоторых наций, %

Причины этнического неприятия	1997 г.	2007 г.
Ведут себя, как хозяева	37,2	41,9
Пренебрежительно относятся к нашей культуре	33,8	47,8

Продолжение таблицы 2

Создают напряженную обстановку	32,7	48,4
Стараются обмануть нас	27,2	29,4
Надменно держатся	20,6	17,2
Живут лучше нас	16,1	10,3
Раздражают особенности внешнего вида	15,8	13,9
Хотят скупить все ценное	12,4	17,5
Стремятся поработить нас	11,4	18,0
У них низкая культура	8,0	6,6
Иные причины	1,3	1,5

Примечание: Сумма ответов в столбцах превышает 100%, т.к. респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов.

Среди мотивов этнической антипатии представлены и страхи («стараются обмануть нас», «хотят скупить всё ценное», «стремятся поработить нас»), и зависть («живут лучше нас»), и комплекс неполноценности («ведут себя как хозяева», «пренебрежительно относятся к нашей культуре», «надменно держатся»), и высокомерие («у них низкая культура», «раздражает внешний вид»). Но совершают преступления, обманывают и хамят отдельные люди, а не нации, поэтому выдвигаемые частью наших сограждан обвинения в адрес целых наций не соответствуют нормам этнической толерантности.

Какие же меры воздействия на представителей негативно оцениваемых наций считают приемлемыми наши далеко не всегда толерантные молодые сограждане? В таблице 3 отображены результаты опросов 1997 и 2009 гг., проведенных коллективом кафедры гуманитарных дисциплин МГУП. В 1997 году было опрошено 1 092 представителя молодежи из Могилёвской области, Минска и Гродно. В 2009 году мы опросили 684 взрослых жителя Могилёвщины.

Таблица 3 – Методы воздействия на представителей негативно оцениваемых наций, %

Мера воздействия	Согласны полностью		Согласны отчасти		Не согласны	
	1997 г.	2009 г.	1997 г.	2009 г.	1997 г.	2009 г.
Запретить им занимать важные посты	24,7	30,0	30,8	28,4	39,2	40,6
Заставить усвоить язык и обычаи коренной нации	18,6	17,0	36,2	39,3	40,1	41,5
Запретить покупать недвижимость и землю	12,6	19,2	23,4	28,4	57,6	51,5
Ограничить по местам проживания	12,5	14,5	23,0	23,0	58,0	61,1
Запретить сочетаться браком с нашей молодёжью	8,2	8,9	16,2	17,8	70,1	72,1
Выселить силой из нашей страны	4,6	3,5	16,8	15,5	73,4	79,7
Истребить физически	4,2	1,2	5,3	5,0	85,6	92,5

Представленные данные позволяют определить уровень этнической нетерпимости, а также направленность её изменений в сознании молодого поколения Беларуси за последние 13 лет. К сожалению, приходится констатировать если не усиление этнической нетерпимости, то отсутствие тенденции к её снижению. К числу сторонников статусного ограничения иноплеменников («нужно запретить им занимать важные посты») в 2009 г. можно с полным правом причислить более половины (58,4%) юношей

и девушек Беларуси, причём почти треть представителей белорусской молодёжи абсолютно уверены в правильности такого запрета. В 1997 г. таких ярких апологетов статусных ограничений было несколько меньше. Этническая нетерпимость среди молодых жителей Беларуси касается и межэтнических браков. За ограничения в этой сфере с той или иной степенью уверенности выступает каждый четвёртый представитель белорусской молодёжи. Острота языковой насильственной экспансии «коренной» нации за последние 13 лет, похоже, не снизилась. Особое внимание следует обратить на радикальные националистические настроения, проявившиеся в форме требования насильственного выселения представителей нежелательных наций, а также их истребления. С идеей насильственного выселения полностью или частично согласился каждый пятый гражданин, а истреблять людей иной этнической принадлежности в той или иной степени предлагали от 9,5% молодых участников опроса в 1997 году до 6,2% респондентов в 2009 году. Пожалуй, единственной ложкой мёда в этой бочке дёгтя будет вывод: удельный вес воинствующих нацистов среди наших сограждан за последние 13 лет несколько сократился. Основание для такого вывода даёт сравнительный анализ данных опросов, проведённых нами в 1997, 2007 и 2009 гг. (рисунок 5).

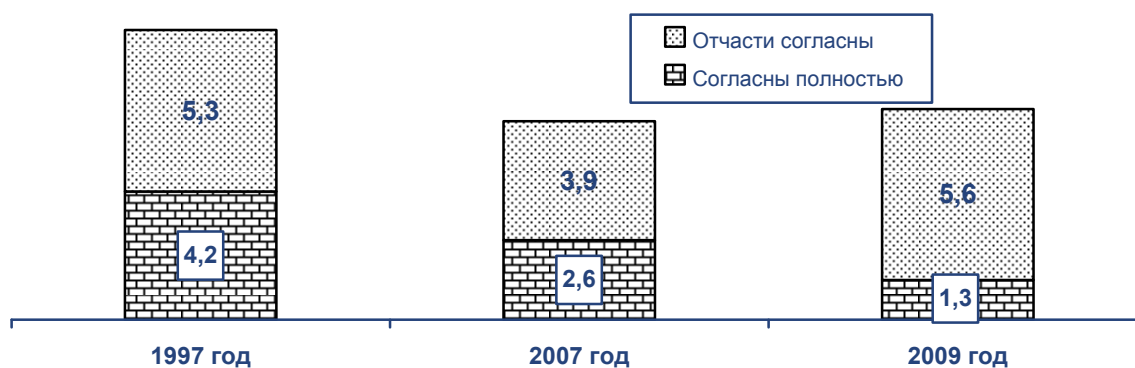

Рисунок 5 – Жители Могилёвской области (16–30 лет), согласные с мнением, что представителей нежелательных наций необходимо истребить физически, %

Хорошо уже то, что удельный вес этнических экстремистов среди нашей молодёжи становится всё меньше и меньше. Так, в 1997 г. их было 4,2%, а в 2009 г. мы зафиксировали среди молодёжи Могилёвщины только 1,3% агрессивных нацистов, считающих возможным физическое уничтожение нежелательных инородцев. Однако такие люди продолжают оставаться в молодёжной среде тем детонатором, который может взорвать внешне благополучную межэтническую ситуацию в Беларуси (в конце концов, карелов в России тоже до поры до времени считали спокойным и толерантным народом, пока в 2006 году в Кондопоге не вспыхнули межэтнические беспорядки).

Как показали социологические опросы, и в Беларуси есть горючий материал межэтнических конфликтов. Ибо находятся среди наших сограждан и те, кто готов лично участвовать в националистических погромах. Их удельный вес среди взрослых жителей Могилёвщины покажем на рисунке 6, опираясь на данные социологических опросов, проводимых Могилёвским институтом региональных социально-политических исследований, начиная с 2002 года.

Рисунок 6 – Удельный вес взрослых жителей Могилёвской области, готовых лично участвовать в националистических погромах, %

Мало это или много – 1% экстремистов, готовых лично участвовать в националистических погромах (данные опроса 2009 года)? В ситуации обострения экономического кризиса, повышения уровня безработицы, дефицита продуктов питания или каких-нибудь других провоцирующих факторов этот 1 процент радикально настроенных граждан может дестабилизировать гораздо более широкие слои населения, чем это представляется возможным в благополучные годы. Поэтому не стоит недооценивать проблему латентного этнического экстремизма.

Заключение

Итак, толерантна ли молодёжь Беларуси? Несомненно, подавляющее большинство наших сограждан, в том числе и среди молодых людей, приветливо относится к представителям других народов и этносов, проявляя терпимость к культурному разнообразию, привносимому ими в богатую культуру Беларуси. Однако есть те, кто являются носителями и распространителями вируса национальной нетерпимости и этнической ненависти. Знание о том, что такие моральные и психологические установки существуют в нашем обществе, позволит осознать наличие и масштаб проблемы этнической нетерпимости в нашем обществе и будет способствовать более эффективному противодействию идеологии нацизма. Беларусь остаётся одним из немногих островков межэтнического спокойствия в современном бурно изменяющемся мире. Но под гладью видимого межнационального благополучия скрываются процессы, игнорировать которые было бы губительной ошибкой. Толерантность жителей Беларуси до сих пор чаще всего была обусловлена их относительной изолированностью от миграционных потоков из Азии и Африки. Однако долго нашей стране сохранять моноэтническую социальную структуру вряд ли удастся. Вот тогда-то мы и узнаем истинную цену знаменитой белорусской толерантности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словарь иностранных слов. – 18-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1989. – 624 с.
2. <http://www.tolerance.ru/declar.html>.
3. Локк, Дж. Сочинения в трех томах: Т. 3. – М. : Мысль, 1988. – 668 с.
4. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа. – М. : Книга, 1991. – С. 175–178.

Bubnov Y.M. Sociological Outline about Potential Ethnic Intolerance in Belarusian Society

The problems of international intolerance on the materials of social questionings, carried in Mogilev region as well as in Minsk and Grodno are revealed in the article. The historical premises of tolerance are considered. The level of ethnic intolerance within youth surroundings is measured. Social-demographic factors influencing the level of ethnic tolerance in modern Belarusian society are researched. On the basis of sociological questionings starting from 1997 to 2009 the tendency to change the level of ethnic intolerance is defined.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 16.02.2012

УДК 316.346

Е.С. Бабосова

ДОСУГ В СИСТЕМЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье рассмотрена роль досуга в системе социокультурных ориентаций белорусской молодежи. Обозначена специфика социологического интереса к данному феномену. Охарактеризованы основные теоретико-методологические подходы к изучению досуга и свободного времени. Конкретизировано понятие «досуг» путем его разграничения с категорией «свободное время»; определено, что досуг, являясь структурным элементом свободного времени, представляет собой относительно самостоятельную сферу жизнедеятельности молодежи. На основе обобщения материалов социологических исследований выделены основные формы досуга молодежи. Выявлены основные изменения в сфере молодежного досуга: некоторые виды деятельности перестают быть популярными и распространенными, а другие начинают претерпевать существенные изменения. Зафиксировано появление новых форм, не имевших ранее места в сфере досуга, таких как сеть Интернет. Выявлены основные факторы, влияющие на рост популярности сети Интернет в молодежной среде.

Введение

Занимая важное место в системе социокультурных ориентаций, досуг привлекает молодежь добровольностью выбора его различных форм, демократичностью, эмоциональной окрашенностью, возможностью сочетать физическую, интеллектуальную и творческую деятельность. В своей сущностной характеристике досуг предстает как совокупность видов деятельности, предназначенных для удовлетворения материальных, духовных и социальных потребностей и осуществляемых человеком в свободное время. Для значительной части молодых людей социальные институты досуга являются ведущими сферами личностной самореализации и социокультурной интеграции.

Понятие «досуг» было введено в научный оборот лишь в начале XX века, когда впервые стали проводиться социологические и статистические исследования бюджетов времени. Первоначально досуг рассматривался как время, свободное от трудовой деятельности и направленное на восстановление физических и эмоциональных сил, необходимых для выполнения такой деятельности. Согласно К. Марксу, «свободное время, представляющее собой как досуг, так и время для более возвышенной деятельности, — разумеется, превращает того, кто им обладает, в иного субъекта, и в качестве этого иного субъекта он вступает затем в непосредственный процесс производства» [1, с. 221].

Под досугом подразумеваются занятия, непосредственно относящиеся к отдыху, развлечению, разрядке, рекреации, восстановлению затраченных на работе сил. В отличие от досуга более возвышенная деятельность, согласно К. Марксу, включает в себя то, что направлено, прежде всего, на развитие личности: творческие занятия, общественную активность, физические упражнения. Обращает на себя внимание тот факт, что он не дифференцирует эти занятия по их значению для человека, считая и досуг, и более возвышенную деятельность одинаково важными, но выполняющими разные социальные функции. Если досуг реализует преимущественно функции восстановления сил, отдыха, развлечения и общения, то главной целью более возвышенной деятельности является всестороннее развитие человека.

Следует заметить, что еще в начале XX века досуг и свободное время считались синонимичными понятиями. Сейчас под досугом подразумеваются занятия, непосредственно относящиеся к отдыху, развлечению, разрядке, восстановлению затраченных на работе или учебе сил, а более возвышенная деятельность включает в себя все то,

что направлено на самореализацию личности: творческие занятия, любительский труд, общественную активность, физические упражнения. К тому же эти понятия не противопоставляются друг другу, так как они являются одинаково важными для человека, но выполняют при этом различные функции.

Одной из главных причин повышения интереса к сфере досуга во второй половине XX века явилась научно-техническая революция, рост механизации и автоматизации производства, интенсификации труда. Всё это реально сократило рабочее время населения стран Запада и увеличило продолжительность вне рабочего времени. Не менее важной причиной явилось расширение сферы услуг. Естественно, в этих условиях возникает интерес к характеру заполнения вне рабочего времени и, особенно к такой его части, как свободное время. Все перечисленные факторы способствовали появлению концепции «общества досуга» – современного общества, в котором труд утрачивает свое прежнее доминирующее значение. Сокращение продолжительности рабочего времени ведет к возрастанию роли досуга, который занимает приоритетное место в системе социокультурных ориентаций и становится главным основанием идентичности человека.

В настоящее время сфера досуга воспринимается как самостоятельная сфера человеческой жизни. Досуг входит как составная часть в категорию «свободное время», которое помимо досуга включает в себя время на домашний труд и самообслуживание, время на сон и еду, время на передвижение к месту работы и обратно, время, затрачиваемое на самообразование, воспитание, общественную деятельность. Возрастающую роль досуга в жизнедеятельности человека и общества обосновал известный французский социолог Ж. Дюмазедь, выдвинувший концепцию «цивилизации досуга». Согласно ему, досуг можно рассматривать как «совокупность занятий, которым личность может предаваться по доброй воле, чтобы отдохнуть, развлекаться, развивать свою информированность или образование, ...будучи свободным, от выполнения профессиональных, семейных и гражданских обязанностей» [2, с. 85].

Для динамики этого социального феномена характерно изменение ценностных ориентаций в сфере досуга, возрастание его значимости и автономизации личности, а также в последовавших за этим изменениях в экономической и социальной сфере, в развитии досуговой инфраструктуры. Ж. Дюмазедь подчеркивает самоценный характер досуга, определяет его как деятельность помимо той, которая связана с работой, семьей, обществом, к которой человек обращен по своему желанию для того, чтобы расслабиться, разнообразить и расширить сферу познания и участия в общественной жизни, проявить свои творческие возможности, развить свой физический потенциал. Центральным элементом такой цивилизации является массовый досуг, который в скрытой или явной форме взаимодействует со всеми элементами жизнедеятельности людей: с экономической, политической, культурной и другими сферами общества.

Многие исследователи считают, что современное общество можно назвать «обществом с развитым досугом». С. Паркер рассматривает досуг через четыре концепции, которые являются отдельными фундаментальными чертами досуга:

1) выбор (досуг приближается к условию свободной избранной деятельности; индивидуумы могут чувствовать, что они наделены выбором, а это является одной из отличительных черт досуга; вся деятельность незанятого досуга диктуется ограничениями, которые накладывает прожиточный минимум);

2) гибкость (способность человека менять свои роли и в то же время переключаться от одной деятельности к другой);

3) спонтанность (активность досуга способна включать возможность спонтанных действий);

4) самоопределение (досуг характеризуется поисками состояния удовлетворенности, которое само по себе является самоцелью) [3, с. 56].

Досуг является значимым критерием статусной идентификации и социальной стратификации. Т. Веблен использовал термин «досуг» для обозначения непродуктивного использования времени, введя понятие «праздного класса», диаметрально противоположного рабочему классу [4, с. 89]. Автор критикует праздный класс, который тесно связан с бизнесом, за его роль в поощрении расточительного потребления. Ради того, чтобы произвести впечатление на остальную часть общества, праздный класс впадает в «демонстративный досуг» (непродуктивную трату времени) и «демонстративное потребление» (трату на товары больших денег, чем они стоят). Это влияет на представителей прочих социальных классов, и они (прямо или косвенно) пытаются подражать праздному классу. В результате формируется общество, растрачивающее время и деньги. Таким образом, согласно Веблену, досуг и форма его реализации могут служить основой классовой стратификации.

Идеи Веблена были развиты его многочисленными последователями в двадцатом столетии. Так, американский социолог Н. Смелзер, отмечая тенденцию повышения роли досуга в современном обществе, обращает внимание на то обстоятельство, что «на особенности проведения досуга самое непосредственное воздействие оказывает классовая и профессиональная принадлежность индивидов» [5, с. 115]. Анализируя социальный контекст досуга, Смелзер апеллирует к материалам многочисленных прикладных исследований, посвященных досугу жителей западных стран. Следует отметить, что и в настоящее время деятельность людей в свободное время продолжает оставаться одним из главных объектов исследования зарубежных социологов.

Чтобы проанализировать досуг молодежи, необходимо определить, что же представляет собой молодежь как социальная группа и в чём ее основные отличия от других групп. Молодежь представляет собой важную социально-демографическую группу, находящуюся в процессе становления и развития социальной, психофизиологической, социокультурной и гражданской зрелости, приспособления к исполнению социальных статусов и ролей, свойственных взрослым людям. Она, являясь относительно самостоятельной и активной социальной группой, определяется в своих основных социальных качествах особенностями переходного состояния, в процессе которого приобретаются и закрепляются социальные статусы. Будучи основным перспективным социальным ресурсом общества, своими ценностными ориентациями, социальными ожиданиями и практическими действиями молодежь вносит ощутимый вклад в трансформацию современного общества. Возрастные рамки, позволяющие относить людей к молодежи, не являются четкими. Как правило, низшая возрастная граница молодежи находится в пределах 14–16 лет, высшая – 25–30 лет. Не только возраст, но и особое положение в обществе является основанием для выделения молодежи в качестве особой социально-демографической группы.

На основании вышеизложенной информации можно попытаться сформулировать авторское определение обсуждаемого понятия. *Досуг молодежи представляет собой совокупность видов деятельности молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет в свободное время, благодаря которой молодежь восстанавливает свою способность к трудовому или учебному процессу, развивает в себе те творческие задатки, которые невозможно реализовать в сфере трудовой или образовательной деятельности.*

Для того чтобы получить более полное представление о месте досуга в системе социокультурных ориентаций современной молодежи, целесообразно использовать данные прикладных социологических исследований. Одно из таких исследований было организовано и проведено в 2011 г. сотрудниками Института социологии НАН Беларуси и студентами БГУКИ, проходящими производственную практику в этом институте. Выборка респондентов составила 310 человек и была сформирована методом случайного отбора. В исследовании участвовали студенты всех курсов 12 различных вузов Респуб-

лики Беларусь. Целью исследования явилось изучение социокультурных предпочтений современного белорусского студенчества (музыка, литература, кино, танец), а также стратегий досугового поведения в свободное от учебы время. Один из блоков вопросов касался свободного от учебы времени студентов и вариантов его проведения. В ходе исследования было установлено, что студенты неравномерно распоряжаются свободным временем от учебы. Несмотря на то, что разница между студентами, располагающими большим свободным от учебы временем, и студентами, не имеющими много свободного времени, невелика (42,5% и 57,5% соответственно), были выявлены существенные различия, касающиеся количества свободного времени. Из общего количества опрошенных 24% молодых людей не заняты лишь в выходные, 54,5% респондентов свободно проводят несколько часов каждый день, а 22,5% из них свободны практически каждый день.

Чаще всего свободное время молодые люди проводят, встречаясь с друзьями и прогуливаясь: так поступают практически две трети респондентов (59% опрошенных). Вторым по популярности вариантом проведения свободного времени является домашний отдых, его предпочитают 49% респондентов. В качестве третьей наиболее распространенной досуговой стратегии выступает посещение театров, кинотеатров, концертов популярных артистов, которые посещают 45% опрошенных. Для того чтобы увеличить свои доходы и покрыть текущие расходы, многие студенты пытаются совмещать учебу с работой. Так, более трети молодых людей (35% опрошенных) подрабатывают.

В связи с тем, что молодежь предпочитает больше времени проводить за экраном телевизора или компьютера в качестве положительного можно отметить тот факт, что 17% опрошенных регулярно в свободное время посещают читальные залы библиотек. На сегодняшний день главную конкуренцию книгам составляют телевидение и Интернет. То время, которое раньше тратилось на чтение, сейчас заменили просмотр телевизионных передач и компьютерные игры. Для того чтобы увеличить свою популярность, библиотеки создают электронные аналоги, так как книги на дисках пользуются большим спросом, чем традиционные. В библиотеках проводятся выставки, посвященные тем авторам, по книгам которых были сняты фильмы, а также игровые программы, посвященные произведениям разных авторов, и молодежь с интересом принимает участие в этих конкурсах.

Музыкальные предпочтения студентов оказались достаточно разнообразными: большинство респондентов не ограничивается одним жанром, а комбинирует их в зависимости от своих увлечений. Наибольшую популярность в молодежной среде имеет музыка в стиле рок: половина опрошенных (52,5%) предпочитает слушать тяжелую музыку. На втором месте по популярности находится поп-музыка, которую слушает в свободное время 35% молодежи, треть (30% респондентов) выбирает электронную музыку, 29% – джаз, 22,5% – классическую музыку, 20% – блюз и рэп, 15% – латиноамериканскую музыку, 14% – кантри и ска, 7,5% – народную музыку, 5% – духовную музыку, 4% – шансон и американское кантри, 1% обозначили в качестве своих предпочтений такие музыкально-исполнительские направления, как альтернатива и инди.

Такие музыкальные жанры, как хардкор, металл, рок и панк-рок, привлекают молодых людей энергичным ритмом, громкостью, агрессивным вокалом, бешеной скоростью. Стремление молодежи слушать такую музыку обусловлено психофизиологическими и социо-культурными особенностями, а также влиянием моды. В подростковом возрасте ярко проявляется выраженная потребность в интенсивном общении со сверстниками, в выражении эмоций. Именно поэтому совместное посещение концертов музыкальных кумиров, массовое подпевание любимых песен, ритмичные и активные телодвижения оказывают влияние на увлечение молодежи в свободное время музыкой.

Как отмечают многие исследователи, ориентации молодежи в сфере досуга начинают видоизменяться под влиянием процессов глобализации. Одни виды досуговой

деятельности молодежи перестают быть популярными и распространенными (техническое творчество, художественные и народные промыслы), другие претерпевают существенные изменения своего содержания (дискотека, чтение). Кроме того, возникают абсолютно новые виды деятельности, не имевшие ранее места в сфере досуга (Интернет).

В качестве критерия для оценки глобальных трансформаций, происходящих в сфере досуга современной молодежи, сейчас применяется понятие «стратегия досугового поведения». Анализ изменений таких стратегий позволяет выявить и проанализировать причины видоизменений в этой сфере жизнедеятельности молодых людей. В рамках структурно-функционального подхода под стратегиями досугового поведения понимаются способы повышения социального статуса личности или социальной группы посредством выбора наиболее престижных видов досуга. Таким образом, стратегию досугового поведения можно рассматривать как набор средств и видов действий по реализации интересов, потребностей и целей в сфере досуга, рассматриваемых индивидом в качестве необходимых. Такая стратегия вырабатывается на основе цели, которая определяется ресурсами (материальные возможности, уровень образовательного и культурного развития индивида, инфраструктура населенного пункта и т.д.).

Анализируя стратегии молодежи в сфере досуга, можно выяснить, с помощью каких видов досуговой деятельности молодые люди намереваются осуществлять значимые для них цели. Принимая во внимание то, что стратегия жизни, – «это социокультурно обусловленная система ориентирования личности в будущей жизни, принятая на долгосрочную перспективу», то стратегия досугового поведения может рассматриваться в качестве социокультурно обусловленной системы ориентирования личности в сфере досуга, принятую с определенной перспективой [6, с. 63].

В качестве одной из стратегий досугового поведения все более возрастающую популярность приобретает функционирование глобальной компьютерной информационной сети. Интернет стал неотъемлемой частью жизни современного общества, а сеть пользователей этой информационной сети постоянно расширяется, в том числе и в Беларуси. Посредством использования «глобальной паутины» молодой человек получает возможность включаться в новые потоки информации, в том числе и касающиеся различных социально-политических и социокультурных вопросов. К примеру, если речь идет о поиске и выборе будущей профессиональной карьеры, то использование Интернета помогает выбрать и отрасль (наука, производство, реклама, шоу-бизнес и т.д.), и тот спектр в одном из этих направлений, который в наибольшей степени интересует и привлекает человека, определяющего свои профессиональные склонности.

По данным социологического исследования, проведенного сотрудниками Института социологии Национальной академии наук Беларуси в 2011 г., одной из целей которого являлось всестороннее изучение проблем молодежи, большинство молодежи предпочитает получать информацию из сети Интернет: ею пользуются 80% опрошенных. Предпочитают узнавать новую информацию из телевизионных программ 69,4% респондентов, от родственников, друзей и коллег – 37,1%, читают периодические печатные издания 25,7% опрошенных. Об увеличении популярности сети Интернет свидетельствуют данные исследования белорусской онлайн-аудитории gemiusAudience: в период с 2009 г. по 2011 г. ее количество увеличилось на 31,1%. На данный момент общее количество пользователей сети Интернет в Беларуси составляет более 3,78 миллиона человек. Больше всего пользователей среди лиц в возрасте от 25 до 34 лет (28%). Также активно пользуется ресурсами Всемирной паутины молодежь в возрасте от 19 до 24 лет (27,6%). Доля людей в возрасте от 35 до 44 лет среди белорусских пользователей сети Интернет составляет 18,35%. Исследование онлайн-аудитории gemiusAudience проводится на европейских рынках с 2002 г. В Беларуси оно запущено в 2009 г. и реализуется по технологии Cookie Panel.

Всемирная информационная сеть предоставляет новые возможности в сфере культуры и позволяет сформировать альтернативные традиционным увлечения и хобби, занимающие важное место в сфере активного досуга молодежи. Так, широкое распространение получила компьютерная мультипликация (в качестве примера может послужить Масяня – популярная героиня компьютерной мультипликации), компьютерная живопись (в частности, фракталы – составление узоров, которые получаются в соответствии с определенными правилами с использованием специальных компьютерных программ). Все большую популярность приобретает увлечение компьютерной графикой и компьютерным дизайном (подобные молодежные увлечения начинают включать в различные международные соревнования, примером могут послужить Дельфийские игры, объединяющие все виды искусств и представляющие собой эффективный инструмент сохранения и развития культурного наследия, поиска и поддержки юных талантов).

Использование Интернета в процессе включения молодежи в сферу культурной деятельности создает ряд важных преимуществ. Первое из них состоит в том, что общение реальных и потенциальных исследователей позволяет существенно экономить время, затраты и интеллектуальные ресурсы в интерактивном взаимодействии. Второе преимущество заключается в том, что резко возрастает скорость, точность и масштабность коммуникационных взаимодействий заинтересованных лиц, которые могут проживать в разных странах и на континентах, принадлежать к различным культурам. Третье преимущество состоит в том, что молодые люди, владеющие высоким уровнем информационной культуры, в процессе взаимодействия через сеть Интернет могут использовать не только тексты, но также звуковые, цветовые и видео элементы. Таким образом, Интернет представляет собой новый, в высшей степени эффективный инструмент, содержащий в себе обширный международный и даже глобальный потенциал.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Понятие «досуг» было введено в оборот на рубеже XIX и XX вв., когда впервые стали проводиться социологические и статистические исследования бюджетов времени. Первоначально досуг рассматривался как время, свободное от трудовой деятельности и направленное на восстановление физических и эмоциональных сил, необходимых для выполнения такой деятельности.

2. Особое внимание к исследованию досуга молодежи появилось во второй половине XX в. в результате улучшения качества жизни и наступления эры новых технологий, которые позволили увеличить объем свободного времени у молодых людей.

В настоящее время ориентации молодежи в сфере досуга начинают видоизменяться под влиянием технологических и культурных изменений, произошедших в условиях глобализации. Одни виды досуговой деятельности молодежи перестают быть популярными и распространенными (техническое творчество, художественные и народные промыслы), другие претерпевают существенные изменения своего содержания (дискотека, чтение). Кроме того, возникают качественно новые формы деятельности, не имевшие ранее места в сфере досуга (Интернет).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс, К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Собрание сочинений. – М. : Изд-во полит. литературы, 1955–1981. – Т. 46, ч. 2. – 626 с.
2. Дюмазедье, Ж. На пути к цивилизации досуга / Ж. Дюмазедье // Вестник МГУ. Сер. 12. Социально-политические исследования. – 1993. – № 1. – С. 83–88.
3. Parker, R. Sociology of Leisure / R. Parker. – N-Y., 1976. – 158 p.

4. Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – М. : Прогресс, 1984. – 367 с.
5. Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер // Социологические исследования. – 1993. – № 8. – С. 114–121.
6. Резник, Ю.М. Жизненные стратегии личности / Ю.М. Резник, Е.А. Смирнов. – М. : Ин-т человека РАН, 2002. – 260 с.

Babosova E.S. The Role of Leisure in Social and Cultural Orientations of Belarusian Youth

The article is devoted to the role of leisure in the social and cultural orientations of Belarusian youth. Specific character of the sociological interest in this phenomenon is denoted. The main theoretical and methodological approaches to the study of leisure and free time are described. The concept of «leisure time» is concretized and separated from the category «free time»; it is denoted that leisure as the structural element of free time is rather independent sphere of youth activities. The main forms of leisure-time activities are identified on the basis of generalization of sociological research materials. The main changes in the field of youth leisure are revealed: some activities are no longer popular and widespread, while others begin undergoing significant changes. The appearance of new forms that have not previously existed in the sphere of leisure, such as the Internet, is fixed. The main factors that influence on the growth of popularity of the Internet among young people are exposed.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 13.02.2012

УДК 316.74 : 2 (476)

Н.Н. Сухотский

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И БЕЛОРУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СФЕРЕ ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Актуальность представленной в статье проблемы определяется возрастанием роли традиционных конфессий и их влияния на процесс духовно-нравственного воспитания учащихся, а также реализацией Программы сотрудничества между Министерством образования Республики Беларусь и Белорусской православной церковью на 2011–2014 гг. Социологическое изучение взаимоотношений институтов образования и религии в воспитании молодежи, особенностей отечественной модели взаимоотношений институтов образования и религии, становления и динамики сотрудничества общеобразовательных учреждений и религиозных организаций в Республике Беларусь, общеобразовательных учреждений и БПЦ продиктовано необходимостью совершенствования процесса воспитания в учреждениях образования, профилактикой негативных явлений в молодежной среде. В основе предлагаемых механизмов взаимодействия школы и БПЦ лежат задачи духовно-нравственного развития личности учащегося в процессе воспитания, которые вытекают из целей и задач государственной образовательной политики и определяются руководящими и нормативными документами Республики Беларусь.

Введение

Современная концепция отношений государства и Белорусской православной церкви (БПЦ) охватывает широкий спектр вопросов государственно-церковного взаимодействия, в том числе участия БПЦ в сфере воспитания молодежи. В апреле 2011 г. состоялось подписание третьей по счету Программы сотрудничества Министерства образования Республики Беларусь и БПЦ на 2011–2014 гг.. Актуализировавшаяся возможность построения модели конструктивного сотрудничества учреждений образования и религиозных организаций в настоящее время связана как с переоценкой роли религии в становлении белорусской государственности, так и с открывшейся перспективой освоения молодым поколением духовных традиций основных конфессий.

В соответствии с Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 июня 2011 г. № 838, учреждения образования могут во внеучебное время взаимодействовать с зарегистрированными в установленном порядке религиозными организациями, входящими в состав республиканского религиозного объединения, заключившего соответствующее соглашение о взаимодействии в вопросах воспитания обучающихся с Министерством образования [4].

Необходимость построения конструктивного сотрудничества учреждений образования и традиционных конфессий, включения знаний по религиозной культуре в образовательный контекст в светской школе в настоящее время связана как с переоценкой роли религии существенной частью общества, так и с осознанием того, что значительный пласт историко-культурного наследия белорусского народа и всего человечества не может быть освоен молодым поколением без знания содержания основных религий. Так, в ходе республиканского опроса общественного мнения, проведенного социологическим центром ООО «Зеркало-Инфо» в ноябре 2009 г. каждый второй житель страны (52%) высказался за преподавание детям основ религии [1].

В настоящее время наиболее эффективной формой получения информации о состоянии, тенденциях и перспективах взаимоотношений общеобразовательных учреждений и БПЦ является проведение социологических опросов. Обобщение результатов социологических измерений позволяет создать общую картину общественного мнения

по проблеме взаимоотношений общеобразовательных учреждений и религиозных организаций, а также проследить динамические изменения в сфере сотрудничества данных субъектов. Результаты проведенных исследований могут использоваться для анализа и оценки государственно-конфессиональных отношений, а также при разработке программ сотрудничества между Минобразования и БПЦ.

В период с 2006 по 2011 гг. было проведено два опроса на территории Республики Беларусь. Первый этап исследования состоялся в первом квартале 2006 г. Очередной этап трендового исследования был осуществлен в первом квартале 2011 г. Было опрошено 238 педагогов, 208 родителей и 100 священнослужителей БПЦ из разных регионов Республики Беларусь, всего 546 респондентов. Педагоги и представители БПЦ выступали в качестве экспертов.

Цель исследования – социологическая характеристика особенностей взаимодействия общеобразовательных учреждений и Белорусской православной церкви в воспитании молодежи.

Задачи исследования:

1. Выявить особенности социального взаимодействия общеобразовательных учреждений и Белорусской православной церкви в воспитании молодежи.
2. Осуществить социологический анализ современных форм взаимодействия общеобразовательных учреждений и БПЦ в воспитании учащихся.

По данным авторского исследования, с 2006 г. по 2011 г. сократилось количество педагогов, считающих, что необходимо ввести обучение религии в общеобразовательных учреждениях как обязательного предмета с 18,3% до 11,9%, факультативного курса по выбору родителей (или учащихся) с 61,5% до 50,8%. Практически не изменилось число преподавателей, считающих, что такое обучение должно проходить исключительно в специальных религиозных образовательных учреждениях (воскресных школах). Более чем в два раза увеличилось число тех, кто считает, что это необходимо делать в семье (домашнее воспитание).

По поводу курсов, которые могут преподаваться в общеобразовательных учреждениях, доля педагогов, выступающих за «Религиоведение», увеличилась с 28,3% до 33,1%. Стабильную позицию занимает курс «Основы православной культуры» (в среднем по 43,3% педагогов и родителей учащихся). При этом значительно уменьшилось количество педагогических работников поддерживающих курс «Основы христианской этики» (на 18,9%).

В контексте нашего исследования также представляются значимыми данные опроса, поведившегося в 2011 г. группой исследователей факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета в общеобразовательных учреждениях г. Минска (выборочная совокупность – 436 человек). Согласно полученным результатам, за изучение курса о религии (религиях) высказались 79,9% учащихся 9–11-х классов. В то же время исследование показало, что у старшеклассников отсутствует осмысленный и устойчивый интерес к изучению курса религиозной тематики. Так, 59,3% старшеклассников указали, что в случае введения факультатива они сходят на пару занятий, а после решат, нужно ли им это, а 32,8% – что лучше займутся чем-нибудь более интересным. И лишь 7,9% опрошенных отметили, что будут с интересом посещать все уроки [3].

При ответе на вопрос, каковым должно быть содержание курса о религии (религиях), больше всего школьников бы заинтересовали различные необычные факты из истории религий. Данный вариант ответа выбрали 26,7% юношей и девушек. Среди учеников 19% хотели бы узнать о том, как религии влияют на образ жизни людей, 16,7% молодых людей согласны изучать суть различных религий в их сравнении друг

с другом, 15,6% – их историю. Лишь относительно небольшая часть школьников готова изучать суть (12,7%) и историю (5,2%) одной конкретной религии. Среди тех учащихся, которые предпочли изучение сути одной конкретной религии, 35,7% интересовались православием, 31,6% – христианством. Предполагается возможным, что в сознании школьников эти два понятия отождествляются друг с другом.

В результате опроса исследователей БГУ, за изучение курса о религии (религиях) высказались 79,0% родителей. При этом среди родителей 66,5% указали, что не будут настаивать на его посещении, 19,4% постоянно поощрять его посещение, а 14,1% – что вовсе не будут записывать своего ребенка на данный факультатив [2, с. 88].

Большинство педагогических работников (69,5%) и практически половина священнослужителей (48,0%) оценивают характер взаимоотношений светской системы образования и религиозных организаций в Беларуси как диалог. В большей степени, чем педагоги, представители церкви считают, что во взаимоотношениях между выше-названными субъектами присутствует изоляционизм (22,0% и 13,6% соответственно). В среднем по 10,5% респондентов считают, что это интеграция.

Наиболее значимая информация о проходящих в республике мероприятиях между учреждениями образования и структурами Белорусского Экзархата отражается в программах сотрудничества между Минобразования и БПЦ. Знакомы с содержанием данных документов, носящих рекомендательный характер, более трети педагогов (37,3%). Значительно больше данный показатель среди духовенства (62,0%). Каждый третий опрошенный педагог (33,1%) и каждый пятый священник (22,0%) слышали об этом. Не владеют подобной информацией 29,7% и 16,0% респондентов соответственно.

К разработке программ сотрудничества между Минобразования и БПЦ подавляющее большинство педагогических работников (86,4%) и абсолютное большинство священников (92,0%) относится положительно. Вместе с тем незначительно увеличилось (на 5,0%) число педагогов, придерживающихся противоположного мнения.

По данным исследования, существенно увеличилось число тех преподавателей, кто в процессе профессиональной деятельности сотрудничал с представителями БПЦ. В 2006 г. доля тех, у кого была подобная практика, составляла 33,9%. В 2010 г. число таких педагогов уже составило 53,4%. Данный показатель был в 2006 г. гораздо выше среди священников, чем у педагогов. Однако за пять лет с 78,0% до 84,0% произошло увеличение численности лиц, имеющих практику сотрудничества и среди представителей БПЦ. Среди тех, кто взаимодействовал с представителями БПЦ, половина опрошенных педагогов (50,8%) вступали в отношения со священнослужителями местных приходов. Значительно уменьшилось (на 15%) количество тех, кто взаимодействовал с представителями высшего духовенства, руководством Белорусского Экзархата (митрополит, архиепископ и др.).

Наиболее распространенной практикой взаимодействия с БПЦ остается приглашение священнослужителей для проведения духовно-нравственных бесед с учащимися, выступление священнослужителей на классных часах (26,0%), проведение совместных мероприятий (11,7%), экскурсии, паломнические поездки (7,5%). Кроме того, менее 5,0% называют работу с семьей, родителями учащихся, участие в работе факультатива, кружка, проведение семинаров, курсов, круглые столы, конференций, краеведческая работа, изучение истории местных храмов.

Священнослужители в первую очередь осуществляли сотрудничество с руководством общеобразовательных учреждений (54,0%), учащимися – 44,0%, отдельными педагогами и педагогическим коллективом школы в целом по 36,0%. Кроме того, взаимодействие осуществлялось с родителями учащихся (30,0%) и значительно ниже (12,0%) – с городским (районным) отделом образования.

Наиболее часто священнослужители проводили духовно-нравственные беседы с учащимися, выступали на классных часах (38,0%), принимали участие в работе факультатива, кружка (24,0%), реализовали совместные внеклассные мероприятия с общеобразовательными учреждениями (14,0%). Кроме того, представителями церкви проводились консультации для педагогов, семинары, курсы, осуществлялась внешкольная работа с семьей, родителями учащихся (по 4,0%).

В ответах на вопрос «Какие формы взаимодействия общеобразовательной школы и БПЦ, по Вашему мнению, являются самыми эффективными?» увеличилось число преподавателей, считающих такой формой духовно-нравственные беседы, экскурсии. В то же время уменьшилось число респондентов, считающих таковыми историческое краеведение, знакомство учащихся с религиозными святынями и паломнические поездки.

В сравнении с 2006 г. возросло число педагогов (с 48,7% до 59,3%), видящих приоритетной задачей в системе взаимодействия государственных общеобразовательных учреждений и БПЦ разработку программ, курсов, факультативных занятий (вне учебного плана). Однако стабильным осталось число тех, кто считает приоритетными задачами в системе «школа-церковь» совершенствование нормативно-правовой базы, разработку методических рекомендаций педагогическим коллективам по данной проблематике и подготовку (переподготовку) педагогических кадров для преподавания предметов религиозоведческой направленности. При этом значительная часть опрошенных педагогических работников (40,7%) считает, что действующих правовых норм в целом недостаточно для эффективного взаимодействия общеобразовательных учреждений и БПЦ. Около половины педагогов-респондентов (44,9%) затруднились оценить значимость нормативно-правовой базы для отношений между данными субъектами.

Что касается элементов, которые должна включать система взаимодействия общеобразовательной школы и церкви, то, согласно результатам исследований, наибольшие изменения коснулись такого параметра как «согласие всех субъектов взаимодействия» (увеличилось с 26,7% до 47,5%). Незначительно возросло (в среднем на 5,2%) количество тех, кто подчеркивает важность социального партнерства данных субъектов в современном образовательном пространстве, обсуждения результатов взаимодействия и создание базы данных по опыту сотрудничества.

В связи с существованием и функционированием Координационного совета по взаимодействию между Минобразования и БПЦ, количество тех, кто указывает на наличие данной структуры, уменьшилось с 20,7% до 13,6%. Что касается направлений, по которым должно развиваться сегодня взаимодействие общеобразовательных учреждений и БПЦ, то подавляющее большинство преподавателей (83,9%) считает наиболее приоритетным духовно-нравственное воспитание (среди священнослужителей – 94,0%, родителей – 75,0%). В значительно меньшей степени педагогами-респондентами (45,8%) называются милосердие и благотворительная деятельность (священнослужители – 18,0%; родители – 55,6%). Также 44,9% педагогических работников указали на профилактику правонарушений, девиантного поведения учащихся (священнослужители – 18,0%, родители – 24,1%).

Кроме того, большинство опрошенных педагогов и родителей (в среднем по 72,1%) и абсолютное большинство священнослужителей (94,0%) считают, что взаимодействие общеобразовательной школы и БПЦ снизит количество учащихся, вовлекаемых в деструктивные религиозные секты. Придерживаются противоположной точки зрения только 7,4% родителей. Следует отметить, что половина опрошенных родителей учащихся (51,9%) интересуется информацией о взаимодействии школы и церкви, но каждого пятого респондента (21,3%) подобная информация не интересует. Отвечая на вопрос «Достаточно ли Вам получаемой информации о взаимодействии

общеобразовательных учреждений и БПЦ?», более половины представителей духовенства (60%), родителей (54,6%) и половина педагогов (50,0%) ответили отрицательно.

С 1 сентября 2010 г. в белорусских школах планировалось ввести новый факультативный курс «Основы православной культуры. Святые белорусского народа». Для каждого класса (с 1-го по 11-й) были разработаны учебные планы занятий, при этом предмет не планировался как обязательный курс для всех учащихся. Однако еще до начала нового учебного года научно-методический совет при Министерстве образования Республики Беларусь представленный проект программы не одобрил. Авторскому коллективу порекомендовали переработать программу, обратив особое внимание на критерии научности, светскости, соответствия национальным культурным основам образования, дидактическим принципам обучения, в частности, систематичности. Также указывалось на необходимость координации предлагаемого материала с содержанием основных курсов соответствующих классов.

Большинство педагогов (66,1%), священнослужителей (72,0%) и родителей (63,0%) владеет информацией о планируемом введении в белорусских общеобразовательных учреждениях факультативного курса «Основы православной культуры. Православные святые восточных славян» (1–11 кл.), не осведомлены об этом 28,8% педагогов, 26,0% священников и 31,5% родителей. Следует отметить, что большинство преподавателей (72,0%), представителей БПЦ (88,0%) и родителей (75,0%) положительно относятся к введению нового курса. Противоположного мнения придерживаются всего 4,2% и 2,8% родителей. Значительная часть участников опроса (в среднем по 23,7%) затруднились ответить.

Согласно полученным результатам, данный курс должен быть факультативным, а не обязательным предметом. Это положение поддерживает две трети опрошенных педагогов (69,5%), настаивает на обязательности его как предмета только 10,2%. То, что данный курс вообще не должен ни в каком виде преподаваться в белорусских общеобразовательных учреждениях, отметили только 5,1% педагогов и 5,6% родителей. Мнение представителей БПЦ по данному вопросу разделилось: 48,0% поддерживают его как обязательный предмет и 44,0% – факультативный курс.

С целью прогнозирования ситуации респондентам был задан вопрос «Что положительного в том, что в школе вводится новый факультативный курс «Основы православной культуры. Святые белорусского народа»? Как отметили педагоги, введение данного курса позволит улучшить духовно-нравственное воспитание учащихся (31,0%), получить учащимся знания о религии, культуре и истории белорусского народа (19,3%). Кроме того, отмечают воспитание патриотизма, повышение культуры школьника, расширение его кругозора (по 5,8%), профилактика правонарушений (1,6%).

По мнению представителей БПЦ, введение данного курса позволит получить учащимся знания о религии, истории и культуре белорусского народа (32,0%), также отмечается улучшение процесса духовно-нравственного воспитания учащихся в школе (22,0%). Кроме того, в качестве положительного влияния введения данного курса называется противодействие вовлечению в секты, деструктивные культы, профилактика правонарушений, формирование мировоззрения, появление осмысленного отношения к жизни (в среднем по 5,0%).

Родители учащихся в качестве положительных моментов также назвали духовно-нравственное воспитание (формирование положительных качеств) (40,7%), получение знаний о религии, истории и культуре белорусского народа (19,4%). В значительно меньшей степени отмечены респондентами воспитание патриотизма, забота об исторических и культурных памятниках Беларуси, профилактика вредных привычек, пропаганда здорового образа жизни (по 2,7%), профилактика правонарушений (1,8%).

При ответе на вопрос «Что отрицательного в том, что в школах вводится новый факультативный курс «Основы православной культуры. Святые белорусского народа»?» 11,7% педагогических работников указали на отсутствие отрицательных аспектов. Также были указаны ущемление прав учащихся, принадлежащих к другим конфессиям (5,0%), проблемы преподавания данного курса, уровень подготовки педагогов (4,2%) и увеличение нагрузки на учащихся (3,3%). Священнослужители также в первую очередь указали на отсутствие отрицательных моментов (16,0%). В качестве негативных аспектов ими были отмечены проблемы преподавания данного курса, уровень подготовки педагогов, мнения представителей других конфессий, поликонфессиональность белорусского общества (в среднем по 5,0%). Родители учащихся в меньшей степени видят отрицательные моменты во введении курса; по мнению 10,1% респондентов, их нет вообще. Только четыре человека указали на возможное отсутствие правильного подхода к преподаванию, нарушение законодательства, увеличение нагрузки на учащихся.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование показало, что позиции педагогов и родителей по вопросам сотрудничества общеобразовательных учреждений и Белорусской православной церкви существенно не отличаются. В основном данный процесс поддерживается и педагогами и родителями, а наиболее в нем заинтересованы представители БПЦ.

Для успешного нравственно-этического воспитания учащихся в условиях общеобразовательной школы, кроме специализированных факультативных курсов и курсов по выбору, возможно обращение к духовно-нравственному потенциалу православной культуры при организации бесед, встреч, экскурсий, в процессе милосердной, благотворительной социально-ориентированной деятельности во внеучебное время.

Результаты исследования могут быть учтены при разработке конкретных мер по совершенствованию мировоззренческого воспитания и социализации учащихся, повышению их духовно-нравственного потенциала, в предотвращении конфликтных ситуаций между сферой образования и религиозными конфессиями.

Практический аспект социологического анализа взаимодействия учреждений образования и религиозных организаций заключается в реальной необходимости дальнейшего прогнозирования тенденций развития существующей модели взаимоотношений между системой образования и религиозными институтами. От решения этих вопросов зависит соблюдение баланса между усилением социальной роли религиозных конфессий и сохранением светского характера государственных институтов, поддержание и развитие толерантной атмосферы в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон Божий и школа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zerkalo-info.com/investigations/78.html>.
2. Отношение старшеклассников и родителей г. Минска к перспективе изучения факультативного курса о религии : Отчет о результатах социологического исследования / Е.В. Шкурова, С.Г. Карасева, А.А. Белов. – Минск : Изд-во «Четыре четверти», 2011. – 92 с.
3. Белорусские школьники согласны изучать Христа и Будду [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.tut.by/society/252642.html>.
4. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 24 июня 2011 г. № 838 об утверждении Положения о порядке, условиях, содержании и формах

взаимодействия учреждений образования с религиозными организациями в вопросах воспитания обучающихся [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?start=1&RN=C21100838>.

Sukhotski N.N. Peculiarities of Relations of Educational Institutions and Belarusian Orthodox Church in Education of Young People: Sociological Aspect

The article is based on the material resulting from sociological research. It has scientific and practical value in the analysis of current problems and contradictions in cooperation of secondary school and Belarusian Orthodox Church. Traditionally religion unites people, influencing directly or indirectly on the life of the state and education of young generation. In this article the interrelations between the church and the state are considered as the main factor of social-pedagogical development of the society. The article analyses the types and directions of interaction of secular and religious institutions in the Republic of Belarus.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 10.02.2012

УДК 316.723:32(476)

С.В. Рыбчак

ДЕБЮРОКРАТИЗАЦИЯ ГОСАППАРАТА В УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье рассматриваются важнейшие составляющие идеологии белорусского государства: социальное благополучие людей и построение государства для народа. Приводится анализ социологических исследований о состоянии работы по дебюрократизации государственного аппарата. Оценивается самочувствие населения Республики Беларусь в аспекте формирования белорусского общества. Определены основные задачи в области социальной защиты населения, такие как: обеспечение государственной поддержки нуждающихся групп населения, повышение уровня государственных минимальных социальных гарантий, оптимизация программ предоставления помощи. Сформировавшаяся к настоящему времени система социальной защиты населения представлена многообразными социальными программами, которые недостаточно скоординированы. В ближайший период предусматривается завершить реформирование системы социальной защиты граждан, направленной на реализацию принципа адресности, обеспечить доведение государственных минимальных социальных гарантий до уровня нормативов стоимости жизни, продолжить совершенствование системы пособий и выплат, механизмов защиты доходов населения от инфляции.

Введение

Взаимодействие и взаимовлияние политической системы и формирующегося гражданского общества в гносеологическом аспекте представляет собой проблему, решение которой видится в анализе генезиса, структурных элементов и тенденций развивающейся политической культуры. Именно политическая культура общества задает конституирующие рамки демократизирующимся политическим системам, влияя на конфигурацию властных отношений и актуализируя определенные социально-политические ценности, стереотипы, установки, модели политического поведения.

Современный политический процесс в общемировом контексте характеризуется долговременной тенденцией демократизации, идеологической дискредитации доктрин. Процесс глобальной демократизации затронул не только сферу политических отношений, но и социальную практику в целом. Это актуализировало проблему конституирования свободной от контроля политико-государственных институтов открытой социальной коммуникации, понимаемой в качестве формы существования развитого гражданского общества. В данном случае оно является не только необходимой предпосылкой для успешной демократизации политической системы, но и генерирует параметры социально-экономических и политических трансформаций постсоветских государств.

Для постсоветского пространства проблема анализа тенденций развития формирующейся политической культуры дополняется необходимостью анализа складывающейся модели социально-политической практики в ряде стран СНГ, характеризующейся усилением авторитарных тенденций в политической системе. В теоретическом плане это свидетельствует о наличии дисфункций в продуцируемой политической культурой коммуникации между гражданским обществом и властными институтами, в практическом – ставит вопрос о реальных перспективах демократизации.

Противоречивый характер социально-экономического и политического развития Беларуси в постсоветский период, выразившийся в крайне серьезном обострении

Научный руководитель – Е.М. Бабосов, академик, доктор философских наук, заведующий отделом политической социологии и государственного управления Института социологии НАН Беларуси

дисфункциональных процессов во всех сферах жизни общества, вызвал нарастание процессов, актуализировавших характерные для дезинтегрированного социума патерналистские ориентации индивидов. Реформирование системы государственной власти в 1996 г. в сторону установления президентской республик в Беларуси явилось выполнением в реальной социальной практике компенсаторной функции власти, которой общество делегировало в момент усиления деструктивных социальных процессов ряд дополнительных полномочий на осуществление действенной политики по выходу из кризиса.

Таким образом, возвращение к традиционной модели взаимоотношений индивида и общества, с одной стороны, и государства, с другой, явилось рациональным выбором подавляющей части общества и гарантировало определенную степень стабильности и предсказуемости на переходный период, что подтверждается данными социологических исследований. Согласно результатам мониторинга белорусского общества, проведенного в 2010 г. Институтом социологии НАН Беларуси, была выявлена устойчивая тенденция к снижению количественной доли тех, кто рассматривал дезинтеграцию Советского Союза в алармистическом ключе. Однако преобладающие в политической культуре общества ориентации создают благоприятную социальную почву для существования феномена «электорального авторитаризма», когда регулярные выборы фактически не оказывают какого-либо позитивного влияния на трансформационные процессы, прежде всего в направлении демократизации всей социальной практики. Данные мониторинга свидетельствуют, что в политической культуре белорусского общества рейтинг конвенциональных форм политического участия достаточно высок и стабилен. Более трети населения страны выбирает легальные формы взаимодействия на государственную власть и акцентировано на полноценную коммуникацию с социально-политическими институтами страны, что является свидетельством определенной гражданской зрелости белорусского социума.

Важнейшей составляющей идеологии белорусского государства является социальное благополучие людей, а стратегической задачей власти – построение государства для народа. С этой целью руководством республики осуществляется целенаправленная социальная политика по улучшению жизни людей и укреплению здоровья нации. Среди приоритетов в деятельности государства особое место занимают вопросы защиты жизни, чести и достоинства граждан. Мнение населения Беларуси о состоянии работы по деюрокрализации государственного аппарата свидетельствует об улучшении в работе государственных органов и организаций с обращениями граждан (рисунок 1).

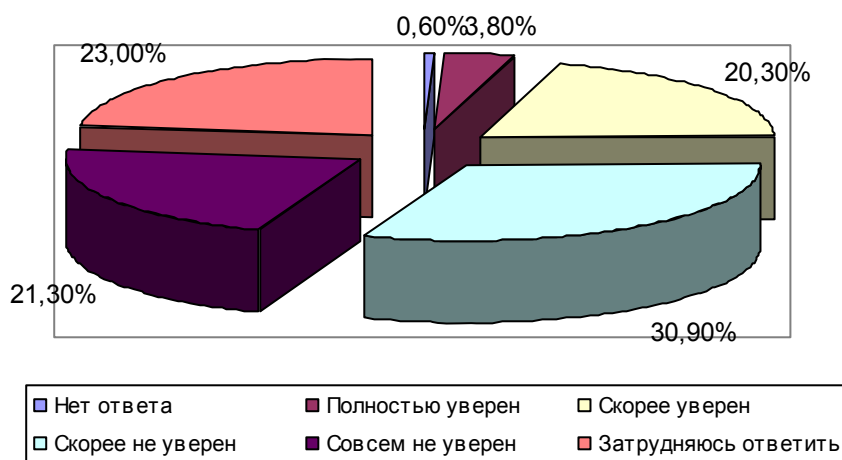

Рисунок 1 – Уверенность населения в способности местной власти решать текущие проблемы

По мнению 39,4% респондентов, за последний год стиль, формы и методы работы с гражданами в государственных органах и иных организациях улучшились, практически столько же респондентов считают, что все осталось без изменений, а на ухудшение работы с гражданами указали всего 6,2% опрошенных (рисунок 2).

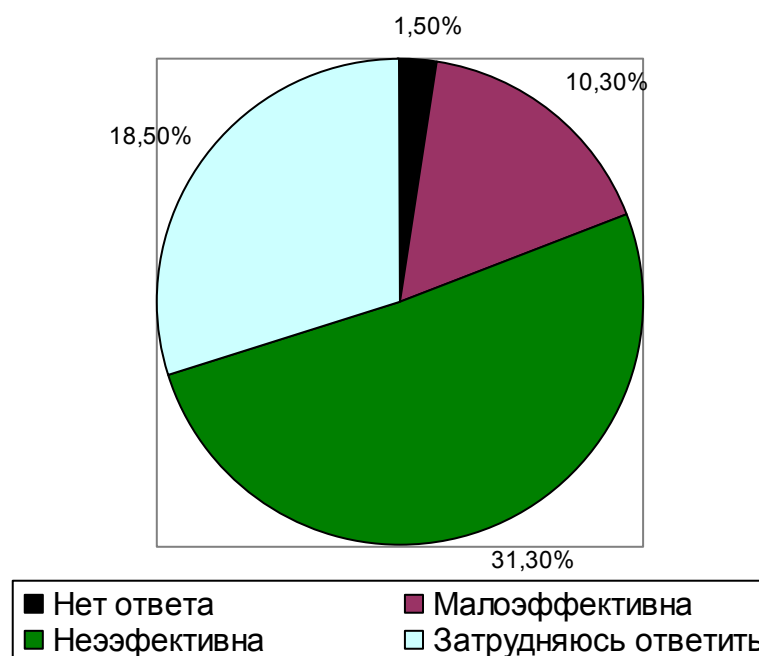

Рисунок 2 – Эффективность деятельности органов власти по борьбе с коррупцией

Оценивая динамику работы сотрудников государственных организаций за последний год по конкретным показателям, в среднем 40% опрошенных отметили улучшение в информированности и предоставлении квалифицированной консультации, умении работать с людьми, профессионализме и компетентности, оперативности решения запросов граждан. Более трети населения (в среднем 35%) указали, что ситуация по этим аспектам не изменилась, а менее 10% говорят об ухудшении положения. В ноябре 2009 г. ситуация по этим показателям была аналогичной.

Результаты опроса свидетельствуют, что чаще всего граждане обращаются за получением справок или иных документов в учреждения здравоохранения (67,6%), службы жилищно-коммунального хозяйства (53,6%), в организации по месту работы или учебы (50,0%), на предприятия связи (44,9%) и в местные органы власти (43,5%). Реже всего – в налоговые органы (18,3%), организации архитектуры и строительства – 18,2%, загсы – 14,5% и таможенные органы – 8,0% (таблица 1).

Таблица 1 – Результаты опроса «По какой проблеме Вы обращались к представителю местной власти?», %

Нет ответа	57,9
По поводу проблем с коммунальным обслуживанием (ремонт жилья, проведение газа, воды, теплоснабжение, благоустройство и т.д.)	21,1
По вопросу трудоустройства	5,8
По вопросу улучшения условий труда, разрешения трудовых конфликтов	3,2

Продолжение таблицы 1

По вопросам, связанным со сферой образования (устройство детей в дошкольные учреждения, школу и т.д.)	4,5
По вопросам выделения или приватизации земельного участка	6,8
По жилищному вопросу (выделение жилья, постановка на очередь, приватизация жилья)	15,5
По проблемам работы общественного транспорта	2,7
Другое	4,8

Наиболее удовлетворены результатами обращения посетители загсов и предприятий связи (более 80%). От 70 до 80% обратившихся в организации по месту работы или учебы, органы социальной защиты и учреждения образования также остались довольны решением своих вопросов. Обращает на себя внимание тот факт, что почти каждого пятого респондента не устраивает решение проблем в учреждениях здравоохранения, таможенных органах, организациях архитектуры и строительства, а практически каждого четвертого участника опроса – в службах жилищно-коммунального хозяйства. При этом следует иметь в виду, что организации здравоохранения и ЖКХ являются наиболее посещаемыми гражданами.

С 55,1% до 64,2% увеличилось число жителей страны, которые указали, что их устраивает размещение сведений на информационных стендах, и соответственно с 38,0 до 21,8% уменьшилось количество граждан, утверждающих, что информации недостаточно. Однако по-прежнему практически каждому пятому опрошенному (21,8%) приходится обращаться за разъяснениями к должностному лицу. Граждане, пользовавшиеся информационными стендами (86,2%), больше всего недовольны тем, что важная информация не выделяется (17,6%). При этом данная проблема является наиболее актуальной уже на протяжении двух лет. От 12% до 8% респондентов отметили следующие недостатки: информация напечатана мелким шрифтом (сложно прочесть); информационный стенд расположен неудобно для чтения; нет наглядных сведений, что госорган может сам запрашивать необходимые документы; отсутствует перечень документов, необходимых для получения справки.

По данным опроса, каждый пятый житель Беларуси пользовался книгой замечаний и предложений. Практически каждый третий респондент (35,4%) говорит о значительном влиянии данного канала обратной связи на решение своих проблем, а каждый четвертый (24,8%) – о незначительном. Каждый шестой участник опроса (16,3%) утверждает, что введение книги замечаний и предложений не помогает в решении существующих проблем. Среди основных недостатков, с которыми респондентам приходилось сталкиваться при пользовании книгой замечаний и предложений, были отмечены следующие: книга не предъявлялась по первому требованию, не поступало информации о принятых мерах, не было реакции на изложенные замечания и предложения.

Респондентам было предложено внести свои предложения по улучшению работы с гражданами. Выяснилось, что посетителям больше всего не хватает внимательного, уважительного отношения со стороны чиновников. Также участники опроса советуют усовершенствовать организационно-правовую базу работы с гражданами, в том числе повысить оперативность решения вопросов, уменьшить документооборот, ужесточить контроль за работой чиновников, ввести предварительную запись и др.

Но чтобы увидеть, как страна продвинулась вперед, насколько ее граждане стали жить лучше, обычно сравнивают все показатели с предыдущим годом. Из тысячи показателей, наверное, стоит взять только один ключевой, обобщающий – рост валового внутреннего продукта. Беларусь из года в год демонстрировала завидную динамику – ВВП прирастал в год на 8–11%. Причем все больше национального продукта создается

в сфере услуг, что соответствует мировым тенденциям. Вследствие такого роста доходы и расходы консолидированного бюджета страны возросли более чем в 15 раз.

Как изменилась жизнь белорусов за эти годы? Прежде всего отметим, что реальные денежные доходы населения (начисленные зарплаты и назначенные пенсии, а также различного рода государственные пособия) не просто стали значительно большими, они выросли в разы, что не могло не сказаться как на благосостоянии, так и на мироощущении граждан: они изменились и весьма заметно. Ведь бытие, как утверждали классики, определяет сознание. И наоборот. Потому-то доминируют у людей спокойствие, уверенность, надежда и радость. Так, треть опрошенных отметили, что за 2010 г. их материальное положение в той или иной степени улучшилось. Его ухудшение отмечают в два раза меньше граждан, которым задавали этот вопрос. Картина разительно отличается от той, что была в 2000 г.: тогда эти цифры были противоположными. И еще характерный штрих: на 40% увеличилось число людей, которые относят себя к среднему классу, а считающих себя бедными – уменьшилось на треть. Соответственно, большая часть респондентов воспринимает и оценивает социально-экономическую ситуации в стране как стабильную и почти три четверти в той или иной степени довольны своей жизнью. Причем люди надеются, что тенденция к ее улучшению остается неизменной. Так, в среднем по республике изменения жизни в лучшую сторону ожидает более трети опрошенных, в явном меньшинстве оказались пессимисты. Самая волнующая проблема, по мнению населения, – рост цен. Конечно, молодых больше беспокоит перспектива получения крыши над головой и первого рабочего места. В то же время межнациональная напряженность и напряженность на религиозной почве – во втором десятке, замыкают список проблем, которые беспокоят общество.

Значительные усилия по де бюрократизации госаппарата, борьбе с коррупцией, похоже, принесли плоды: более пятой части опрошенных отметили низкий уровень коррупции в Беларуси, а большинство считает, что за последние два года улучшился стиль, формы и методы работы с гражданами в госучреждениях. Вместе с тем вызывает удивление, что 13% ничего не знают о заявительном принципе «одного окна», который является одним из действенных механизмов в системе де бюрократизации. В целом его реализация уже сейчас значительно улучшила работу государственных структур. Еще имеющиеся недочеты связаны и с отсутствием базы данных, которая во многих ведомствах пока находится только на бумажных носителях. Активное внедрение компьютерных технологий позволит устранить упущения в функционировании принципа «одного окна». На работе государственного аппарата сказывается и профессионализм кадрового корпуса исполнительной власти, который в целом находится на высоком уровне.

Но общее настроение граждан страны можно охарактеризовать однозначно: люди видят, что жизнь меняется к лучшему. Конечно, есть проблемы, но они решаемы, органы власти каждодневно занимаются этим. По мнению респондентов, это, во-первых, недостатки в информированности граждан о своих правах и, во-вторых, слабая мотивация чиновников в качественной работе с населением.

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос «Что мешает более эффективному развертыванию процесса де бюрократизации?», %

Недостаточная информированность граждан о своих правах	68,9
Неумение или нежелание чиновников работать с населением	32,7
Низкий уровень квалификации и компетентности работников	17,0
Слабый контроль за исполнением з на местах аконодательных актов	21,8
Неподготовленность информационной базы	22,3
Неэффективная система документооборота	14,6

Продолжение таблицы 2

Неприятие должных мер для упрощения административных процедур	9,1
Отсутствие единого подхода к пониманию принципа «одного окна»	11,9

Как видно из таблицы 2, особое значение в организации работы с гражданами имеют самые разнообразные формы непосредственного или опосредованного обращения с ними со стороны представителей органов власти и управления. Граждане не только прямо или косвенно выказывают значительные претензии к работникам государственных организаций и учреждений, заявляя о неумении и нежелании чиновников работать с людьми, низком уровне их квалификации, но и указывают на слабый контроль за тем, как на местах выполняются законодательные акты.

Остается актуальной проблема ненадлежащего стиля поведения должностных лиц при непосредственном обращении граждан в государственные учреждения и организации. Сумма долей положительных оценок этого поведения составляла 36,1%, отрицательных – 89,2%. Как видим, должные лица при работе с гражданами по-прежнему весьма часто проявляют высокомерие и чванство, демонстрируют низкую компетентность, пытаются уйти от проблемы, допускают волокиту в решении вопросов. Полученные данные свидетельствуют о необходимости совершенствования механизма подбора и расстановки кадров, непосредственно работающих с населением, и актуальности регулярно повышения квалификации специалистов, занятых в этой сфере деятельности.

Для повышения ответственности, качества рассмотрения обращений, жалоб и снижения бюрократического отношения к проблемам граждан Президентом Республики Беларусь утверждены Директива № 2 «О мерах по дальнейшей дебиюкратизации государственного аппарата» и Указ от 15 октября 2007 г. № 498 «О дополнительных мерах по работе с обращениями граждан и юридических лиц». Вступление в силу этих документов призвано коренным образом изменить отношение государственных органов к организации данной работы на основе повышения личной ответственности руководителей и должностных лиц за ее состояние на местах. Необходимо принимать самые жесткие и решительные меры по искоренению в деятельности отдельных чиновников формализма, волокиты, бездушия и неуважения к людям, ибо это формирует негативный имидж власти в сознании людей.

Заключение

Главной целью социально-экономического развития Беларуси было и остается повышение уровня и качества жизни людей. А это возможно только при условии стабильной работы реального сектора экономики. Правительство планирует сделать шаг в стимулировании роста инвестиций в производство, инфраструктуру и развитие инноваций. Беларусь должна в полной мере реализовывать себя в таких сферах, как современная нефтехимия, энергетика, машиностроение, коммуникации, фармакология, интеллектуальные услуги. Реализация совместных планов правительства и Национальной академии наук по модернизации научной сферы принесет реальные результаты и даст экономике перспективные разработки. Развитие наукоемких, ресурсосберегающих производств станет одним из основных направлений в промышленности Беларуси.

Наряду с реализацией крупных проектов значительное внимание будет уделено развитию малых и средних предприятия. В частности, правительством будет организован эффективный контроль за разработкой такими предприятиями бизнес-планов. Обращение в Беларуси должно полностью соответствовать современным требованиям развития экономики. Современный специалист должен не только четко определять направления развития своей отрасли, но и обладать способностью видеть в ней новое и перспективное. Заострено внимание на продвижении отечественной продукции

на внешний рынок. На сегодняшний день обучение специалистов в этой сфере является недостаточно эффективным и требует серьезных изменений.

Правительство Беларуси делает большую ставку на вклад малого предпринимательства в развитие экономики страны. К концу 2010 г. намечено довести долю малого предпринимательства в общем объеме валовой выручки до 30%, а численность занятых в этой сфере до 23–25% экономически активного населения. Правительство запланировало существенно упростить нормативно-правовую базу, регулирующую создание, деятельность и ликвидацию субъектов предпринимательства, а также лицензирование отдельных видов деятельности. Кроме того, намечено существенно упростить систему налогообложения. Особенно это коснется предприятий, работающих в таких сферах, как инновации, энергосбережение, импортозамещение. Особые налоговые льготы будут предоставлены малому и среднему бизнесу при создании производств и открытии новых рабочих мест в малых городах и районах с избыточными трудовыми ресурсами.

Основными задачами в области социальной защиты населения являются обеспечение государственной поддержки нуждающихся групп населения, повышение уровня государственных минимальных социальных гарантий, оптимизация программ предоставления помощи. Сформировавшаяся к настоящему времени система социальной защиты населения представлена разными социальными программами, которые недостаточно скоординированы. В ближайшее время предусматривается завершить реформирование системы социальной защиты граждан, направленной на реализацию принципа адресности, обеспечить доведение государственных минимальных социальных гарантий до уровня нормативов стоимости жизни, продолжить совершенствование системы пособий и выплат, механизмов защиты доходов населения от инфляции. Дальнейшее развитие получит социальное обслуживание как вид адресной помощи и неотъемлемая часть государственной системы социальной защиты. Предусматривается развитие сети нестационарных учреждений как наиболее экономичных и приближенных к реальным нуждам населения и расширение практики предоставления социальных услуг на дому. Важным направлением является создание комплексных территориальных центров социального обслуживания, обеспечивающих оказание максимальной и разносторонней помощи гражданам пожилого возраста, инвалидам, семьям, детям и другим категориям населения. При этом будут учитываться утвержденные социальные стандарты, что повысит уровень, доступность и качество оказываемых услуг. В комплексе мер по обеспечению устойчивого развития должна быть существенно повышена значимость социальной поддержки ветеранов и инвалидов. Основным направлением государственной социальной политики по отношению к ним предусматривается реабилитационное направление, ориентированное прежде всего на использование социальных механизмов компенсации и адаптации.

Rybchak S. The Debureaucratization of the State Machinery in Steady Development of the Belarus Society: Sociological Analysis

In the article the author examines the major ideology components of Belarusian state such as social well-being of people and construction of the state for people. The analysis of sociological researches about the condition of work on debureaucratization of the state machinery is resulted. The state of health of the population of Belarus in the aspect of formation of the Belarusian society is estimated. The main problems in the sphere of social protection of population are identified, such as: provision of state support for needy groups of people, level increase of state minimal social guarantees, and optimization of programs which provide assistance. The formed to today system of social protection people is presented by various social programs which are coordinated insufficiently. In the near future it is planned to complete the reform of citizens' social system aimed at realization the principle of concreteness, provide state minimal social guarantees to the level of norms of life values, continue to perfect the system of salaries, system of protection of peoples' money from inflation.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 15.02.2012

УДК 376-056-262(476)

В.Л. Ананьев

СПЕЦИАЛЬНАЯ ШКОЛА ДЛЯ ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ ЗРЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

На основе проведенных социологических исследований рассматривается место специальной школы для детей с нарушениями зрения в системе специального образования Республики Беларусь в процессе ее реформирования.

Введение

Образование является одной из важнейших компонент социальной реабилитации инвалидов. При этом школьное образование детей-инвалидов, помимо выполнения своей основной функции, является первой ступенью социальной интеграции в общество ребенка с особенностями психофизического развития.

В Республике Беларусь основным звеном системы школьного образования для детей с тяжелыми нарушениями зрения являются специальные общеобразовательные школы для детей с нарушениями зрения: 5 специальных школ-интернатов и специальная общеобразовательная школа для детей с нарушениями зрения № 188 г. Минска. Небольшая группа детей с тяжелыми нарушениями зрения проходят обучение в районных (городских) центрах коррекционно-развивающего обучения и реабилитации (ЦКРОИР). Учениками ЦКРОИР в основном являются дети, имеющие дополнительные, как правило, множественные нарушения в развитии и пригодные к обучению во вспомогательной школе. В обычных школах создаются классы интегрированного обучения для детей с нарушениями зрения.

В Республике Беларусь в постсоветский период проблемы специального образования детей с тяжелыми нарушениями зрения социологами практически не исследовались. В 2011 году социологами Центра социологических и политических исследований БГУ проведен ряд социологических опросов, целью которых является анализ существующей системы социальной реабилитации детей с тяжелыми нарушениями зрения.

Предметом исследования является специфика реабилитации и социальной интеграции детей с тяжелыми нарушениями зрения в условиях экономических и социальных реформ в Республике Беларусь. Объектом исследования являлись дети с нормальным уровнем интеллекта, учащиеся VII–XI классов специальных школ для детей с нарушениями зрения, педагоги и родители детей, учащихся специальных школ-интернатов для детей с нарушениями зрения.

Опрос учащихся проводился во всех специальных школах для детей с нарушениями зрения. Опросы родителей учеников и педагогов проводились только в специальных школах-интернатах. При проведении исследования был использован групповой опрос методом основного массива. Всего было опрошено 90,8% учащихся (238 человек), 56,7% родителей учащихся (253 человека) и 91,9% педагогов школ (237 человек).

В настоящее время в научных кругах и в прессе нашей страны обсуждается вопрос о серьезной реорганизации системы специального образования. Основным направлением этой реорганизации является повсеместный переход к интегрированному обучению детей с особенностями психофизического развития. Катализатором подоб-

ной дискуссии, на наш взгляд, является инициатива Президента страны о разработке системы дополнительных стимулов усыновления детей-сирот и создания опекунских семей и детских домов семейного типа. Реализация подобных мероприятий призвана в итоге привести к закрытию в нашей стране всех интернатных учреждений для детей-сирот, не имеющих отклонений в развитии.

В нашей стране как дети, так и их родители имеют право на выбор учреждения образования. Это право законодательно закреплено в Кодексе Республики Беларусь об образовании (далее – Кодекс) [1, с. 9–10]. Однако выбор учреждения образования должен осуществляться с учетом состояния здоровья и рекомендаций ЦКРОИР. Согласно статьи 3 Кодекса, каждый ребенок с нарушениями зрения и его родители имеют право требовать открытия в школе по месту жительства класса интегрированного обучения. Практическая реализация указанных прав может привести к закрытию практически всех имеющихся в нашей стране специальных школ-интернатов для детей с нарушениями зрения. Имеет место факт, когда в результате желания родителей и учащихся из г. Полоцка в одной из школ этого города был открыт класс интегрированного обучения и одновременно был ликвидирован целый класс в специальной школе-интернате в г. Шклове, в которой ранее дети обучались дети из г. Полоцка.

Современный мировой опыт показывает, что наиболее успешно реабилитация инвалидов, особенно детей-инвалидов, проходит в семье. Однако, по нашему мнению, в Республике Беларусь ускоренный повсеместный переход к интегрированной форме обучения детей с нарушениями зрения в настоящее время не является оптимальным.

В нашей стране имеется определенное количество детей с нарушениями зрения, являющихся сиротами, число которых в каждой школе-интернате составляет не менее 5% учащихся, исходя из чего закрытие всех интернатных учреждений образования для детей с нарушениями зрения невозможно. В этой связи нельзя также не учитывать еще и того, что определенная часть учащихся школ-интернатов для детей с нарушениями зрения – это дети из социально неблагополучных семей. Поэтому, по нашему мнению, вполне очевидным является утверждение о том, что помещение ребенка-инвалида из неблагополучной семьи в интернатное учреждение является более эффективным способом его социальной защиты, нежели попытка создания условий для его интегрированного обучения по месту жительства. Практическим подтверждением сказанному является случай помещения ребенка с тяжелыми нарушениями зрения, обучавшегося в классе интегрированного обучения в г. Бобруйске Могилевской области, в специальную школу-интернат по причине серьезных проблем в его семье.

Не следует проявлять большого оптимизма по поводу массового усыновления слепых и слабовидящих детей-сирот или передачи их на воспитание в приемные или опекунские семьи. Полное отсутствие или тяжелые нарушения зрения у человека в значительной степени ограничивает его самостоятельную жизнедеятельность. Кроме того, наличие в семье человека со зрительной депривацией оказывает определенное влияние на весь её жизненный уклад. Наличие у ребенка-сироты тяжелых нарушений зрения является дополнительным фактором, ограничивающим перспективу его усыновления или передачу в приемную или патронатную семью. Однако наличие детей-сирот со зрительной депривацией не является главным фактором, способствующим сохранению в ближайшем будущем в нашем государстве специальных школ-интернатов для детей с нарушениями зрения.

В мире существуют различные системы образования детей с нарушениями зрения: интегрированное обучение в обычной школе в обычном классе (США, Израиль), обучение в специальной школе и смешанная система: обучение как в обычной, так и в специальной школе (Франция). В диаграмме, изображенной на рисунке 1, пред-

ставлены результаты опросов, отражающие отношение респондентов к различным вариантам, системы образования слепых и слабовидящих детей.

Рисунок 1 – Распределение ответов на вопрос «Какая система образования для незрячих и слабовидящих детей должна быть в нашей стране?», %

Анализ полученных результатов показывает, что в нашей стране сторонников интегрированных моделей обучения детей с нарушениями зрения меньшинство, не менее трети респондентов всех групп поддерживают существование в нашей стране только специальных школ. Достаточно большие группы опрошенных родителей и педагогов и учащихся поддерживают право свободного выбора формы обучения. Дальнейший анализ показывает, что поддержка большинства опрошенных родителей права свободного выбора форм обучения их детей, скорее всего, есть не что иное, как нейтральная позиция в отношении реформы системы специального образования, а возможно, и скрытая поддержка существования специальных школ. Сказанное подтверждают следующие данные опроса.

На вопрос о желании того, чтобы их ребенок обучался в интегрированном классе обычной школы по месту жительства, только 17,4% опрошенных родителей ответило положительно, 41,5% ответило отрицательно, 41,1% родителей затруднилось ответить на данный вопрос. Группу родителей, не желающих обучения своего ребенка в интегрированном классе в школе по месту жительства, составляют: 39,3% – жители населенных пунктов, где находятся специальные школы-интернаты, 25,7% – жители сельской местности, 17,1% – жители областных городов, 15,2% – жители малых городов, 2,9% – жители крупных городов. Структура анализируемой группы респондентов имеет незначительные отклонения от распределения по месту жительства всех опрошенных родителей: 37,9% – жители населенных пунктов, где находятся специальные школы-интернаты, 26,1% – жители сельской местности, 14,2% – жители областных городов, 14,6% – жители малых городов, 6,7% – жители крупных городов.

Респондентам-учащимся также было предложено выразить свое отношение к обучению в специальном классе для детей с нарушениями зрения в обычной школе (рисунок 2). Анализ результатов проводился в трех группах респондентов:

- 1) все учащиеся, имеющие родителей (91,2% респондентов);
- 2) учащиеся, жители населенных пунктов, где находится школа, – «местные учащиеся» (40,4% респондентов);
- 3) учащиеся, проживающие в других населенных пунктах, – «неместные учащиеся» (50,8% респондентов).

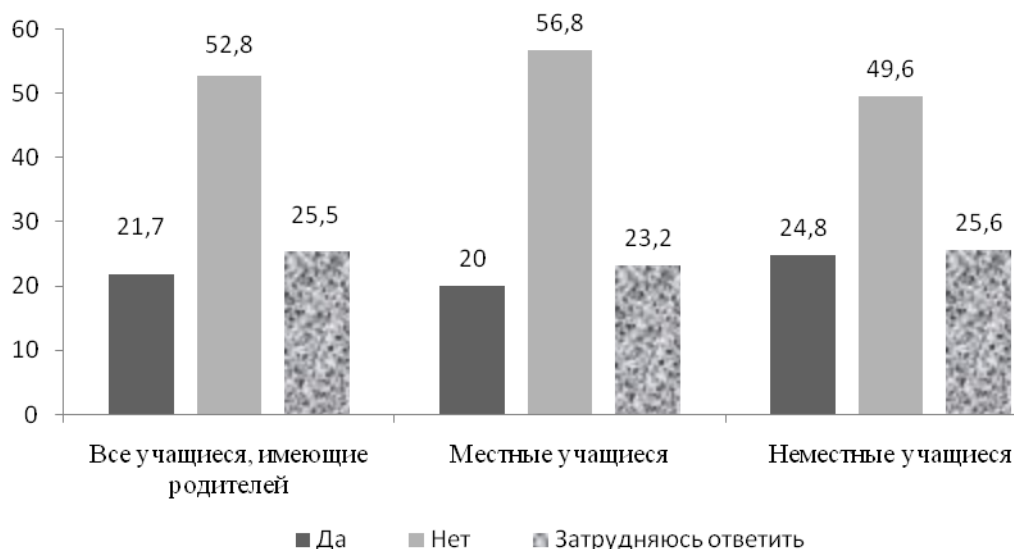

Рисунок 2 – Распределение ответов учеников на вопрос «Ты хотел бы учиться в специальном классе для детей с нарушениями зрения в обычной школе?», %

Сопоставляя приведенные результаты опросов, можно предположить, что для большинства опрошенных учащихся и их родителей, интегрированное образование в обычных школах по месту жительства пока не может составить серьезной конкуренции специальным школам-интернатам. Данное утверждение в равной степени относится к учащимся и родителям из всех типов населенных пунктов. Исследования указывают на противоречивую ситуацию: в то время как высшие чиновники Министерства образования нашей страны заявляют о повсеместном внедрении интегрированного образования детей с особенностями психофизического развития, представители органов образования на местах не проявляют должной активности в пропаганде интегрированного образования среди родителей слепых и слабовидящих детей.

На вопрос «Предлагал ли Вам кто-нибудь перевести Вашего ребенка на обучение из школы-интерната в интегрированный класс в школе по месту жительства?» ответы родителей распределились следующим образом: 77,1% опрошенных таких предложений ни от кого не получали, 9,1% получали их от людей, не связанных с системой образования, 4,3% респондентов такие предложения получали от работников школ по месту жительства или ЦКРОИР, 3,2% опрошенных такие предложения получали от работников отделов образования и от родителей, чьи дети обучаются в классах интегрированного обучения в обычных школах или в ЦКРОИР, а 2,4% – от работников школы-интерната. Отказались ответить на предложенный вопрос 1,6% респондентов.

Родителям предлагалось ответить на вопрос о том, обращались ли они сами куда-нибудь по поводу возможности перевода своего ребенка на интегрированное обучение по месту жительства. Данные опроса указывают на практически абсолютную пассивность самих родителей в поисках возможности смены формы обучения своего ребенка: 91,7% опрошенных родителей не обращались никуда, 4,3% опрошенных обращались в школу по месту жительства, а 1,6% – в местный отдел образования. Таким

образом, в ближайшей перспективе не следует ожидать реформы специального образования детей со зрительной депривацией «снизу», т.е. массового перевода этой категории учащихся на интегрированное обучение в школы по месту жительства по инициативе их родителей.

Опрашиваемым родителям было предложено оценить психологическую готовность их детей к интегрированному обучению в условиях обычной школы (рисунок 3).

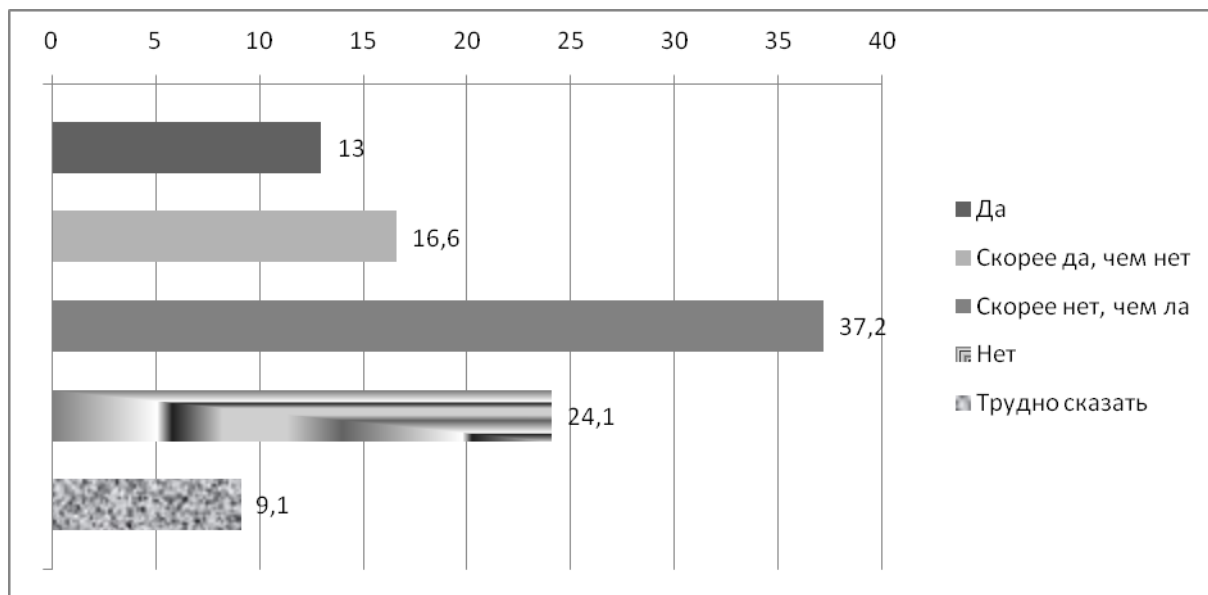

Рисунок 3 – Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, в настоящее время Ваш ребенок готов к обучению в условиях настоящей школы?», %

Полученные результаты представляют собой лишь общую субъективную оценку ситуации. Вместе с тем анализ полученных данных позволяет сделать вывод о том, что только менее половины опрошенных родителей считают, что их дети психологически вполне готовы к обучению в условиях обычной школы. Указанное обстоятельство также не способствует укреплению у родителей положительного имиджа инклюзивного образования детей с нарушениями зрения.

Данные таблицы 1 дают ответ на вопрос о том, по каким причинам родители предпочитают обучение своих детей в специальной школе. Анализ результатов проводился как по массиву в целом, так и в двух группах респондентов. Первую группу респондентов составили родители, проживающие в населенных пунктах не по месту нахождения специальных школ? – «неместные родители» (62,1%), вторую – родители, жители населенных пунктов, где находится школа? – «местные родители» (37,9%).

Таблица 1 – Распределение ответов родителей на вопрос «Почему Ваш ребенок обучается в школе-интернате, несмотря на то, что Вы можете требовать открытия в обычной школе по месту Вашего жительства класса интегрированного обучения», %

Причины	Все	Неместные	Местные
Нет уверенности, что качество образования по месту жительства будет таким же, как и в школе-интернате	35,2	42,3	22,9
Мой ребенок не сможет безопасно добираться из дома до школы	19,4	23,1	13,5

Продолжение таблицы 1

В школе по месту жительства нет класса интегрированного обучения	26,1	27,6	22,9
По месту жительства мой ребенок не будет получать той медицинской помощи, которую он в настоящее время получает в школе-интернате	35,6	39,7	29,2
Опасаясь насмешек, издевательства других учеников над моим ребенком из-за его инвалидности	28,5	27,6	30,2
Педагогами школы моему ребенку не будет уделяться должного внимания	33,2	28,2	41,7
Трудные семейные обстоятельства	6,3	8,3	3,1
В школе по месту жительства не будет всех нужных моему ребенку технических средств реабилитации	11,9	11,5	12,5
В школе по месту жительства нет педагогов, имеющих специальную подготовку для работы с детьми с нарушениями зрения	33,6	32,7	35,4
В здании школы нет соответствующей безбарьерной среды	5,9	8,3	2,1
Нет ответа	1,2	0,0	3,1

Обе исследуемые группы родителей находятся в различных условиях выбора места обучения своих детей. Для «неместных родителей» специальная школа – интернатное учреждение, для «местных родителей» специальная школа является обычной местной школой, их дети воспитываются в своей семье. Таким образом, острота проблемы выбора родителей, у которых по месту их проживания есть специальная школа, намного меньше, чем у родителей, стоящих перед выбором: или отдать своего ребенка в интернат, или добиваться открытия для него класса интегрированного обучения по месту жительства. Вместе с тем полученные результаты указывают на то, что причины обучения детей в специальных школах у всех родителей примерно одинаковые. Полученные результаты в целом отражают реальные проблемы, которые возникают в процессе внедрения инклюзивного образования детей с тяжелыми зрительными нарушениями, а следовательно, указывают на пассивную позицию значительной части опрошенных родителей в отношении повсеместного перехода на интегрированное обучение детей со зрительной депривацией.

Следует отметить наличие еще одной трудно выявляемой социологическими методами причины, по которой родители не стремятся к переводу своих детей на интегрированную форму обучения. Пребывание ребенка в стенах школы-интерната на протяжении длительного периода (около 9 месяцев в году) снимает большую часть проблем как материального, так и морального плана, связанных с содержанием своего ребенка. Среди родителей учащихся школ-интернатов для детей с нарушениями зрения есть инвалиды по зрению, которые сами учились в такой же школе (часто даже в той, где теперь учится их ребенок). Для таких родителей весьма характерной в отношении своих детей является установка: «В школе-интернате моему ребенку хуже, чем дома, но ничего, он потерпит, ведь я же терпел». Сказанное с некоторыми вариациями относится также и к родителям из социально неблагополучных семей.

Дополняют общую оценку отношения родителей к инклюзивному образованию оценка ими возможных последствий его повсеместной практической реализации (таблица 2). Анализ данных проводился как в целом по массиву респондентов, так и по двум выделенным выше группам опрошенных родителей.

Таблица 2 – Распределение ответов родителей на вопрос «Как Вы считаете, что влечет за собой переход к обучению слепых и слабовидящих детей в обычной школе?», %

Ожидания респондентов	Все	Неместные	Местные
Более качественное образование	5,1	6,4	3,1
Дополнительные трудности в общении с окружающими	44,7	46,8	40,6
Отношение к инвалиду как к равному члену коллектива	24,9	24,4	26,0
Предъявление к ребенку-инвалиду требований более высоких, чем в специальной школе	24,9	25,0	25,0
Расширение круга общения ребёнка	39,1	34,6	46,9
Улучшение навыков ребёнка самостоятельной ориентации в пространстве, самообслуживания	25,3	25,0	25,0
Другое	3,2	4,5	1,0
Нет ответа	2,4	1,9	3,1

Несмотря на то, что при ответе на вопрос респондентам предлагалось отметить любое количество ожидаемых результатов, полученные данные свидетельствуют о довольно низкой активности респондентов в оценке возможных последствий повсеместного перехода на интегрированное обучение детей с тяжелыми нарушениями зрения. Незначительные отклонения показателей в различных группах опрошенных от соответствующих показателей по всему массиву указывает на то, что место проживания респондентов практически не оказывает влияния на формирование их ожиданий от перехода на инклюзивное образование детей со зрительной депривацией.

Опрошенные родители, на наш взгляд, достаточно реально оценивают возможные проблемы, связанные с внедрением инклюзивного образования, и недооценивают положительные стороны этого явления. Анализируя ожидания респондентов от перехода к интегрированному обучению детей с нарушениями зрения в обычных школах, можно сделать вывод о том, что инклюзивное образование в принципе не является для них чем-то однозначно негативным. Однако, сопоставляя описанные выше результаты, можно утверждать, что в целом положительное отношение родителей к инклюзивному образованию, по сути, носит противоречивый характер. С одной стороны, они поддерживают интегрированное обучение детей с нарушениями зрения в целом, с другой – не проявляют должной личной активности в организации по месту жительства интегрированного обучения своих детей, фактически отрицая тем самым переход к инклюзивному образованию на практике.

В инструментариях для родителей и педагогов, использованных для проведения исследования, присутствовал блок вопросов, направленных на изучение мнения респондентов об уровне учебного процесса в школе-интернате по двум критериям: степень общей удовлетворенности уровнем учебного процесса в школе и сравнение уровня образования в школе-интернате с уровнем образования в обычной школе. Полученные результаты опроса изображены в диаграммах на рисунках 4 и 5.

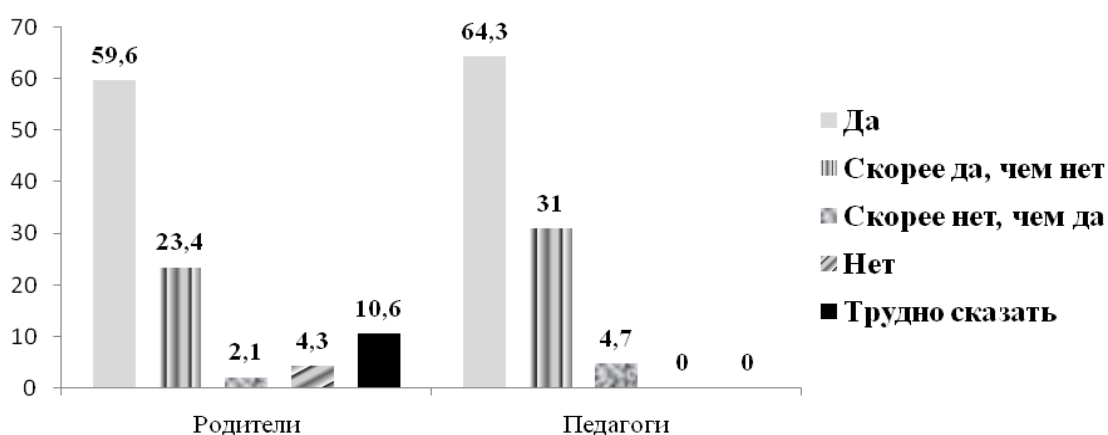

Рисунок 4 – Распределение ответов родителей и педагогов на вопрос «Удовлетворены ли вы качеством учебного процесса в школе?», %

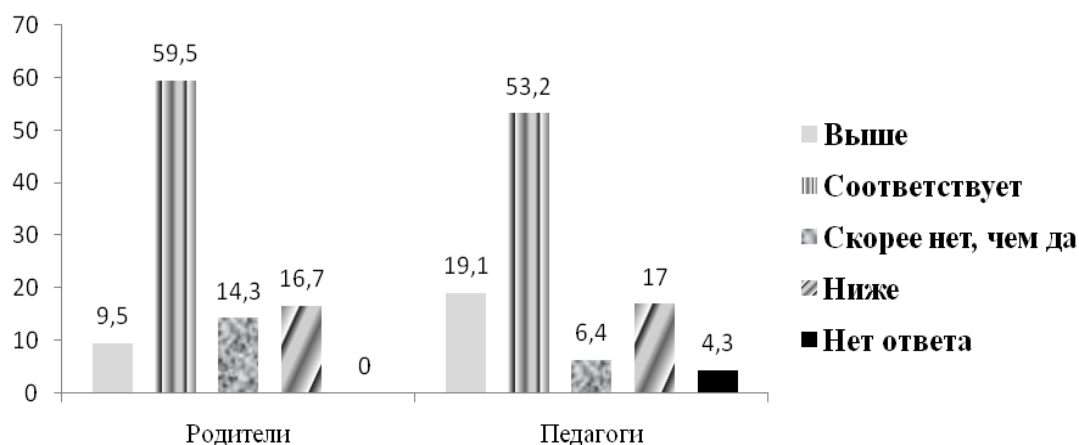

Рисунок 5 – Распределение ответов родителей и педагогов на вопрос «В какой степени уровень образования в данной школе по своему качеству соответствует уровню образования в обычной школе?», %

Анализ данных диаграмм позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, большинство опрошенных вполне удовлетворено качеством учебного процесса в школе-интернате. Во-вторых, школа-интернат, по мнению большинства, дает учащимся образование по качеству соответствующему уровню образования в обычной школе.

Несмотря на то, что оценки родителей и педагогов в обоих случаях примерно одинаковы, не следует сравнивать результаты опроса родителей и педагогов между собой. Родители оценивали прежде всего работу педагогов и руководства школы и косвенно всю государственную политику в области специального образования, т.е. работу других, а педагоги фактически оценивали прежде всего свою работу. Именно этим обстоятельством можно объяснить некоторое смещение в сторону положительной оценки ответов педагогов по сравнению с соответствующими ответами родителей.

Анализ данных ответов родителей на вопрос о сравнении уровня образования в школе-интернате с обычной школой в разрезе места жительства респондентов указывает на следующее. Среди тех родителей, кто считает, что уровень образования в школе-интернате выше, чем в обычной школе по месту жительства, 66,1% – жители сельской местности, по 11,1% проживают во всех других регионах, 5,6% опрошенных не указали своего места жительства. Среди родителей, считающих, что уровни образования школы-

интерната и обычной школы по месту жительства соответствуют друг другу, главное место занимают представители населенных пунктов, где находятся специальные школы (38,7%), что вполне понятно, второе и третье места занимают жители сельской местности и представители областных центров – 24,7% и 17,2% соответственно, 15,1% и 4,3% респондентов – представители малых и крупных городов соответственно.

Группу родителей, считающих, что школа-интернат обеспечивает получение образования ниже уровня образования в обычной школе, большинство – это жители населенных пунктов, где находятся специальные школы 55,6%, по 22,2% опрошенных составляют жители областных центров и малых городов.

Заключение

Анализ результатов описанных выше социологических опросов позволил сформулировать следующие выводы:

1. Интегрированное обучение детей с нарушениями зрения в Республике Беларусь пока не имеет значительного числа сторонников среди родителей, чьи дети обучаются в интернатных учреждениях.

2. Отношение родителей к инклюзивному образованию носит противоречивый характер. С одной стороны, родители в общем поддерживают интегрированное обучение детей с нарушениями зрения, с другой – они не проявляют должной личной активности в организации интегрированного обучения своих детей по месту жительства, фактически отрицая переход к инклюзивному образованию на практике.

3. Непопулярность у родителей учащихся спецшколы интегрированного обучения их детей связана прежде всего с их оправданными опасениями, что обычные школы не смогут обеспечить тот уровень образования и медицинской помощи, который их ребенок получает в школе-интернате.

4. В ближайшей перспективе основным звеном системы школьного образования детей с тяжелыми нарушениями зрения по-прежнему будет являться специальная школа.

5. Ориентация государственной политики в области специального образования на ускоренное массовое закрытие существующих в Республике Беларусь специальных интернатных учреждений для детей с нарушениями зрения приведет к значительному снижению уровня образования детей со зрительной депривацией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2011. – 404 с.

Ananiev V.L. Special School for Children with Visual Impairment in the Condition of Reforming of Special Education System in the Republic of Belarus

On the basis of social research the place of special school for the children with visual impairment in the system of special education in the Republic of Belarus in the process of its reforming is considered

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 10.02.2012

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

Ананьеў В.Л. – малодшы навуковы супрацоўнік Цэнтра сацыялагічных і палітычных даследаванняў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Бабосава К.С. – кандыдат сацыялагічных навук, старшы навуковы супрацоўнік Інстытута сацыялогіі НАН Беларусі

Бараноўская Т.Р. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт кафедры спецыяльнага музычнага інструмента факультэта мастацтваў і дызайна Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы, намеснік дэкана па навуковай працы

Бубноў Ю.М. – доктар сацыялагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры гуманітарных дысцыплін Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта харчавання, галоўны навуковы супрацоўнік Магілёўскага інстытута рэгіянальных сацыяльна-палітычных даследаванняў

Бяляева А.В. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры філасофіі і культуры Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Грыбаў Г.М. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, прафесар кафедры філасофіі і культуралогіі Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Землякоў Л.Я. – доктар палітычных навук, прафесар, прафесар кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Крыштофік-Гогаль Э. – магістр гуманітарных навук Беластоцкага ўніверсітэта (Рэспубліка Польшча)

Кузьмін А.Д. – аспірант кафедры гісторыі і культуры Беларусі Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова

Лашук І.В. – кандыдат сацыялагічных навук, загадчык сектара культурных інавацый Інстытута сацыялогіі НАН Беларусі

Лысюк А.І. – доктар палітычных навук (Украіна), кандыдат філасофскіх навук, прафесар кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Люкевіч У.П. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры спартыўных дысцыплін Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Ляўко В.А. – аспірант трэцяга года навучання Нацыянальнага інстытута адукацыі

Макаранка І.М. – аспірант другога года навучання Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў

Мельнікаў А.П. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт кафедры паліталогіі юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Пушкін І.А. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гуманітарных дысцыплін Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта харчавання

Ротар Н.Ю. – доктар палітычных навук, прафесар, прафесар кафедры паліталогіі і дзяржаўнага кіравання Чарнавіцкага нацыянальнага ўніверсітэта імя Ю. Фядзьковіча (Украіна)

Рыбчак С.У. – навуковы супрацоўнік Інстытута сацыялогіі НАН Беларусі

Сакалоўская М.Р. – старшы выкладчык кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Севярын Э.М. – выкладчык кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна, аспірант кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Сухоцкі М.М. – вядучы спецыяліст Інфармацыйна-аналітычнага цэнтра пры Адміністрацыі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь

Якавук Т.І. – кандыдат культуралогіі, доктар сацыялагічных навук, прафесар кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыйныя калегіі;

Артыкулы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мовах у двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкарскага аркуша, у электронным варыянце ў фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, што ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Забараняюцца скарачэнні слоў, акрамя агульнапрынятых.

Спіс цытуемай літаратуры павінен быць аформлены паводле ДАСТА 7.1-2003 і размешчаны ў канцы тэксту. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад: [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Забараняецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Артыкул уключае наступныя элементы па парадку:

- УДК;
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў);
- назва друкуемага матэрыялу;
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (кегль – 10 pt.);
- асноўны тэкст з табліцамі, графікамі і іншымі ілюстрацыйнымі матэрыяламі, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у спіс навуковых выданняў для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў;
- бібліяграфічныя спісы да артыкула ў адпаведнасці з ДАСТАм 7.1-2003;
- рэзюмэ на англійскай мове (кегль – 10 pt.) з перакладам прозвішча і ініцыялаў аўтара (аўтараў) і назвы друкуемага матэрыялу.

Да рукапісу артыкула абавязкова даюцца:

- звесткі пра аўтара на *беларускай* мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнасю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, хатні адрас і тэлефон);
- для аспірантаў і суіскальнікаў – звесткі аб навуковых кіраўніках;
- рэкамендацыя калегіяльнага органа ўстановы (падроздзялення), дзе працуе (вучыцца) аўтар;
- рэкамендацыя знешняга рэцэнзента;
- экспертнае заключэнне.

Рэдакцыйная калегія часопіса праводзіць экспертызу атрыманых дакументаў і робіць дадатковае рэцэнзаванне артыкулаў. Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Карэктары *К.А. Зуева, Л.М. Калілец, Ж.М. Селюжыцкая*
Камп'ютэрнае макетаванне *А.Я. Кулай, С.М. Мініч*

Подписано в печать 02.05.2012. Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Гарнітура Таймс. Ризографія. Усл. печ. л. 19,76. Уч.-изд. л. 16,95.
Тираж 100 экз. Заказ № 148.

Издатель и полиграфическое исполнение
УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина».
ЛИ № 02330/277 от 08.04.2009.
224016, Брест, ул. Мицкевича, 28.